

СЕКСУАЛЬНЫЙ ЗВЕРЬ

А в т о р б е с т с е л л е р а

ДЖОРДЖИЯ ЛЕ КАРР

Лейла Иден Он воплощал в себе все, что я больше всего ненавижу в человеке. Высокомерный, пошляк, весь в татуировках, кулачный боец, предполагающий, что он Божий дар для женщины, но... достаточно одного взгляда в его глаза, притягивающие, как магнитом, и я становлюсь просто сумасшедшей, начиная делать такие вещи, о которых раньше даже и не задумывалась. Я говорю себе, что стоит один разочек попробовать... что в этом может быть плохого, если я это сделаю? Но что произойдет, если одного раза будет не достаточно... Билли Джо Пилкингтон Она самая горячая девушка, которую я знаю, и я мечтаю о ней с тех самых пор, как только начал трахаться, но она бл*дь избалованная маленькая принцесса, которая возомнила о себе, будто она что-то особенное. Она была не такой уже высокомерной и сильной после своего первого урока на коленях. Ну, у меня есть для нее новости... я собираюсь сломить всю ее защиту, стереть высокомерный фасад, и забрать, что хочу. И на этот раз я удержу то, что будет принадлежать мне... Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+

Мышь в баре на полу

Немного Гиннеса пролилось на пол в баре,
Когда паб закрылся на ночь
Из своей норы выполз крошечный серый мышь
И в бледном лунном свете
Слизал пивную пену с пола,
Затем плюхнулся на задницу
И всю ночь напролет можно было слышать его рев:
«Приведите эту чертову кошку!»

Ирландский анекдот

Лейла

Любовь, это когда девочка пользуется духами, а мальчик использует одеколон

после бритья, а потом они идут и нюхают друг друга.

Карл, 5 лет

— Что ты тут стоишь? Иди воспользуйся ванной комнатой наверху, — говорит Риа, когда замечает меня в конце очереди в ванную комнату на первом этаже.

Она права. Хвост очереди очень длинный.

— Я лучше воспользуюсь кабинкой снаружи, — отвечаю я.

— Не будь такой глупой. Там тоже огромная очередь, уж будь уверена.

Я прикусываю губу. Риа двоюродная сестра Би Джей Пилкингтона (*настоящее имя Билли Джо Пилкингтон, сокращено ВД — Би Джей*) и мы в его доме — Silver Lee, пещерообразном особняке в стиле арт деко, с массивными окнами, которые идут по всему периметру дома. Би Джей устроил эту вечеринку для моего брата Джека и его жены Лили. И хотя мне нравится общаться с Риа, но я и Би Джей разделяем жгучую взаимную неприязнь друг к другу.

На самом деле я даже не хотела идти, но мама заставила.

— Эта вечеринка устраивается в честь твоего брата, — сказала она недовольным тоном, который я знала не посмею ослушаться. — Это будет невежливо с твоей стороны и да поможет мне Бог, я тебя так не воспитывала, чтоб ты знала.

— Ты на самом деле думаешь, что можно воспользоваться? — с сомнением спрашиваю я, поглядывая наверх длинной, изогнутой из темного дерева лестницы. Никто, кажется туда не ходит. Понятно, что сама вечеринка ограничена четырьмя гостинными на первом этаже.

— Конечно, — уверенно утверждает она.

Я предпринимаю последнее усилие.

— Я даже не знаю, где мне там искать, и не хотела бы там бродить сама по себе.

— Пойдем, я покажу тебе, — говорит она и берет меня за руку, направляясь к лестнице.

— Спасибо, Риа, — я следую за ней безропотно. Мне очень сильно нужна ванная комната. Сверху лестничной площадки я бросаю взгляд вниз и вижу большое количество красивых людей, одетых в свои лучшие наряды. Может дело в нас самих, то что мы кочевники в крови и любим наши яркие цвета. Все, разодеты, как павлины. Ни одного простого черного платья здесь не сыщешь и в помине. Риа ведет меня по коридору и приоткрывает дверь в сине-белую ванную комнату.

— Увидимся внизу, — бодро говорит она и уходит.

Я воспользовалась туалетом, потом мою руки, стоя перед зеркалом. У меня насыщенного цвета золотисто-каштановые волосы, кончики которых лежат спереди на груди. Брови прямые, глаза темно-голубые, нос узкий, губы пухлые, и подбородок хорошо различим.

На мне платье из тафты зеленовато-голубого цвета, которое я сама смоделировала и сшила. Приталенный лиф и широкий бант сзади у основания позвоночника, концы которого спускаются до середины моего бедра, «милый зад» стиль юбки, потому что она состоит — слой за слоем синего тюля электрик и кружев нижней юбки. «Кринолин», — так называла моя бабушка.

Я поправляю, распусая их. Я люблю нижние юбки. На мой взгляд, жизнь слишком коротка, чтобы не носить нижние юбки, которые выглядывают из-под юбки. Я поправляю губы помадой, сжимаю, чтобы помада равномерно распределилась по губам и выхожу из ванной.

Коридор пуст, отдаленно слышатся звуки вечеринки, доносящиеся снизу. Пока я иду по устланному коврами коридору, внезапно начинаю испытывать непреодолимое любопытство. Мне хочется открыть дверь в какую-нибудь комнату, и взглянуть хотя бы одним глазком, как Би Джей живет. Не знаю почему, возможно из-за того, что я считаю его заносчивой и высокомерной скотиной. Но за несколько секунд, я могла бы увидеть гораздо больше, нежели то, что уже видела внизу.

Ой! Черт побери, всего лишь беглый взгляд.

Я открываю первую дверь. Интерьер совершенно простой, по-видимому, это просто запасная спальня, закрываю и открываю другую. Здесь судя по внешнему виду, тоже никто не живет. Опять же, внутри все очень просто. Я толкаю следующую дверь, заперто. Ну и наконец-то, последняя дверь, к которой иду. Останавливаюсь перед ней и поворачиваю дверную ручку.

Ух ты!

Би Джей!

Я делаю шаг вперед, закрываю дверь позади себя, опираюсь на нее. И осматриваюсь вокруг, должно быть, две комнаты соединены в одну, чтобы создать такое огромное пространство. На черных стенах видна надпись — «Страха нет», выведенная белым округлым каллиграфическим шрифтом. На нее падает отблеск от настоящего потрескивающего огня в камине. Я очень давно видела подобное в журналах.

Массивная люстра висит на железном крюке в потолке, который больше походит на крюк на скотобойне, куда вешают туши, нежели на декоративный акцент. Кованная кровать с балдахинем настолько огромная, явно сделанная на заказ, темно-красные парчовые шторы с геральдическими лилиями собраны и скреплены толстыми золотыми и черными шнурами. На тумбочках, стоящих с двух сторон, имеются канделябры с настоящими свечами, воск которых стекал на золоченный подсвечник.

Вау! Так вот, что представляет из себя Би Джей. Бесчувственный, за холодными глазами которого скрывает на самом деле душа лорда из XVII столетия. Тайнственно и опасно, не меня, хоть это и странно, влечет сюда. Придя в себя от шока увиденного, я вдруг осознаю, что есть что-то неотразимо соблазнительное в моем открытии. Это сродни, словно я попала в личный мир Би Джея и заглянула ему в душу.

Я пытаюсь представить себе, как будет выглядеть комната, освещаемая канделябрами.

Пламя от свечей будет танцевать на стенах. Мой взгляд передвигается на кровать, и я представляю себя обнаженной и распростертой под большим, мощным телом Би Джея, отблеск от огня будет поблескивать у него на мышцах. Этот образ такой эротичный, одновременно волнующий и тревожный. Я чувствую, как бабочки начинают порхать у меня в животе.

Но потом хмурюсь, потому что ненавижу этого мужчину, и это еще вежливо сказано.

Но я здесь, и нахожусь в его спальне, где собственно никогда не должна быть. Но, мне по-прежнему не хочется покидать ее, поэтому я прохожу на середину комнаты, мои юбки шелестят, каблуки громко стучат по деревянному полу, эхом отскакивая от стен. Огонь потрескивает. Такое ощущение, будто я попала совершенно в другой мир, словно Алиса в стране чудес.

Словно, кто-то щелкнул перед моим носом пальцами, я поворачиваю голову в сторону антикварного из темного дуба комода. Будто бы в трансе я дотрагиваюсь до металлической ручки. Она прохладная, гладкая, и столько уже повидала за сотни лет, наверное, и ссоры и свидания. Мурашки от странного волнения, перемешанным с возбуждением, пробегают у меня по коже. Я тяну за металлическую ручку, ящик легко скользит, открываясь, нашептывая, плавно, как на роликах.

Я широко раскрытыми глазами рассматриваю содержимое.

Бархатные коробочки, стоящие одна на другой. Здесь так много тайн. Здесь хранятся все секреты Би Джея. Я беру одну и открываю — поблескивает зажим для галстука с голубым камнем. Открываю другую — зажим для галстука с черной пантерой, явно что-то старинное. Я открываю еще одну коробочку и столбенею. Золотой зажим для галстука с надписью — «*Лейла*», написанной каллиграфическим почерком и в конце маленький бриллиант. Я поднимаю голову, смотрю на себя в зеркало над комодом. Я выгляжу по-другому, странно, шокировано. Я не должна находиться здесь. Это неуместно. Я внимательно смотрю себе в глаза.

Какого хрена ты делаешь, Лейла?

Но у меня не хватает сил отвернуться и выбежать из комнаты, как сделал бы любой нормальный человек. Вместо этого, я делаю совершенно уж странную вещь, которой никогда не делала за всю свою жизнь. Я слышу, как кровь барабанит у меня в ушах, причем так громко, что я даже не слышу, как потрескивают поленья в камине. Я достаю этот зажим для галстука из коробочки, открываю свой клатч, и... упс... он падает внутрь. Черт побери, это странно! Я примерная, воспитанная, в лучших традициях католичка. Я никогда не беру того, что мне не принадлежит. Но мои пальцы сами собой закрывают сумочку. Звук кажется таким громким, что я подпрыгиваю на месте. Но теперь до меня доносятся совершенно другие звуки — потрескивающего огня и приглушенные отзвуки вечеринки снизу.

Медленно с боязнью, что могу там увидеть, я поднимаю голову и смотрю на свое отражение в зеркале. И то, что я наблюдаю, мне кажется гораздо страшнее, чем воровство. Я теперь не одна. Би Джей стоит в дверном проеме и его огромное, мускулистое сильное тело заполняет его целиком.

О Боже мой!

2.

Лейла

Холодный страх ползет у меня по позвоночнику, пульс просто дико ускоряется, пока мой мозг пытаются, что-то сообразить. Может, он не видел, как я забрала его зажим для галстука. Может, я смогу как-нибудь проскочить мимо него. Я могу притвориться, что заплутала и не знала, что это *его спальня*. Возможно. Может же быть — просто возможно. Очень медленно я дотрагиваюсь пальцем до края ящика, и он шурша закрывается, а я поворачиваюсь к нему лицом. Какие-то мужчины обладают внешностью, другие — обаянием. В Би Джей присутствует и то, и другое, но слишком резкое, почти угрожающее. Когда он появляется в комнате, все внимание обращается к нему, потому что он полностью меняет атмосферу, такое впечатление словно медведь гризли входит в комнату.

У него серебряное колечко в правом ухе, на нем надета черная футболка, армейские походные камуфляжные штаны и военные ботинки. Своим обликом он напоминает наполовину пирата, наполовину — контрабандиста. Он по-прежнему стоит не шевелясь. Опасность и сила просто сочатся из него. Мое сердце колотится, словно сейчас выскочит. *«Я могу это сделать, — дерзко думаю я. — Я не боюсь тебя. Я Иден. А Идены едят Пилкингтонов на завтрак»*. Распрямив плечи и удерживая дерзкое выражение на лице, я начинаю подходить к нему. Сама про себя молюсь, чтобы он ненароком не увидел, как у меня дрожат коленки.

В пяти шагах от него я замечаю его глаза, как поблескивающая черная смола, в них не видно никакого просвета на надежду, ничего не выражающие, совершенно непроницаемые. На долю секунды у меня появляется странное чувство, будто в воздухе витает сексуальное возбуждение. Ну, конечно, это игра моих сверх возбужденных эмоций. Сейчас его губы представляют собой единую непрístupную линию. Однажды я видела, как они растягивались в полуулыбку, но я всегда наблюдала ее случайно и краем глаза.

В шаге от его огромного, как гора тела, останавливаюсь. Он действительно чертовски огромен. Шрам на его левой щеке поблескивает от света огня в камине. Клянусь, ни один мужчина никогда в жизни не выглядел настолько негостеприимным, заставляя меня так его бояться.

— Извини, — жестко говорю я. — Я заплутала и случайно забрела сюда по ошибке. Думаю, мне стоит побыстрее вернуться вниз на вечеринку.

Он не делает шаг в сторону, чтобы пропустить меня. Он кажется таким огромным, настолько объемным, что похож на хищного дикого зверя.

Я напряженно сжимаю сумочку.

— Не мог ли ты отойти?

— Ты хочешь пройти? Так попробуй, — предлагает он мягко, его лицо лишено всякого выражения.

— Как ты смеешь? Я позвоню своему брату, если ты мне угрожаешь, — нападение всегда лучшая форма обороны.

Что-то мелькает у него в глазах, и я понимаю, что мне не следовало этого говорить. Я не должна себя так вести, если хочу легко сбежать от сюда. Он засовывает свою огромную руку в карман брюк и достает телефон.

— Хорошая идея, — его голос становится шелковистым, предупреждая. — Позвони-ка ему. Последний раз я видел его с беременной женой, по-моему твоя мать сидела рядом. Они могут поспешить сюда, в мою спальню и спасти свою драгоценную маленькую принцессу.

— Что, черт возьми, с тобой такое? — презрительно спрашиваю я.

Его брови поднимаются.

— Что, черт возьми, со мной? Ты — воровка, Лейла Иден.

У меня начинают гореть щеки, но я не собираюсь так легко ему сдаваться.

— Я не воровка, — с жаром вскрикиваю я.

— Тогда тебе нечего бояться. Позвони своему брату, — предлагает он.

Я прикусываю губу.

— Послушай. Прости, что я оказалась в твоей спальне. Давай я спущусь вниз, и мы не будем портить этот вечер, хорошо?

— Хорошо.

У меня отпадает челюсть от такой легкой победы. Я закрываю рот.

— Благодарю тебя, — тихо говорю я и даже улыбаюсь в благодарность.

— После того, как ты признаешься, что украла... и я накажу тебя.

Крик полного недоверия вырывается у меня.

— Чтоооооо?

— Это справедливо. Ты допустила ошибку и должна за нее заплатить.

Я с подозрением прищуриваюсь. Я знала, что так и будет. Я всегда знала это. Он друг нашей семьи. Но вот доказательство, которое я всегда искала,... что он просто критически низко пал. Он всегда был низок, и всегда будет таким. Он способен даже шантажировать меня! Может быть, он хочет, чтобы я раскрыла ему какие-нибудь секреты бизнеса Джейка.

— О каком наказании ты говоришь?

— Ты получишь такое, которого у тебя никогда не было... я отшлепаю тебя, — в его голосе слышится даже удовольствие.

Я смотрю на него недоверчиво. Сама идея настолько нелепа, что ее даже не стоит и рассматривать, поэтому начинаю смеяться.

Он даже не улыбается.

— Я не вижу ничего смешного.

Смех замирает у меня в горле.

— Ты не можешь по-настоящему отшлепать меня? — недоверчиво спрашиваю я, чувствуя, как озноб проходит у меня по телу.

Он вопросительно приподнимает брови.

— Ты серьезно хочешь меня отшлепать? — тупо повторяю я.

— Твоя проблема, Лейла Иден, заключается в том, что ты была избалована с самого раннего возраста. Твой отец и Джек слишком сильно любили тебя и не предпринимали

никаких дисциплинарных мер по твоему воспитанию. В следствие этого, ты выросла непослушным сорняком, — терпеливо объясняет он.

— Как ты смеешь...? — начинаю я.

Но он холодно прерывает меня.

— Это уже становится утомительным. Выбор прост: ты извиняешься и соглашаешься на порку, или мы звоним твоему брату... или может ты предпочитаешь твоей матери.

Джеку? Моей матери? Моя псевдо-ярость тут же улетучивается, как вода, сливающаяся в раковине. Я беспокоюсь прикусываю нижнюю губу, представляя мамины глаза, наполненные унижением, Джек бы смотрел на меня, не веря своим глазам. Он отдавал мне все самое лучшее. Когда мы были бедные и маленькие, мама говорила, что Джек всегда отдавал мне самый лучший кусок еды, если я хотела.

Мой поступок не имеет оправдания. Я на самом деле опозорила и обесчестила свою семью. Я прокралась в спальню Пилкингтона и украла одну вещь, как обычный воришка. Хуже всего то, что я понятия не имею, зачем я это сделала. Я никогда не делала ничего подобного, никогда. Это самая глупая и сумасшедшая вещь, которую я когда-либо совершала.

Мой взгляд скользит к его рукам. Они такие огромные, как лопаты! Я резко поднимаю взгляд на его загорелое лицо.

— Зачем ты хочешь это сделать?

Он беспечно пожимает плечами, его лицо ничего не выражает.

— Для тебя же это ничто, — с отчаянием настаиваю я.

Он улыбается, но его улыбка совершенно не веселая.

— Откуда ты знаешь, что для меня это?

Мой желудок ухает вниз. Я опускаю глаза вниз и перемещаю на пространство у него между ногами. Это конечно же было бы несолидно, но я могла бы попробовать проскользнуть у него между ног. Да, я могла бы попробовать так сделать, но мне почему-то кажется, нет я даже почти уверена, что он поймает меня, и это будет еще хуже.

— Послушай, — пытаюсь я уговорить. — Я очень, очень сожалею, что пришла сюда. Это было совершенно неправильно с моей стороны, вторгаться в твою частную жизнь, но, если ты сейчас меня отпустишь, я обещаю, что никому ничего не расскажу, — я показываю рукой вокруг комнаты. — Это будет наш секрет.

— Это очень любезное предложение, но боюсь, что у тебя есть только два пути выйти из этой спальни. Порка или, — он протягивает мобильный телефон, который лежит на ладони напоминающей по своим размерам бейсбольную перчатку, — или в компании твоего брата.

Я опускаю глаза на обычный черный телефон. Физическое наказание или душевные терзания обеих — мамы и Джека. Не очень большой выбор. Я жестко сглатываю и встречаюсь с его глазами.

— Я..., — шепчу я, — выбираю... наказание.

— Отлично, — тихо говорит он, засовывая мобильный в карман брюк и делая шаг вперед. Сразу же комната кажется намного меньше. Инстинктивно я делаю шаг назад, он пинает ногой дверь, которая тут же закрывается.

— Как мы это сделаем? — мой голос звучит четко, но сухо. Мне необходимо сохранять, хотя бы часть своего контроля.

— Я сяду на кровать, а ты ляжешь мне на колени. Я подниму твои юбки и отшлепаю тебя. Восемь раз.

Поднимет мои юбки! Мои глаза тут же опускаются на его правую руку. Бог мой! Я чувствую, как жар распространяется у меня по телу. Ах, стыдись этого. И еще, к моему ужасу, что-то темное и горячее начинает раскрываться у меня внутри, отдаваясь между ног. Я никогда не могла предположить, что такое может со мной случиться. Как я могла возбудиться от такой развратной и ужасной перспективы? Я смотрю ему в глаза. Они пусты, высматривать там собственно нечего, только видеть саму себя. Воровку.

Но я все равно вглядываюсь ему в глаза, и вижу вспышку чего-то застарелого.

И вдруг я вспоминаю. Это унижение, а не наказание за то, что я пришла к нему в спальню и украла его зажим для галстука. Это касается, что случилось давно, когда мне было всего лишь тринадцать лет. Я споткнулась о корень дерева и упала. Моя юбка взлетела кверху, выставив на показ трусики. Я до сих пор помню, из белого хлопка в красный горошек. Все дети и Би Джей видели их. Я ненавидела их за это. Я хотела вскочить, но у меня запуталась нога в корне, поэтому не могла двинуться с места. Униженная и пристыженная я так и лежала, расплостанная на земле, являясь объектом насмешек.

Кто-то из ребят засмеялся, и я знала их. Они боялись Джека и никогда бы не посмели смеяться, если рядом с ним не было Би Джея. В то время наши семьи (Би Джея и моя) упорно враждовали уже не одно поколение. Совсем недавно, Джек и Би Джей убрали ограды из колючей проволоки существующие между нашими семьями испокон века. Поскольку все знали о кровной вражде, эти парни подумали, что смогут втереться в доверие к Би Джею, посмеявшись надо мной.

Но моментально Би Джей подошел ко мне и легко поднял на ноги. Даже тогда он был уже рослым парнем. Другие сразу же перестали смеяться, потому что боялись его.

— Ты в порядке? — спросил он.

Но мне было стыдно до смерти, что он стал свидетелем моего унижения, и я с ненавистью набросилась на него.

— Убери свои грязные лапы от меня, грязный Пилкингтон, — выплюнула я ему прямо в лицо.

Он тогда носил прическу ирокез, выглядело это странно, но он покраснел до корней волос. Он убрал руки подальше от меня.

Я развернулась на каблуках, насупилась и прихрамывая, потому что у меня была вывихнута лодыжка, высоко задрал нос, отправилась домой. Я чувствовала, что он наблюдает за мной, но я даже не думала оглядываться. После этого случая мы стали врагами. И теперь он поймал меня в своей спальне.

Наконец, он сможет мне отомстить.

Он делает шаг ко мне, и я почти чуть ли не падаю, но он проходит мимо. Тревога скручивает у меня живот, я наблюдаю, как он садится на свою огромную кровать, шлепнувшись вниз со всего маха, и говорит:

— Ну, я готов.

Где сила необходима, там ее нужно применять смело, решительно и полностью. Но для

этого надо применять ее по-разному; человек должен знать, когда наносить удар для маневра, а когда идти на соглашение сторон.

Леон Троцкий 1879–1940

3.

Лейла

Он протягивает руку ко мне. Ошеломленно и не веря своим глазам, я подхожу к нему. Даже сейчас, я все еще не могу поверить, что он на самом деле собирается это совершить. Скорее всего, в последний момент он признается, что это всего лишь жестокая шутка Пилкингтона. Мои глаза с неистовством вопрошают его.

— Ложись поперек ко мне на колени, — вежливо предлагает он

О, Боже! Мгновение я даже не могу сдвинуться с места, я отказываюсь признавать, что он на самом деле думает, что я готова подчиниться такому унижению.

Совершенно не обращая внимание на мой молящий взгляд, он хмурит темные брови и многозначительно кивает головой, указывая на колени.

— Не стесняйся. Я видел все это раньше, помнишь? — со смешком спрашивает он.

Наши взгляды встречаются, я убийственно краснею, и мое чувство собственного достоинства берет вверх. *«Нет, ты презренный, отвратительный, несносный мужчина, ты не видел такого раньше. Очень многое изменилось, когда ты видел это в тот последний и единственный раз».*

Моя пятая точка фактически голая, не считая трех полосок и самого маленького треугольника из черного кружева. Эти стринги настолько далеки от трусов в горошек, которые он видел тогда. Сегодня утром я нанесла скраб на все тело, и теперь оно гладкое и шелковистое, потом втерла в каждый дюйм золотисто-коричневый искусственный загар. Мне нечего стыдиться. Я выгляжу блистательно!

Я скидываю подбородок и смотрю на него сверху вниз с презрением и сильной ненавистью. Его реакция — губы расплываются в хитрой полуулыбке, его явно это забавляет.

Я бросаю сумочку на пол, и скрипя зубами, вкладываю свою руку в его ладонь, осторожно опускаясь поперек на его колени. Я непроизвольно вздрагиваю, как только соприкасаюсь с железными мускулами его бедер. Я укладываюсь на его жестких, каменных коленях, наклонившись вперед, упершись ладонями в пол, удерживая ноги плотно сжатыми и выпрямленными. Мои носки не касаются пола, разгоряченная кровь приливает к голове,

поскольку моя позиция неловкая и совершенно неустойчивая. Нос фактически находится меньше чем в пару сантиметров от темного пола, и я вижу все пылинки на древесине, когда мигающий свет от огня в камине, падает на них.

— Готова?

Скорее ад замерзнет, нежели я дам свое согласие.

Я рада, что волосы скрывают мое пылающее покрасневшее лицо, я закрываю глаза из-за бессильной ярости и стыда. Он начинает поднимать многочисленные слои моей юбки вверх к пояснице... и мне становится абсолютно все равно. Даже воздух в комнате кажется изменился. Безумный трепет проходит по всему моему телу. *«Ты же еще не видел такого, здоровяк? — потом тут же появляется другая мысль: — Этому он не сможет противостоять».*

Я слышу, как он глубоко вдыхает, как только опускает свою большую мозолистую ладонь на мои ягодицы. Я знаю, что он видит полоску стрингов, зажатую моей киской. Возмущение, волной прокатывается у меня по спине, но я вдруг понимаю, что стала мокрой. Его ладонь до сих пор лежит у меня на попе. Я ощущаю, что она слегка двигается, словно лаская, но недостаточно явно, и я начинаю дрожать всем телом.

Би Джей

Кто так трахает мозги?

Лейла Иден своей чуть ли не совершенно голой задницей, лежащей у меня на коленях и говорящей всем своим видом: съешь-столько-сколько-ты-сможешь. Я смотрю в изумлении вниз на свои грубые ладони, покоящиеся на ее шелковистой гладкой коже. Черт побери, это невероятно! Как это вообще может произойти? Мой член оживает и вдруг становится таким жестким, я не помню его таким за всю свою жизнь. Я возбуждился и имею на это полное право, учитывая исключительные обстоятельства... я, ведь, смотрю на золотую попку Лайлы Иден, распростертую на моих чертовых коленях.

Твои персики высшего сорта, и я сниму сливки, детка.

Желание поласкать их, эту округлую форму настолько мощное, что застаёт меня врасплох. Слегка, почти против моей воли, рука сама собой ложится на две половинки упругой плоти. От этого почти незаметного действия, ее тело вздрагивает. С ее пухлых губ слетает возглас «ах», она вскидывает правую руку, лишив себе равновесия. Внезапно она начинает паниковать, поскольку ее тело опасно наклоняется и ее восхитительно длинные ноги начинают молотить по воздуху.

С огромным удовольствием я крепко обхватываю ее за талию. У нее такая маленькая, почти осиная талия. Я спокойно могу обхватить ее руками с двух сторон. Лейла опять упирается ладонью в пол, возвратив себе равновесие.

Я опускаю взгляд вниз на свою добычу.

На ее заднице какая-то жеманная маленькая фитюлька, ханжески прикрывающая ее анус. Изначально, только лишь чуть-чуть было открыто взору пространство между ее ягодицами, показывающее дразнящий треугольник кружев, прикрывающий ее киску, однако с ее бессмысленной паникой и то, что она чуть не свалилась, ее ноги раздвинулись дальше друг от друга, и сейчас она довольно нагло выставляет на показ свою киску, которая надо сказать, для такой тонкой девушки, имеет на удивление набухшие губы. Между ее розовыми губами, полоска черных стрингов, натянутая и довольно-таки жестоко врезающаяся в ее плоть. Дополнение: влажную плоть. Кому-то немного нравится наказание, так мне кажется.

То что я вижу — это действительно самый совершенный вид.

Почти не завуалированное приглашение.

Мои пальцы испытывают настоящий зуд, отодвинуть в сторону эту нелепую полоску и ввести их в киску. Что она будет делать? Никаких сомнений, заорет так, будто ее режут. И поэтому не стоит рисковать. Черт, я бы с удовольствием трахнул эту женщину, плюющуюся от злости и шипящую. Не думаю, что у меня когда-нибудь была такая заносчивая и горделивая сучка. Даже от одной мысли у меня начинают течь слюни, но мне нужно сделать вид, что это наказание, а не удовольствие.

— Ты должна считать удары, иначе они не будут засчитаны, — говорю я, совершенно отстраненным голосом, не передающим моих эмоций.

Она замирает и вокруг моей ладони появляется гусиная кожа на ее идеальной попке.

— Не тяни резину! — хрипло отвечает она.

Я улыбаюсь про себя. *Ах, Лейла, ты так чертовски хороша и настолько предсказуема.*

Она полна решимости пройти через это неприятное событие, как можно быстрее и явно не доставит мне удовольствие услышать ее визг.

У тебя нет шансов, детка.

Я отрываю ладонь от ее задницы, и она напрягает ягодицы в ожидании. Я ничего не могу с собой поделать. Взмах рукой и моя ладонь падает на ее упругую плоть. Она стонет, и запах ее возбуждения просто ударяет меня, как зов в брачный период. Этот запах, способный свести мужчину (ну, мне на это совершенно наплевать) с ума. Шквальным от него перехватывает дыхание, настойчивый, и мне хочется ответить на него.

Лейла Иден может быть задирающей нос, важничающей сучкой, но я хочу трахнуть ее причем так сильно, что напоминаю себе, тех кобелей, которые перепрыгивают через забор, рая лапы, только лишь потому, что во время течки сука находится по другую сторону. У нее такое тело, что я хочу все ночи, каждую ночь, погружаться в него. Я хочу пришиллить ее, как куклу, которой она и является, широко развести ее ноги, и сосать до тех пор, пока ее вкус будет стекать по моему языку в мое горло. А много часов спустя, когда она будет уже в отключке от оргазмов, я хочу снова кружить своим языком, ощущая ее вкус у себя во рту.

Голос у меня в голове призывает: *«Давай, сигани через забор, порань лапы. Потом заживет. Она черт побери сама напросилась на неприятности. Она же пришла к тебе в спальню по собственной воле?»* Но другой более здравомыслящий голос предупреждает: *«Это безумие. Какого х*я ты думаешь о том, что собираешься сделать с сестрой Джека?»* И я прислушиваюсь к трезвому голосу, в конце концов, я сопротивлялся зову ее сладкого тела на протяжении многих лет. Я смогу это сделать и сейчас.

Я никогда на самом деле не мог окончательно решить, то ли я хотел отшлепать ее дерзкую задницу, пока она не станет красной, то ли оттрахать ее до бесчувствия. Сейчас мне

хочется и того и другого причём одновременно. Я наблюдаю за ее телом, застывшем на месте. Напряженным. Ожидающем удара моей ладони.

Я ударю ее жестко и достаточно сильно, убеждая, что это наказание, а не сексуальная игра. Я буду действовать методично. Каждый шлепок будет опускаться в разных местах и на разные ягодицы — сначала одной, потом другой. Сначала сверху, а потом будет опускаться все ниже к ее ногам.

Обхватывая ее своей левой рукой за предплечье, обращаю внимание, как загибаются у нее пальцы на ногах. Восхитительная произвольная реакция. Я поднимаю руку и удерживаю ее высоко у себя над головой. Ягодицы мисс Иден беспомощно подрагивают.

О! Да...

4.

Лейла

Меня никогда не ударили и не били. Никто и никогда. И как только жар от его ладони опускается на мою кожу, я испытываю дикую, какую-то первородную, неподдельную панику. Сердце стучит так, словно барабаны на войне, я зажмуриваюсь изо всех сил, готовя себя к следующему удару, но ничего не происходит.

Мне кажется, что прошел уже целый век.

Может он передумал, и спокойствие начинает струиться у меня по телу, чувствуя освобождение, но он слегка отстраняется, воздух вокруг колышится, и его рука опускается со всего маха вниз.

Шлеп! Его рука такая тяжелая и твердая, приземляется на мою кожу.

Я не произношу ни звука. Во-первых, я абсолютно полна решимости не дать этому мерзкому чудовищу-человеку получить удовольствие от моей реакции. Во-вторых, боль после удара появляется не сразу, мгновением позже, я чувствую ужасное жжение. Произвольно глаза расширяются, а рот открывается в безмолвном «О». О Господи, это действительно очень больно! Слезы обиды, перемешанные с горечью, появляются в глазах. Я зажмуриваюсь, пытаюсь их остановить, чтобы они не капали на пол.

Он делает паузу.

— Я жду счет, — небрежно напоминает он мне.

Счет? Что за садистский мудака. У этого человека явно нет сердца. Раскаленные иглы ненависти к моему мучителю пронзают меня насквозь. Я открываю рот, ужасно, но ничего не выходит. Я пробую снова. Выходит, совершенно неузнаваемый неглубокий вздох:

— Один.

Почти сразу же его рука снова опускается с размаха мне на кожу, но на этот раз я сразу же чувствую жгучую боль. Собравшись, я задерживаю дыхание. Другим, дрожащим голосом называю: «Два», и больше ни звука, чтобы не показать в какой горячей, жгучей боли я нахожусь. Я никогда не испытывала такой боли в течение всей моей уединенной жизни.

Еще один удар падает на меня, и я заглатываю крик. Несмотря на то, что каждый удар попадает на другое место, они все безумно жгут. Я чувствую, будто вся моя попа горит в огне. Я вжимаюсь ладонями в пол, чтобы не извиваться от боли и не ерзать у него на коленях, у меня белеют костяшки на пальцах.

— Три, — хрипло бормочу я. *Я ненавижу, ненавижу, ненавижу его.* Я никогда не думала, что можно так ненавидеть кого-то. Я все ближе и ближе приближаюсь к тому, что не могу остановить слезы.

Безжалостные шлепки продолжают. Боль теперь настолько сильная, что я с трудом успеваю крикнуть: «Четыре». Моя задница горит, я делаю неглубокие вдохи. Ненависть во мне к нему растет в прямой пропорциональности стыду и боли, которые он заставляет меня испытывать. *«Уже полпути пройдено»*, — говорю я себе. И мысль настолько расхолаживает, что я хочу заорать во все горло: «Ну надо же!»

Пятый шлепок падает на болезненную горящую кожу на изгиб ягодицы, и я чувствую, как будто бы умираю от боли, жалящей невероятно. И видно от моего полного унижения, у меня вырывается вой:

— Оооооуууууу, — в этот момент слезы, вырвавшиеся на свободу, стекают у меня по лицу, как у ребенка. Я не в состоянии говорить и не в состоянии дышать.

— Назови...

— Пять, ты, придурок, пять, — всхлипываю я, все мое притворство и гордость разлетаются вдребезги.

Би Джей

Последний отпечаток от моей ладони на секунду становится белым, потом краснеет до темно-розового, соответствуя остальной части ее задницы. Осталось еще три удара до конца, но ее защита уже сломлена. Она открыто всхлипывает, и я понимаю, что следующий удар вызовет крик во все горло.

Но это не то, что я хочу.

Конечно нет.

Ее красиво покрасневшая и разукрашенная задница лежит на моих коленях, а мой нос наполнен запахом ее возбуждения. Я напряжен и возбужден. Мой член стоит, как деревянный, упираясь в молнию брюк. Я очень хочу ее трахнуть. У меня просто руки чешутся схватить ее за волосы, раздвинуть ее бедра, и вбиться в ее скользкую маленькую

киску настолько глубоко, чтобы она запищала от боли и удовольствия, как только ее мышцы, как сумасшедшие сожмутся вокруг моего члена. Я хотел бы опустошить свои яйца в нее, в тот момент, когда она увидит звезды. Трахать ее, да.

Но, конечно, я не делаю этого.

Потому что она маленькая сестренка Джека Идена.

Вместо этого... я отодвигаю немного свой мизинец, который почти соприкасается с внутренней поверхностью ее бедер, ее киской. Я кладу ладонь на пару секунд на ее кожу, мой мизинец почти касается переливающейся красно-розовым плоти. Сейчас, в следующий раз я шлепну ее киску. Медленно я поднимаю руку, она замирает в воздухе на мгновение. Ее нежная кожа светится влагой. Тогда я разрешаю себе размахнуться и опустить ладонь.

Она вздрагивает от шока и раскаленной до бела похоти.

Мой мизинец опускается как раз в ее влажные складки. Я улыбаюсь от удовольствия. Она замирает, дыхание становится поверхностным. Я хочу увидеть ее лицо. Намеренно, очень медленно я опускаю руки на кровать по бокам от себя, и спокойно говорю:

— Я закончил.

Она сразу же скатывается на пол и отползает от меня прочь, садится на корточки, как загнанный в угол зверек. Смотрит на меня огромными, увлажненными глазами, наполненными ненавистью. Слезы поблескивают у нее на ресницах. Ее рот трясется от ярости. Принцесса, оставшаяся без штанов, и внутри у нее осталось только первородное и беспомощное сексуальное животное. Я знаю, что ее задница должна гореть, и знаю, что она никогда не признается мне в том, что она в большей степени возбудилась, чем когда-либо.

— Теперь ты доволен, ублюдок? — выплевывает она с такой яростью, что у нее даже голос дрожит.

— Поправь одежду и возвращайся на вечеринку, — безжалостно говорю я.

Она вскакивает на ноги и начинает быстро тянуть вниз свои многослойные юбки на горящую кожу, от чего вздрагивает всем телом. Она поднимает на меня глаза.

— Я ненавижу тебя, — шепчет она.

— Встань в очередь.

— Теперь я знаю, почему они называют тебя летучей мышью. Ты чертов вампир, живущий в этом нелепом черном склепе.

Яжимаю плечами и смотрю на нее без всякого выражения. Можешь называть, как хочешь. Слова? Ничто.

— Надеюсь, я никогда не увижу тебя снова, — бросает она мне с раздражением.

Я наблюдаю, как она рывком поднимает сумочку с пола, и шагает в сторону двери.

— Лейла, — мой окрик похож на кнут. Даже в ее состоянии, она не осмеливается послушаться.

Поэтому разворачивается и вызывающе смотрит на меня.

— Мой зажим для галстука.

Она пребывает в такой ярости, что чуть ли не ломает замок на сумочке, пытаясь ее открыть. Роясь внутри, находит и с яростью швыряет мне в лицо.

Я легко ловлю его одной рукой.

— Наслаждайся вечеринкой, — спокойно советую я.

— Извращенец, — огрызается она и хлопнув дверью выходит, слыша мой смех. Конечно, я понимаю: ее сказка о принцессе на горошине вышла совсем наоборот. Ей не понравилось увидеть свою сущность и столкнуться с животным, дремлющим внутри нее. Что

касается меня, это моя неискоренимая основа, плацдарм и анималистическая сущность, и я несказанно рад познакомиться с только что ново созданным существом в своей спальне.

5.

Лейла

Звуки, раздающиеся со стороны первого этажа, доходят до меня, пока я в шоке замираю в коридоре. И тут до меня доходит, что в любой момент он может открыть дверь и выйти. С паническим всхлипом, я поворачиваю налево и напрямик несусь в ванную комнату. Дрожащими пальцами я запираю дверь и прислоняюсь к ней, тяжело дыша.

Почему, ну почему, я вдруг решила зайти к нему в спальню? Теперь все перемешалось. Я смотрю на себя в зеркало. Незнакомка с раскрасневшимся лицом, смазанным макияжем, с открытым ртом и безумными глазами смотрит на меня. Мои глаза блестят гневом и ненавистью, но в них светиться что-то еще... что-то более примитивное.

Я поспешно включаю кран, брызгаю холодной водой на лицо. Я вся горю, смущена, зла и мне стыдно. Моя задница жжется, как угорелая, но... Боже, я чувствую себя живой, я никогда так себя не чувствовала. И... я мокрая. Очень мокрая.

Если теперь внимательно посмотреть в мои глаза в них светится чистое возбуждение. Сексуальное возбуждение.

Господи! О, сладкий Иисусе. Что черт побери со мной такое? Я не могу понять, почему я возбудилась. Я ненавижу всеми фибрами души этого сукиного сына. Я всегда его ненавидела. Он — бездушный, неотесанный мужик-кобель. Грязный мешок дерьма, который регулярно спит со стриптизершами и делает деньги на секс-клубах. Он практически преступник. Я ненавижу таких, как он. Даже, когда у меня в глазах были слезы, я видела на его лице удовлетворение и торжество.

Я должна быть в ярости.

Я и есть в ярости. Воспоминание о его огромной мозолистой ладони, опускающейся на мои голые ягодицы, наполняют меня. А его последний удар? Он намеренно ударил по полоске стрингов, это нельзя забыть. Он специально своим грязным пальцем дотронулся до моей киски! Да как он посмел? Ублюдок!

Я поворачиваюсь спиной к зеркалу и поднимаю свою многоярусную юбку. Попа красная, как лобстер. Я чувствую ярость, бурлящую внутри меня, но еще одна вещь мощнее, чем гнев, появляется у меня в голове. Я не хочу даже думать о ней. Сделав пару глубоких, успокаивающих вдохов, я поправляю макияж трясущимися руками, потом открываю дверь и

высовываю голову.

Коридор безлюден.

Я выхожу и как только дохожу до его двери в спальню, почти бегом устремляюсь к лестнице. На верху лестницы останавливаюсь и медленно начинаю спускаться по ступенькам вниз. Никто не заметил моего отсутствия и видно не искал меня. Здесь все по-прежнему, так же, как я ушла отсюда, за исключением одного — я совершенно другая. Руки не переставая дрожат и низ живота завязывается в узел. Единственное, что мне хочется сделать — это убежать. Я умру тут же, если увижу его снова, находясь в этом состоянии. Я быстро направляюсь в главный зал, испуганно посматривая на людей. К счастью, мой брат Джек, находится здесь, его голова возвышается над толпой. Только лишь взглянув на него, мне хочется прижаться к нему и зарыдать. Расправив плечи, я протискиваюсь сквозь толпу, двигаясь в его сторону. Он смотрит на Лили такими влюбленными глазами.

— Джек, — зову я трепещущим голосом.

Он тут же осматривается вокруг, становясь напряженным, глаза угрожающе прищуриваются.

— Что? — спрашивает он.

— Я чувствую себя неважно. Я хочу домой, не мог бы ты вызвать мне такси?

Он делает шаг ко мне, с облегчением расслабляясь. Он заботится обо мне, и я даже не могу себе представить, какой может воцариться полнейший хаос, если он узнает, что Би Джей сделал со мной.

Он ласково обнимает меня за плечо.

— Что случилось, медвежонок?

Я хочу обхватить его руками и прижаться, выплакаться, но я не могу. Я проглатываю слезы и опираюсь на его сильное, такое родное тело.

— Думаю, съела что-то не то. Мне в туалете было нехорошо, — лгу я ломающимся голосом.

— Давай, мы отвезем тебя домой. Шейн отвезет Ма, когда она будет готова уйти.

Лили подходит к нам, выглядя обеспокоенно, но окинув меня быстрым взглядом, она не верит в мои сказки.

— Я найду Би Джея и скажу ему, что мы уезжаем.

Я смотрю на него с мольбой, сложив перед собой руки.

— Ты не мог бы просто позвонить ему из машины?

Он видно собирается что-то ответить, но кивает передумав. Мы втроем начинаем пробираться к улыбающейся девушки в костюме зайчика из Playboу, которая забирает наши билеты и выдает нам пальто. Только когда мы оказываемся на улице, я могу снова вздохнуть полной грудью. Я едва ли слышу, как Джек звонит Би Джею по телефону, а потом Шейн собирается отвезти маму домой.

Я чувствую себя слишком побитой и потрясенной.

6.

Би Джей

Я стою у полукруглого окна, а за спиной у меня в полном разгаре идет вечеринка, а я наблюдаю за ее уходом, Джек покровительственно обнимает ее маленькую спину. Что-то в самых темных закоулках моей души кружит со всей распутной дурью и шумно трепещет, словно от ветра. Мне удавалось так долго игнорировать ее, но теперь я точно знаю, что не смогу вернуться к тому, что было прежде. Говорят же, нельзя постучаться в одну и ту же дверь дважды.

Я не открыл эту дверь.

Я крепче сжимаю кулаки. В конце концов, я могу найти освобождение в другом теле. Это всего лишь обычная природная реакция, поскольку в ней нет ничего особенного. Я найду тело, которое больше подходит моим вкусам, а она пусть идет на х*й. Мне нужна женщина с пышными формами, бедра, который я смогу широко развести в стороны, и врезаться в нее. Женщина, которая не будет смотреть на меня, как будто я вылез из канализации и словно заставляю ее ощущать зуд от нечистот.

Несмотря на то, что мое поведение полностью распутное, но я же не поддаюсь своему безумному порыву, поскольку и так все произошло чертовски глупо.

Я отворачиваюсь от окна. Хотя вечеринка в самом разгаре, но у меня создалось такое впечатление, словно она потеряла свой кайф, по крайней мере для меня. На мою руку опускается рука, я перевожу взгляд вниз. Овальной формы ногти поблескивают перламутровым блеском, хорошая кожа. Я поднимаю глаза выше.

Ммм... облегающее желтое платье, выпирающая грудь, как два шара. Ну, достаточно большая, чтобы насытить небольшое африканское племя. Мне нравится изобилие. Именно этого и не хватает высокомерной, избалованной Лейле.

И блондинка. Да. Я совершенно неравнодушен к кискам блондинок.

Я поднимаю взгляд выше, пухлые, немного надутые губы. Идеально подходящие, чтобы сосать мой член.

Как только я достигаю ее глаз, вопрос закрыт. Конечно, сине-василькового цвета. Такие красивые, как сам цветок и никакого намека, что она видит перед собой что-то грязное, вызывающее у нее зуд.

Я смутно припоминаю ее. Но не могу точно вспомнить, думаю, эта конфетка из одного клуба Шейна. Я вроде бы флиртовал с ней на вечеринке у Джека, когда праздновали повторное открытие «Эдема». Однако, если я правильно все помню, в конце я ушел с другой танцовщицей. Я вспоминаю, что Лейла тоже была в тот вечер, и также была груба со мной, как и всегда. Сука.

— Привет, — говорит Блонди растягивая слово. — Ты ушел тогда с другой танцовщицей.

Я улыбаюсь, смотря ей в глаза.

двигаются. В отличие от женщин, которые не используют свое тело для зарабатывания денег, танцовщицы в своей физической форме имеют огромную власть над простыми смертными. Она движется ко мне, выписывая восьмерки ногами. Клянусь, я никогда не видел женщину, способную так ходить, отдавая дань моде. На самом деле это захватывающее зрелище. Мой член дергается, испытывая интерес.

— У меня есть кое-что для мужчины с блестящими черными волосами, — говорит она, останавливаясь меньше чем в шести дюймах от меня. Соски ее стоящей груди почти касаются моего торса.

— Да? — ее очевидное влечение — это бальзам для меня, после нескрываемого презрения и отвращения Лейлы.

Понимающая улыбка отображается на ее алых губах.

— Да. Это правда, что о тебе говорят?

— Я не знаю, что обо мне говорят?

Она кладет ладони мне на грудь, встает на цыпочки и шепчет в шею.

— Что мама наградила тебя лошадиным членом.

Я медленно улыбаюсь.

Она опускает руку на мой твердый член, потирая его по всей длине через материал и медленно открывает рот, облизывая губы, как будто она испытывает невыносимое сексуальное возбуждение. Ее действия оказывают еще более действенный эффект на меня.

— Ах! Это не лошадиный член. Это целый питон, который находится у вас в джинсах, мистер, — поддразнивает она с лукавой улыбкой.

Да, она определенно мне подходит.

7.

Би Джей

Вечеринка все еще продолжается и становится только сильнее, но я знаю, что мой домоуправитель Марсель, проводит всех на выход, как только поймет, что пора расходиться. Обхватив за спину двух девушек, я веду их прочь, вверх по лестнице в Зеленую Комнату.

Распахнув дверь, пропускаю их вперед, словно резвых ягнят на заклание. Закрываю дверь, включаю вращающийся диско-шар с сотнями цветных светодиодов. Разноцветный свет рассеивается по всей комнате. Я нажимаю другой переключатель и начинает пульсировать рэп Jason Derulo и Snoop Dogg: «Wiggle, wiggle, wiggle».

Зеленая Комната — это полное воплощение дурного вкуса — зеркальный потолок, самая большая кровать в Британии с черными атласными простынями, красные тисненные обои, холодильник со стеклянной дверью, наполненный всевозможными напитками, и витрина, как в пещере Алладина, заполненная сексуальными игрушками. Девушки визжат от восторга. Они понимают, что жесткий трах должен быть очень хорошим.

— Что-нибудь выпьете? — спрашиваю я.

— Нет, спасибо, — говорит Рита, а Блонди хихикает.

— Тогда раздевайтесь.

Им не требуется много времени, они быстро и умело скидывают не многое количество одежды, которое на них одето. У Блонди тело лучше, но задница Риты заставляет меня открыть рот от впечатления. У нее на лобке такие же огненно-рыжие волосы, выстриженные в виде сердечка, Блонди чисто выбрита, что заставляет меня прийти к выводу — она не настоящая блондинка. Из моего опыта настоящие блондинки оставляют на лобке волосы, как бы в знак своей натуральности.

Как будто читая мои мысли, девушки подбегают к витрине игрушек. Они обе точно знают, чего хотят. Рита берет strapon с фаллоимитатором, Блонди выбирает себе вибратор и длинный кожаный ремень. Они заползают на середину кровати со своими игрушками. Встав друг перед другом на колени, обнимаются, и разноцветный свет от диско-шара движется по их телам, они напоминают порнуху восьмидесятых годов.

Блонди наклоняется и толкает свой язык в рот Риты, ее золотистое тело выступает контрастом против бледной кожи Риты, они углубляют поцелуй. Затем Рита, очевидно, доминирующий персонаж берет верх. Она прерывает поцелуй и бросает на меня взгляд, наклоняет голову, начиная сосать покрасневшие соски Блонди, у нее вырывается стон. Рука Риты целенаправленно движется вниз, и она запускает палец в ее киску.

Это милое шоу. На самом деле привлекательное. Мой член твердеет, но при этом сердце остается совершенно равнодушным и холодным. Я направляюсь к холодильнику и достаю бутылку пива, открываю, делаю большой глоток, и оборачиваюсь, чтобы взглянуть на девушек.

Рита отодвигается подальше от Блонди, ложась на спину и разведя свои цвета сливок бедра. Блонди сразу же ныряет лицом в ее жаждущую промежность и начинает лизать. Киска Риты должна быть очень сочной. С того места, где я стою, слышу чавкающие и лижущие звуки, которые издает Блонди, пока Рита испытывает удовольствие.

Я перевожу взгляд на красивую задницу Блонди, которая поднята высоко в воздух, в преднамеренно провокационной позе, с разведенными достаточно далеко друг от друга ногами, чтобы я смог увидеть ее киску. Она ох*ительно прекрасная. По-детски розовая и сочная. Металлический штырь поблескивает от света вращающегося диско-шара. Блонди специально покачивает бедрами, намекая, как бы приглашая меня, чтобы я ее трахнул.

Я внутри улыбаюсь, как будто мне нужно приглашение. Это мое шоу, детка и я заказываю музыку.

Затем внезапно и совершенно неожиданно у меня перед глазами встает черная полоска стрингов Лейлы грубо разделяющая отшлепанные ярко-розовые половинки ее задницы. И тут же возникает ее дурманящий запах возбуждения, который заставил меня фантазировать, желая схватить ее за талию и опустить на свой вертикальный х*й. Жажда увидеть ее до конца насаженной на мой член настолько сильная, даже не Блонди и не Рита вместе не могут убрать это непреодолимое желание. Эта мысль меня настолько раздражает.

Я, бл*дь, непобедимый, в моей броне нет ни одного изъяна или щели. Нет.

И мне совершенно не нужна какая-то высокомерная принцесса.

Я ставлю бутылку на верхнюю часть холодильника, раздеваюсь, мой член пульсирует, пока я направляюсь к тумбочке. Достаю презерватив, раскатываю его по всей длине. Я вижу возбужденные глаза Блонди и Риты, осматривающие мои татуировки, покрывающие тело, и

мой лошадиный член.

Я опускаюсь на колени на кровать, хватаю полные округлые бедра Блонди и бл*дь вбиваюсь в нее глубоко, ее голова дергается и от моей ярости, она испускает сдавленный крик. Рита хватается блондинку за волосы, направляя ее к своей блестящей киске.

Я замираю.

— Слишком жестко?

— Нет. Она любит грубый секс, — быстро отвечает Рита.

Находясь полностью между ног Риты, Блонди может только кивнуть головой в знак согласия.

Именно это мне и нужно.

Словно отбойный молоток я начинаю прокачивать членом ее киску, настолько глубоко, что мои шары хлопают по ее коже. Все ее тело от моих толчков сотрясается, слышатся ее приглушенные крики, Риты сильно прижимает ее голову к своей киске. Мы не останавливаемся, даже когда Рита достигает кульминации, с таким криком, что можно поднять мертвецов. Блонди не отстраняется от нее, продолжая лизать соки Риты до тех пор, пока Рита не скажет остановиться.

Один заключительный толчок, и я взрываюсь со страшным рыком.

Я вытаскиваю член из основательно опухшей киски Блонди, которая сразу же видно хорошо оттрахана, и тут же слышу приказ Риты:

— Отсоси его.

Покой нам только снится.

Блонди тут же на коленях разворачивается на сто восемьдесят градусов, ее грудь подпрыгивает, пока она движется ко мне. С завидным опытом она губами снимает презерватив с моего члена. Открыв рот, она выплевывает его мне на руку, вбирая в свой теплый бархатный ротик мой полужесткий член. Ее задача довести его до полной эрекции, я комкаю использованную резинку и выбрасываю через плечо.

Рита прикрепляет strapon и грубо входит в Блонди. Рита настолько жестоко двигается, что мне почти жаль блондинку. Хотя следует отдать Блонди должное, она ни разу не пожаловалась и не попыталась избавиться от моего растущего члена у себя во рту. Чем больше он становится, тем я больше поражаюсь мастерством Блонди. Черт побери, с Ритой, врезающейся в нее с такой жесткостью, она засасывает его еще глубже, так что мои яйца вдавливаются ей в подбородок, но при этом она даже не испытывает рвотного рефлекса.

Просто невероятно, она не только движется назад и вперед по всей моей длине, но также медленно ласкает его языком. Это настолько глубокое удовольствие и полностью чувственный массаж. Белые слюни собираются в уголках ее рта и начинают капать и стекать вниз у нее по шее.

Я запрокидываю голову назад и смотрюсь в зеркало в потолке.

Забавно наблюдать, как исчезает мой член у нее во рту, при этом она умудряется сохранять совершенно милое выражение лица, я разглядываю всю картину в зеркале над головой. Чертову Блонди, в киску которую яростно вколачивается Рита. Через мгновение со стоном удовольствия, я выстреливаю, разгружая свои яйца прямо в горло Блонди.

Би Джей

Я вытаскиваю член у нее изо рта и подхожу к холодильнику. Сделав глоток пива, поворачиваюсь к ним. Рита безжалостно долбит Блонди. Похоже, блондинке выпала «короткая соломинка» этим вечером. Рита уже достигла кульминации, я кончил два раза, а Блонди пока осталась ни с чем. Я подхожу к кровати, оттаскиваю Блонди от искусственного члена Риты и раздвигаю широко ее ноги. Черт, ее киска сильно красная и опухшая. Я нежно лижу ее.

— Не позволяй ей кончить! — говорит Рита.

У Блонди глаза становятся просто огромными, как блюдца.

— Пожалуйста, разреши мне кончить.

— Кончишь, когда захочешь, — отвечаю я ей, с ноткой ехидства.

Я обхватываю губами ее клитор и начинаю нежно сосать, она почти сразу же кончает с криком, мощно.

Пока я сосал ее, у меня снова встал член. Я ложусь на спину, и Рита, которая наконец-то сняла свой strapon, одевает презерватив мне на член и забирается сверху. Мой х*й погружается в ее вход, она медленно опускается на него. Ее киска уже, чем у Блонди, поэтому она обертывается вокруг моего члена, словно прекрасная перчатка. Я стону от возбуждения и несказанного удовольствия.

— Черт, — хрипло произносит она. — Ты такой большой, похож на гребанный чертовый багет.

Она начинает объезжать его медленно и со знанием дела. Как только она расширяет себя, с комфортом насаживается на всю длину, Рита начинает двигаться вверх-вниз. У нее быстро наступает оргазм и длится долго. Тяжело дыша, она с трудом поднимается с меня, уступая место Блонди.

— Я хочу пососать твои сиськи, — говорю я ей, и она тут же наклоняет свою полную грудь вперед. Я хватаю, сжимая руками, чтобы мог одновременно сосать оба соска.

— Жестче, — умоляет она.

Теперь я понимаю, почему Рита была так груба с ней. Блонди получает удовольствие от боли. Я кусаю ее соски, пока она не начинает кричать.

— Хочешь, чтобы я остановился? — спрашиваю я ее.

— Нет, — хрипло стонет она. — Соси их, пока они не опухнут и не будут болеть так, что даже прикосновение платья будет вызывать боль.

И я делаю именно это. Я сосу и кусаю достаточно жестко, чтобы она испытывала постоянную боль, в этот момент она трахает мой член и достигает следующего оргазма.

— Деми любит, когда ее шлепают по заднице... жестко, — подсказывает мне Рита, с коварной, почти злой улыбкой, витающей на ее по-прежнему глянцево-красных губах.

Я смотрю на Блонди/Деми, ее глаза загораются от нетерпения.

У меня перед глазами появляется Лейла. Ночь становится немного странной. Бл*дь, это самое последнее, что я хотел бы сделать — отшлепать кого-то еще. Еще...

— Воспользуйся своим ремнем, — советует Рита.

Блонди слезает с постели и приносит мне ремень.

— Отшлепай меня, — умоляет она. Я забираю у нее ремень, и она быстро опускает свое лицо Рите между ног, соблазнительно выставив вверх задницу.

— Она будет сосать меня, пока ты будешь наказывать ее, — взволнованно говорит Рита.

Я наматываю ремень на кулак и совершаю первый удар. Ярко-красная полоска появляется на светлой коже Блонди. Она хлюпает, но продолжает вылизывать киску Риты. Рита одобрительно мне кивает и обхватывает ногами голову блондинки.

Блонди крутит своей задницей, чтобы как-то показать мне, что ей нравится. Поэтому я опускаю на нее ряд ударов ремнем. Ее пухлая нижняя и тыльная сторона бедер становится ярко-алого цвета, Рита стонет от удовольствия, но вдруг, в этот момент, я понимаю, что вся эта игра мне в тягость. Я хочу, чтобы быстрее все закончилось.

— Ноги шире, — грубо говорю я.

Блонди поспешно повинуется.

Я опускаю кожаный ремень прямо на ее клитор. Она истошно кричит и мгновенно кончает. Она полностью в ауте, поэтому заваливает набок. Она уже начинает тихо похрапывать, когда я хватаю Риту и сую мой эрегированный член ей в рот. Она сосет охотно и жадно, но не так усердно. И я начинаю злиться. На нее. На себя. На весь мир. Я накручиваю ее волосы на кулак и удерживаю ее голову неподвижно, трахая жестко и быстро ее рот, но мне все равно этого мало.

Я выхожу из нее и отталкиваю, она падает на спину.

Я приказываю поднять ноги, она немедленно повинуется. Щипаю ее за соски и засовываю палец ей в задницу. Да, я хочу отрахать пальцем ее задницу, и говорю ей трахать свою киску. Она повинуется, зажав своей задницей мой палец, и погружая два пальца в свой вход снова и снова, пока ее собственные соки не выпрыскивают ей прямиком на руку. Капли поблескивают на ее огненно-рыжем сердечке на лобке.

— Я не могу выразить на сколько мне понравилось, — шепчет она, ее глаза наполнены зноем, деликатно проводя указательным пальцем по тату на моем предплечье. Она смотрит на меня заискивающе. Боже, я ненавижу женщин, которые притворяются слабыми, чтобы попытаться управлять мужчинами.

Я сразу начинаю от нее отстраняться.

— Трахни Деми в зад, пока ты не ушел, — вдруг говорит она хриплым голосом.

Я оборачиваюсь и смотрю на нее. Она улыбается, но в глазах у нее бездонная пропасть темноты. В этот момент что-то происходит между нами, ее жестокость, моя отчужденность.

Мой член возвращается к жизни.

Я смотрю на спящую девушку. Она лежит на боку, колени подтянуты к груди. Бедняжка не может спать на животе, поскольку у нее болят соски, они даже в два раза увеличились в размере. Она также не может спать на спине, потому что ее задница горит. Даже ее киска выглядит настолько использованной с распухшими большими губами. На самом деле она выглядит жестко, очень жестко отимевшей.

Я поворачиваюсь к Рите, и ее глаза отображают темноту ее души. В этот момент я вижу себя в них. И вдруг мне становится жаль и ее... и себя.

Неужели это все в нас?

Разве у нас никогда не будет другого, а только то, что мы оберегаем себя от чего-то еще, процветая за счет других?

Анонимное, бессмысленное траханье с другими, такими же искалеченными и темными личностями, пребывающими в темноте. И мы не испытываем вины, поскольку слишком погрязли в темноте, чтобы заметить умышленные повреждения, которые оставляем за собой. Именно в такие моменты, маленькая часть моей души рассыпается в прах и улетает? Секрет лабиринта находится всегда в начале, перед тем, как ты войдешь. Но если ты вошел, то уже поздно «махать крыльями». От этой мысли я чувствую себя опустошенным и подавленным.

— Завтрак включен, — безэмоционально отвечаю я, удаляясь от кровати.

— А в меню будут сосиски? — кричит она мне в след.

Я не отвечаю. Голый направляюсь в душ. У меня грязные, замаранные руки. И мой злейший враг — это я сам.

9.

Лейла

Я захожу в местный супермаркет, беру корзину и напрямик направляюсь в молочный отдел, где хватаю пакет молока. И потом быстро беру йогурт с полки. Я никому ничего не рассказала, даже Мэдисон, своей лучшей подруге, об ужасной вещи, которую я проделала в спальне Би Джея две недели назад, или лучше сказать, как он нанес мне ответный удар. Потому что испытываю растерянность и стыд одновременно. Особенно из-за своей реакции на наказание, которая у меня возникла. Иногда по ночам, когда я лежу в постели, Би Джей всплывает у меня в голове, но я быстро выбрасываю его, даже не пытаюсь ничего проанализировать.

Кажется, что вся моя жизнь превратилась в один кричащий своим безвкусием бардак. Всего месяц назад моя жизнь казалась просто идеальной. У меня имелся великолепный парень, я проходила обучение в качестве стажера в ведущей дизайнерской фирме по интерьеру в Милане (Джек договорился, чтобы меня взяли), и я чувствовала себя сильной и независимой. Затем в прошлом месяце я ушла с работы, никого не предупредив, и прилетела домой с поджатым хвостом. Все началось, когда я получила письмо по почте, которое начиналось: «*Ты трахаешься с МОИМ парнем!*»

На итальянском это звучит намного хуже. Она прикрепила сотни фотографий за все пять лет, которые действительно доказывали, что я трахалась с ее парнем. Они вместе отмечали дни рождения, проводили пикники на природе, бывали на вечеринках в бесчисленных компаниях с целой толпой друзей, с которыми я, конечно, никогда не

встречалась.

Я сидела за своим столом совершенно потрясенная и больная, словно у меня скрутило живот.

Он сказал мне, что я самая красивая женщина, которую когда-либо встречал, что больше нет на свете такой красавицы, как я. И он собирался познакомить со своими родителями на следующей неделе!

Я бывала в его квартире. И в ней ничего не было такого, чтобы заставило меня сделать вывод, что он изменяет мне, причем так нагло. Не было никакой помады в шкафчике в ванной комнате. Масштабы его обмана были немыслимы. Невероятны.

Я смотрела на его смеющееся красивое лицо на фотографиях, счастливое и беззаветно преданная красивая с оливковой кожей женщина, стояла рядом с ним, о которой я ничего не знала. Неужели я действительно настолько наивна, как и говорят мои братья? Я чувствовала себя такой глупой, такой обманутой, мне было настолько плохо. Я не хочу, чтобы кто-то узнал, что я стала жертвой такого изощренного обмана, и я однозначно никогда не хотела видеть этого скользкого ублюдка снова. Единственное, что мне хотелось — сбежать домой к маме и зализать свои раны.

Поскольку он был одним из ведущих дизайнеров в фирме, я просто собрала свои вещи в полиэтиленовый пакет и ушла, никого не предупредив. Я вернулась в свою квартиру, упаковала чемодан и полетела в бизнес-классе обратно в Лондон.

Я помню парня, сидящего рядом со мной в самолете, жирного в дорогом костюме, который пытался флиртовать со мной. И у меня от этого, словно прорвался пузырь с ядом, совершенно необоснованной ненависти к нему, которую я почувствовала узнав, что он итальянец, я отвернулась от него с таким отвращением, что он отпрянул от неожиданности. Но еще до того, как мы приземлились в Хитроу, я поняла, что мое сердце не разбито. Только моей гордости нанет большой ущерб.

Я не была влюблена в Лупо. Я никогда не позволяла себе влюбиться.

Он на самом деле был самый красивый мужчина, которого я знала, кроме моего брата Шейна, конечно. Он говорил совершенно правильные вещи. Но он всегда показывал свою истинную сущность в постели. Особенно в начале наших сексуальных отношений, когда мы занимались сексом, он кричал «*Puttana*», когда кончал. Проститутка. Даже после того, как я попросила его не делать этого, он иногда забывался. А когда я разозлилась, он извинился и сказал, что это слово ничего не значит. Оно такое же, когда кто-то кричит: «О Боже!» во время оргазма. Тем не менее, это меня не устраивало, и насколько права я была.

После того как я вернулась в дом матери, естественно все хотели узнать, почему я так внезапно покинула Милан.

— Тебя кто-то обидел?

— Ты заболела?

— Ты больше не хочешь быть дизайнером по интерьеру?

Я никому ничего не рассказывала, особенно своему брату Доминику. Зная его характер, он бы первым же рейсом вылетел в Милан, избил бы до полусмерти Лупо, спокойно бы сел на следующий рейс, направляющийся обратно, как будто ничего ужасного не произошло. Поскольку все беспокоились, кроме Мэдди, конечно, которая была в курсе, я сказала, что вернулась, потому что ужасно, ужасно скучаю по дому.

Теперь я была полна решимости начать новую жизнь в Лондоне. Свою собственную, без помощи семьи. Я хотела найти работу, как и все остальные. Джек согласился, что я могла бы

попробовать свои собственные силы, но с условием, что буду жить в одной из его квартир. Я переехала в одну из его лондонских квартир. Я была счастлива, потому что она находилась всего в пяти остановках на метро от апартаментов Мэдди, в которых она жила со своим парнем.

Рассеянно я беру упаковку греческого йогурта с полки и помещаю его в свою корзину. Повернувшись, натываюсь на Риа.

Она визжит от восторга. Она одета в серую блузку, коричневую кожаную куртку, потертые синие джинсы и фиолетово-оранжевые кроссовки. Я никогда не видела ее в таком виде, и никогда вот так не встречала.

— Привет, — я здороваюсь с ней и смеюсь от ее заразительной радости.

Она именно тот человек, которого я хотела бы увидеть, Риа восклицает с огромной улыбкой:

— Я собиралась тебе звонить, чтобы пригласить на день рождения в субботу. Знаю, что это выглядит будто в последнюю минуту, но это на самом деле план, который возник в последнюю минуту.

Я улыбаюсь.

— Двадцать четыре, верно?

— Да, но после этого дня рождения, я заморожу празднование дня рождения. Мне сейчас будет двадцать четыре, и следующий я справлю только в пятьдесят, начав обратный отсчет, — она смеется, и ее смех похож на пулеметную очередь.

Я смеюсь вместе с ней.

— Ты придешь?

— А что будет? — у Риа всегда следует спрашивать, она совершенно непредсказуема.

— Танцы и выпивка. Ничего особенного. Просто несколько моих самых близких друзей и семья.

Понятия Риа по поводу много или мало отличаются от моих.

— Сколько человек?

— Около ста, — беззаботно отвечает она.

— Ты хочешь сказать, что у тебя есть сто близких друзей?

— А у тебя нет? — спрашивает она с любопытством.

Я изо всех сил стараюсь сохранить серьезное выражение лица.

— Нет, Риа, у меня нет столько.

— Ой!

— Ну, и где ты будешь справлять?

— В «Laissez-faire».

Я чувствую, как позвоночник начинает немного покалывать, как бы предупреждая.

— Разве это не клуб Би Джея?

— Ага. Бесплатные напитки всю ночь! До прошлой недели я собиралась собраться только семьей, устроив вечеринку в доме мамы, но потом Би Джей предложил клуб, и я не могла в это поверить.

— Послушай Риа. Я не знала, что твой день рождения будет в Лондоне. Я провожу выходные у своей мамы.

Риа машет рукой, как бы отбрасывая мое возражение.

— Без проблем. Би Джей уже согласился заплатить за такси, которые будут доставлять всех моих одиноких подруг.

Я чувствую себя, словно в ловушке. Я не могу отказаться, особенно после того, как фактически уже согласилась.

— Эммм... Би Джей будет там?

— Ну, он обещал зайти, но сказал, что не останется надолго.

Я облегченно вздыхаю.

— Во сколько?

— Все начнут прибывать к девяти, но вечеринка начнется в десять.

— Хорошо.

— Когда ты будешь у клуба просто скажи, что идешь на вечеринку Риа. О! И для идентификации на тебе должны быть надеты красные туфли или красная шляпа.

— Поняла.

— Итак, как твои дела сегодня? — спрашивает она с улыбкой.

Я пожимаю плечами.

— Как обычно. Безуспешно ищу работу.

Она хмурится.

— Зачем? Разве никто из братьев не может тебе предоставить работу?

— Конечно, могут, но я хочу сделать это сама.

— Зачем?

— Просто хочу попробовать.

Она смотрит на меня таким взглядом, словно я тупая, поэтому мы быстро меняем тему.

— И куда это ты так вырядилась?

— Я собираюсь пойти на кулачные бои.

— Кто дерется? — спрашиваю я, хотя не слишком трудно догадаться.

— Я ставлю сто фунтов на Би Джея, — говорит она с развязной усмешкой.

— Каковы шансы, что он выигрывает?

— Би Джей никогда не проигрывает, для него это плевое дело. Я собираюсь сделать ставку на количество ударов, или бросков, или сколько минут продержится другой парень. Что-то в этом роде.

— Звучит интересно, — осторожно отвечаю я, хотя подпольные бои, где противники избивают друг друга, пока один из них не может встать, не мой вид веселья. — И где это происходит?

— В каком-то Богом забытым сарае в захолустье. Патрик отвезет меня. Ты помнишь, моего второго кузена, не так ли?

— Да, смутно, — вежливо говорю я. И вдруг я говорю слова, которые думала, что никогда не слетят с моего языка. — Можно мне поехать с тобой?

Она искоса смотрит на меня.

— А как отнесутся твои братья к этому?

Я знаю, что Джек будет против. Лили как-то рассказала мне, что он даже не позволил ей присутствовать на бое с Би Джеем. Но после моего унижительного опыта в Италии, я пришла к выводу, что мне пора повзрослеть и испытать все самой. И главное держать удар в случае необходимости. Я не хочу, чтобы со мной все время нянчились всю оставшуюся жизнь. Я хочу увидеть, что из себя представляют кулачные бои. Кроме того, я буду с Риа. Что может со мной случиться?

— Я не скажу им, если ты не скажешь, — говорю я ей.

Она заговорщически хихикает.

— Я буду молчать.

— Когда?

— Сейчас.

Я смотрю на свою корзину. Пакет молока и упаковка с греческим йогуртом. Я несую корзину на кассу и молча отдаю ее кассиру.

— Я передумала. Не могли бы вы, пожалуйста, попросить кого-нибудь положить все обратно на полки?

— Готова? — спрашивает Риа.

— Да, готова.

На тот момент я просто рада, что готова к какому-то новому опыту. И мне даже не приходит в голову, что это может быть совсем неправильно.

10.

Лейла

По середине чьей-то фермы мы находим сарай, из которого гремит музыка и толпится большое количество людей. Мы платим за вход и заходим. Внутри я удивленно оглядываюсь по сторонам. В сарае находится гораздо больше народа, чем машин рядом с ним. Думаю, я бы определила здесь не менее 300 человек. В основном мужчины, но и присутствуют также женщины всех возрастов. Риа тянет меня за руку.

— Давай сделаем наши ставки, в потом выпьем. Я хочу быть впереди.

Я киваю и следую за ней, пока она проталкивается через толпу.

Мужчина в зеленой толстовке с двумя отсутствующими зубами скалится на нее.

— Что тебе, милая?

— Сколько я получу, если поставлю сто на Би Джея «Летучая мышь» Пилкингтона на победу менее чем за 2 минуты?

— Сто один фунт.

— Один фунт? За сто фунтов? Это же ничего!

Он пожимает плечами.

— Летучая мышь выиграл 92 боя и один был ничья. Ты говоришь о фаворите, машине, которая посылает мужчин в нокаут, любовь моя.

Риа трет шею.

— Сколько за его победу меньше, чем за одну минуту?

— Двадцать.

— Это просто бред. Меньше чем за тридцать секунд?

— Я дам тебе пятьдесят.

Она смотрит на него с сомнением, а потом принимает решение.

— Ладно, я возьму меньше минуты.

Она дает ему двадцать пять фунтов, и он передает его другому молодому человеку, стоящему у него за спиной, и что-то записывающему в свой невзрачный блокнот.

Он поворачивается ко мне.

— А вы, юная леди?

— Я? Я не... — я замолкаю. Почему бы и нет? Почему бы не сделать ставку, как сделала Риа? Это же просто для удовольствия. — Что принесет мне настоящую прибыль?

Он ухмыляется.

— Если Летучая мышь проиграет.

— Что еще?

— Что Молот Дьявола ударит его по лицу.

Я хмурюсь.

— А разве он не сможет?

— Нет, потому что кроме боя с Джеком Иденом, никто не бил по лицу Летучую мышь.

— Сколько я получу за сто?

— Две штуки.

— Вау! Это огромная сумма.

— Да, верно. Выигрыш чертовски хорош, потому что этого никогда не произойдет. Не делай этого, Лейла. Ты можешь с таким же успехом просто сжечь свои деньги, — советует Риа нахмурившись.

— Я люблю рисковать, — говорю я с улыбкой и протягиваю деньги. Букмекер одним движением руки прячет купюры с таким мастерством.

Он пишет ставку в своей небольшой книжице, и мы направляемся в сторону бара. Бар представляет из себя огромную коллекцию металлических бочек, наполненных бутылками пива, льда и воды. Мы заказываем по бутылке пива, пьем прямо из горлышка, так как бокалов нет. Я чувствую себя как-то странно возбужденной. Настроение собравшейся толпы явно влияет на меня или что-то витает в воздухе.

Мы находимся прямо перед местом, небольшим участком, огороженным тюками прессованного сена, с этого места очень хорошо будет виден весь бой. Начинается первый бой. Двое молодых людей, примерно моего возраста, идут к созданной арене. Один из них, как только вступает на арену, начинает тренировать удары, поворачивая голову из стороны в сторону, обегая периметр по кругу. Вдруг, без предупреждения, его кулак выстреливает вверх. Бах, удар в корпус, который заставляет его противника зашататься и упасть в сено. Борьба произошла за секунды, а потом агрессор бросается вперед и сбивает противника еще одним ударом.

— Ничего себе, — говорю я Риа. — Жестоко.

— Подожди, ты еще не видела Би Джея.

Следующий бой длится намного дольше и тоже выглядит неповторимо жестоким.

Глядя на все это, я понимаю, что передо мной разворачивается грандиозное шоу физического насилия. Мужчины дерутся под провоцирующий вой толпы. Их ничего не сдерживает, поскольку это у них в крови. Именно таким способом они пытаются доказать, кто является самым сильным. Спорт, превращающийся в легенду, отображающий силу воли, честь и мужество.

Оба бойца окровавленные и находятся в плохой форме, один из них выплевывает капю и падает на колени. Его друзья должны унести его отсюда. У меня гулко стучит сердце. Это слишком жестоко. Мне не нравится, что толпа вокруг меня возбудилась, словно накаченная адреналином. Ожидание парит в воздухе, потрескивая, как перед грозой.

— Сейчас будет Би Джей, — говорит Риа.

— Теперь бой, которого вы все ждали, — взхлеб объявляет ведущий. — Тони, Молот Дьявола, Рэдли против Билли Джо, Летучая мышь, Пилкингтона.

Толпа аплодирует и свистит.

— Тони, Молот Дьявола, Рэдли, — орет ведущий, пытаясь перекрыть свист и улюлюканье. Появляется противник Би Джея под «*We Are the Champions*» Queen огромный, бородатый мужик. Он поднимает руки над головой в знак благодарности и энергично движется в направлении самодельной арены.

— И теперь непобедимый чемпион, Билли Джо, Летучая мышь, Пилкингтон.

Би Джей появляется под грянувшую песню «*Bat Out of Hell*» Meatloaf и направляется на арену. Толпа абсолютно сходит с ума, крича, аплодируя, стуча бутылками по деревянным балкам сарая. Нет сомнений, он любимчик публики.

Он одет в простую черную футболку и брюки цвета хаки. Он входит на арену, и я замечаю, что он совсем другой. Брови прямые, глаза безжалостные, черный лед, лицо ничего не выражает. Он действительно похож на хладнокровного психопата или на бездушную машину. Я представила этого холодного бездушного бойца напротив с нежным, добрым Джеком и почувствовала, как внутри у меня появляется страх. Неудивительно, что Джек не захотел, чтобы Лили присутствовала на бое. Сейчас этот мужчина представляет из себя именно того типа, как его и назвал букмекер — машина, отправляющая мужчин в нокаут. Он находится здесь по одной единственной причине: для полного уничтожения другого человека.

Он настолько отличается от Би Джея, которого я знаю, что испытываю настоящий шок.

Би Джей слегка наклоняет голову вперед и его округлые огромные плечи, руки, слегка согнутые в локтях, своей позой напоминают мне разъяренного быка. Сейчас он самый безжалостный и агрессивный мужчина, которого я видела когда-либо в своей жизни. Он не смотрит на толпу, а смотрит только на своего противника. Я перевожу взгляд на Молот Дьявола, который стоит в боевой стойке, ударяя кулаками в воздух и совершая маленькие прыжки, быстро и ловко перебирая ногами, но в его глазах я вижу страх. В мозгах он уже проиграл. Единственный вопрос — сколько он продержится.

Би Джей делает шаг на арену и... и, как бык бросается на противника. Это настоящая засада, все понятно и просто. Неожиданные удары дождем сыплются на неожиданного мужчину с такой скоростью и так безжалостно, что он просто ошеломлен от такой свирепой атаки. Молот Дьявола бесполезно пытается отбиваться. Один удар, с невероятной силой достает до его подбородка, и он летит спиной, приземляясь на один из тюков с сеном. Толпа беснуется. Но Молот Дьявола еще не побит до конца, хотя он и не шевелится. Он пытается с трудом подняться и произвести выпад в сторону Би Джея.

Би Джей стоит на месте, словно бык, готовый встретить матадора. Он даже не шелохнулся. И вдруг я понимаю, что он собирается сделать. Это очень странно, но точно знаю. Он собирается совершить удар, который просто лишит сознания Молот Дьявола. И в этот момент, когда Молот Дьявола готовится совершить удар, я открываю рот и со всей силы кричу:

— БИЛЛИ ДЖО ПИЛКИНГТОН.

Каждый человек, находящийся в сарае, переводит испуганные глаза в мою сторону. Но я не отрываю взгляда от Би Джей. Он поворачивается на мой голос, на его лице светится выражение сомнения и полного удивления. Я самый последний человек в мире, которого он ожидает здесь увидеть. Его глаза находят меня, и он смотрит на меня таким взглядом, словно видит привидение. Молот Дьявола делает взмах ногой, и носок его ботинка ударяет Би Джей прямо в лицо. Прямое попадание. Сила удара заставляет Би Джей немног пошатнуться. Он переводит взгляд на противника, выпрямляется, сейчас он похож на ангела мести.

Он в такой ярости, весь его вид показывает, будто бы он хочет оторвать башку этому мужчине. Би Джей избивает своего противника с такой варварской жестокостью, что я вынуждена закрыть глаза. Я слышу глухой стук падающего тела, толпа сходит с ума. Я чувствую, себя возбужденной, накаченной адреналином и оглохшей. Сердце скачет как угорелое, я поворачиваю голову в сторону Риа.

Она смотрит на меня странным взглядом.

— Поздравляю, — говорит она. — Ты выиграла.

Я киваю, окружающие косо посматривают в мою сторону, поскольку я устроила шоу, но при этом совершенно не чувствую себя неловко. На самом деле, я чувствую себя немного странно и отстраненно. Думаю, что я в шоке из-за себя самой, поскольку осознанно причинила вред другому человеку. Раньше я никогда не позволяла себе такого, никогда никому не причиняла физической боли. Мне даже становилось не по себе, когда я случайно лопатой рассекала насекомое или лягушку у нас в саду.

— Ты не дашь мне сигарету? — спрашиваю я Риа.

— Конечно! — она протягивает пачку. — Зажигалка внутри.

— Спасибо, — говорю я с натянутой улыбкой, и она подталкивает меня отсюда. Я словно одеревенела. Обычно я не курю, но сейчас так нервничаю, у меня даже руки трясутся. Я иду в другую сторону сарая и закуриваю. Сделав только одну затяжку, физически ощущаю, что воздух вокруг меня меняться, став более густым. Я медленно поворачиваю голову, наши глаза встречаются.

— Теперь мы квиты? — спрашивает Би Джей.

Его левая скула сильно опухла и стала краснеть. Я отворачиваюсь от его холодного, ничего не выражающего взгляда. Я слишком остро сейчас все чувствую.

— Да, мы квиты.

— Можно?

Я удерживаю сигарету зубами и протягиваю ему открытую пачку. Он вытаскивает одну, у него на руке кровь.

— Больно? — спрашиваю я.

— Нет.

— Почему?

— Я не чувствую боли.

Я открываю зажигалку и подношу к его сигарете, у меня дрожат руки. Второй рукой он обхватывает мою руку, притягивая к себе. В маленьком свечении пламени, я вижу, как от его тела поднимается пар, и чувствую отчетливый запах пота, адреналина и эндорфинов. Наши глаза снова встречаются, и мы молча смотрим друг на друга. Да, я испытываю шок, и да, я даже чуть-чуть хочу отодвинуться от его взгляда, но в его взгляде есть что-то совсем другое,

то что представляет его истинное лицо. Он затягивается, красный огонек сигареты начинает светиться, и я с щелчком закрываю зажигалку.

Я опускаю глаза, кладу зажигалку обратно в пачку. Я подношу сигарету к губам, вздыхаю легкий теплый дым, чувствуя легкое головокружение. Я выдыхаю, медленно опускаю руку. Мы стоим в двух шагах друг от друга, и в этом есть неповторимый элемент опасности, словно ты катаешься на американских горках, которые крутятся и переворачиваются. С одной стороны, ты до смерти напуган, с другой — испытываешь возбуждение и азарт.

Я понимаю, что на арене не только видела жестокость и насилие, но и возбуждение от его накаченных рельефных мышц, обтянутых футболкой. Он испускает вибрации, призывающие меня к нему. Вся моя жизнь была наполнена ненавистью к Би Джею, но сейчас похоже, словно это была не моя жизнь. Станный обман зрения заставляет почувствовать сильное желание соединить наши тела. Пребывая в шоке от своего открытия и испытывая к нему такие чувства, я продолжаю пялиться в его замороженные глаза.

Он не произносит ни слова и мне тоже нечего сказать. Слова не нужны от сгустившегося сексуального напряжения, которое потрескивает, словно электричество между нами.

Вдруг меня зовет Риа.

— Ну, вот, наконец-то. Я искала тебя.

Я роняю сигарету на землю и растираю ее ногой, протягивая пачку ей назад.

— Спасибо.

Би Джей щелчком пальца отправляет окурок в сторону.

— Привет, Риа, — тихо говорит он.

— Бой был великолепным, — отвечает Риа.

— Спасибо, — говорит он голосом, лишенных любых эмоций, словно она сказала ему и не комплимент вовсе.

У меня звонит телефон, я достаю его из сумочки. Дерьмо. Это мама. Я подумываю не отвечать, но знаю, что ей это не понравится. Она будет звонить и звонить, пока я наконец не отвечу.

— Привет ма, — я перевожу взгляд на Би Джея, который пристально смотрит на меня.

— Ты где? — спрашивает она.

Я опускаю взгляд на подмерзлую землю.

— С Риа, — отвечаю я, поскольку даже не смею сказать, где нахожусь, она не одобрит это и обязательно расскажет Джеку, а тот просто сойдет с ума.

— Хорошо. Ты сможешь быть дома через час.

— Думаю, да. А зачем?

— Шейн заедет к тебе, я передам тебе с ним немного еды.

— О, хорошо.

— Позвони мне, как доберешься домой, хорошо?

— Сделаю.

— Но сначала позвони Шейну, — говорит она и вешает трубку.

Я кладу телефон обратно в сумочку и умоляюще смотрю на Риа.

— Прости, но мне пора домой. Мама послала ко мне брата, который прибудет через час.

— Черт, — резко говорит Риа, глядя на меня широко раскрытыми глазами. — Тебе лучше позвонить ему и сказать, что прибудешь через полтора часа.

Она поворачивается к Би Джею.

— Увидимся в эти выходные.

Он кивает и смотрит на меня.

— Пока, — смущенно говорю я.

Мы спешим к букмекеру, чтобы забрать наш выигрыш.

11.

Лейла

Суббота. Кажется, что время ползло целую вечность, но этот день приносит с собой напряжение, что даже живот сжимается от нервозности.

Зная, что сама Риа и все ее друзья оденутся соответственно, чтобы сразу убить наповал своими нарядами, я уделяю больше времени на подготовку. Я почти час пролежала в ванне с секретной домашней маминой маской на лице и на волосах. Она гарантирует, что эта маска сделает мои волосы блестящими. Мамина маска оправдала надежды, кожа светится, а волосы действительно выглядят блестящими.

Я одеваю белое мини-платье, без рукавов с высоким воротником, но в нем присутствует один смелый штрих, не в коей мере не развратный — овальная вырез посередине в пять дюймов, который открывает мое красивое загорелое тело и пупок. Я закрепляю красный берет на волосах и надеваю высокие замшевые сапоги с открытыми носками, которые были в моде несколько месяцев назад в Италии.

Я стою перед зеркалом и мне нравится, как я выгляжу. Мои мысли возвращаются к тому моменту, когда Би Джей наклонил голову ко мне, и мы стояли в свете пламени от зажигалки. Бессознательно мой палец медленно вырисовывает круги на голом животе.

«Laissez-faire» — просторный, огромный, совершенно современный ночной клуб с подсветкой на полу, мигающей синим и белым светом, блестящим металлом на стенах и столбах. Риа справляет свой день рождения в VIP-зоне наверху. Как только я вхожу в закрытую зону, она бежит мне навстречу.

— О! Мой! Боже мой! — кричит она. — Выглядишь потрясающе, детка. Я ВЛЮБИЛАСЬ в твои сапоги.

Она выглядит очень гламурно в красной ковбойской шляпе с полосами из страз, в облегающем красно-черном в полоску платье и высоких сапогах, которые я видела в одном модном журнале. Ее загорелая кожа поблескивает в отблеске освещения.

— Ну, ты и сама выглядишь просто сногшибательно, — искренне говорю я.

Она взмахивает своими длинными, с как будто выгоревшими мелированными прядями волосами.

— Так и есть.

Я улыбаюсь. Риа никогда не умрет от ложной скромности. Я протягиваю ей подарок — красивый плетеный пояс, который купила в Милане.

— С Днем Рождения, Риа.

Она сияет.

— Спасибо. Пойдем. Давайте выпьем, — она подмигивает мне. — Мы пьем шампанское. Би Джей сказал, что мы можем заказывать все, что захотим, поэтому мы заказали шампанское, но мы не переходим границы, поскольку оно действительно очень дорогое, — тораторит она, пока мы двигаемся через помещение в сторону бара.

Мы уже почти на полпути, но начинает звучать любимая песня Риа — Джастина Тимберлейка «*Sexy Back*». С криком нескрываемой радости, она ставит подарок на пол и задорно начинает танцевать вокруг меня. Со смехом я присоединяюсь к ней. Мы начинаем вертеть бедрами, ударяясь друг о друга, комично крутить ягодицами, танцуем собственно по-настоящему, как два чокнутых подростков. Ее друзья присоединяются к нам.

Песня заканчивается, Риа берет меня за руку и тянет в сторону бара, но начинает звучать другая песня, которая мне очень нравится — «*All About That Bass*». Перестав болтать, я начинаю танцевать рядом с ней, и мы повторяем все сначала.

Смеясь и с трудом дыша, мы наконец доходим до бара, после того, как оттанцевали пять песен. Не успели мы сделать глоток шампанского из наших бокалов, как включается еще один из моих любимых треков. Мы, пятеро девушек бросаемся на танцпол и просто отрываемся по полной.

Время бежит быстро. Подбор песен просто потрясающий и Риа заливисто смеется.

Уже почти полночь, поскольку девушка рядом со мной шепчет, что торт будут резать ровно в двенадцать. Я сижу за столом с Риа, чувствуя себя расслабленной и веселой, когда воздух начинает дрожать рядом со мной. Я поднимаю глаза и вижу нависшего над нами Би Джея, мне кажется он стал даже больше и шире. На нем одета плотно облегающая футболка цвета хаки, показывающая его впечатляющие мускулы и торс, и джинсы низко висящие на бедрах.

Но он пришел с женщиной!

Мне требуется несколько секунд, чтобы это осознать. Но как только до меня это доходит, черт возьми! Я опять самая большая дуреха по эту сторону экватора. В конце концов между нами ничего не было, это всего лишь мое воображение. Я снова ошиблась, как и с Лупо. Стараясь на него не смотреть, я перевожу взгляд на его спутницу.

Она роскошная, навязчиво экзотическая с кожей цвета сливок, иссиня-черными волосами, зелеными или карими глазами (невозможно точно сказать под приглушенным освещением клуба), высокими скулами, которые придают ей вид кошки. На ней — короткое черное платье, в котором с трудом уместается ее тело, и ее рука в собственническом жесте лежит на согнутой в локте руке Би Джея. Ногти длинные и красные, и она слегка водит ими по его руке, это выглядит очень сексуально. Меня это зрелище заставляет нервничать, поэтому я опускаю голову и сморю в свой бокал.

— Лейла, — зовет Би Джей.

— Привет, — радостно отвечаю я, поднимая на него глаза, но стараюсь смотреть на его губы. У него сексуальные губы, особенно нижняя кажется такой аппетитной, так и хочется

прикусить. «Господи. Сколько шампанского я уже выпила?» Я опять опускаю глаза в свой бокал. Пять... пять бокалов.

К моему ужасу Риа приглашает Би Джея присесть с нами. Она передвигается ко мне ближе, предлагая мне передвинуться еще дальше, но место, которое она освободила явно кажется не достаточным для него. К счастью, он сообщает, что не останется, я с облегчением поднимаю глаза.

Это большая ошибка.

Он не отводит от меня взгляда, словно гипнотизируя меня своим глазами, но я ловлю себя на мысли, что просто пялюсь на него, прикусив нижнюю губу. Мне так и хочется выругаться, поскольку кожу покалывает, а сердце устраивает танцы.

— Лейла. Разве это не арабское имя, означающее темнота или ночь? — спрашивает женщина с фальшивой улыбкой.

Прежде чем я собираюсь ответить, Би Джей говорит:

— Нет, в настоящем арабском переводе Лейла означает — свет и головокружительные ощущения, которое дает первый поток ночи. Еще не опьянен, но уже двигаешься в этом направлении, это возбуждение.

У меня застрекает дыхание в горле. Я шокированного смотрю на него, поскольку он описал имя Лейла, как нечто знойное, сексуальное.

Женщина зло и враждебно смеется.

— Ну, давать арабские имена не-арабам немного глупо, правда?

— Я не могу себе представить более подходящее имени для нее, — говорит Би Джей, его угольно-черные глаза ни на минуту не оставляют меня.

Я чувствую себя немного неуютно, особенно под его взглядом, поэтому резко поднимаюсь, его глаза тут же перемещаются на мой открытый живот. Он смотрит с настолько наглой похотью, что у меня тут же краснеет шея и лицо.

— Извините, мне необходимо в дамскую комнату, — говорю я девочкам, выскальзывая из-за столика.

Я чувствую его взгляд, впивающийся мне в спину, пока выхожу из VIP зоны.

Стоя перед зеркалом, внимательно рассматриваю себя. На щеках два красных пятна, волосы в беспорядке, берет тоже съехал немного на бок, кто-то, наверное, во время танцев наступил на белый замшевый сапог, оставив коричневый след. Я вытаскиваю пару бумажных полотенец из дозатора, чуть мочу водой и пробую оттереть это ужасный след, но без успеха.

Странно, но я совершаю все это на автопилоте. В голове полный сумбур от мыслей, такое впечатление словно я схожу с ума — *он пришел с другой женщиной*. И меня это раздражает. Но потом он так стал трактовать мое имя и смотрел на меня такими глазами, будто хотел съесть. Что это он задумал? Между нами существует что-то или нет, я пальцами пытаюсь привести волосы в порядок, наношу слой блеска на губы и выхожу из туалета. Иду по коридору со стенами из матового стекла, и огромная рука из темноты хватается меня, и я впечатываюсь всем корпусом в непоколебимое железное тело.

Лейла

Что, если мы поцелуемся? Что тогда?

Моя грудь вдавливается в его жесткие мышцы, я даже не пытаюсь бороться. Я выросла с тремя братьями, поэтому знаю, что бесполезно бороться с людьми, которые намного больше и сильнее тебя. Вместо этого я смотрю на него взглядом, наполненным ядом. *Он приволок с собой женщину.*

— Отпусти меня.

— Испугалась? — насмешливо спрашивает он, голос густой и гладкий.

— Тебя? — ехидно поддеваю я, сама по себе идея мне кажется уже невероятной.

Он смеется, смех отдается где-то глубоко внутри него, и похож на злой рокот. Но мне нравится, мне очень нравится.

— Да, меня, — отвечает он. — Мне нравится связывать девушек и лизать их киски, пока они не начнут кричать.

Я чувствую, что мой живот соглашается с ним. Как отличается смех этого мужчины от того, с кем я делила пламя от зажигалки в сарае.

— О, ты отвратителен.

Он удерживает меня на расстоянии вытянутой руки и проходит вниз глазами, намеренно задерживаясь на моей груди перед тем, как остановить свой взгляд, на моем голом животе.

— Ты черт побери прекратишь пялиться на меня?

Он улыбается, и ямочка появляется у него на подбородке, он выглядит таким съедобным.

— Если ты не хочешь, чтобы мужчины пялились на тебя, зачем ты надела такое платье?

— Ты идиот, знаешь ли? — огрызаюсь я.

— Ты реально, бл*дь, чертовски горячая.

У меня расширяются глаза.

— Ты серьезно? — задыхаюсь я.

— Мои яйца уже ноет.

— Не верю.

— Какие звуки ты издаешь, когда кончаешь?

— Что? — я уже начинаю брызгать слюной. Это уж слишком. Это просто возмутительно. Он флиртует со мной, а наверху его ждет женщина. Какая наглая сволочь. — Как ты смеешь?

Он медленно улыбается. Самая медленная улыбка, которую я видела впервые за всю

свою жизнь.

— Если ты мне не скажешь, то я подумаю, что ты хотела бы, чтобы я выяснил это.

Моя ладонь яростно взлетает вверх, его рука как бы нехотя ловит ее. Зажав мою руку, он подносит ее к губам. Я пытаюсь вырваться от него, но моя рука словно зажата в тиски, она вообще не двигается в его хватки. Дыхание становится каким-то рваным, губы начинают дрожать.

Он улыбается, его глаза черные и пугающе непостижимые.

— Ты хочешь посопротивляться, дикая кошечка? Дай мне свой адрес, я зайду позже.

Мою грудь распирает от ярости, кровь бешено стучит то ли от ярости, то ли от похоти. Я чувствую, что готова просто взорваться. Не знаю, почему этот мужчина может ввести меня в такое состояние, всего лишь подняв брови. Я отрицательно качаю головой.

— Я не могу решить, то ли ты глупый, то ли совсем не пробиваемый. Читай по губам. Я. Не. Хочу. Тебя.

— Боже, какая маленькая лгунья. Твое восхитительное тело говорит совсем другое, — он проводит мозолистыми пальцами по оголенной коже моей руки. И хотя со стороны это не слишком интимный и не сексуальный жест, но стоит ему это проделать, как мое тело начинает дрожать. Я задерживаю дыхание. Он доходит до запястья, берет руку и подносит ее к носу.

— Ты никогда не меняла свои духи, не так ли? — спрашивает он тихо, а в глазах словно горят черные костры.

Мое дыхание превращается в свист. Он заметил! Я не скажу ему, что именно эти духи были последним подарком моего отца. Я только вернулась тем днем с верховой езды, и отец протянул мне коробку, сказав: «Цветок не должен пахнуть ослом».

— Тебе походит этот запах, — говорит он, глядя на меня, словно напивается запахом. Я тупо смотрю на него. На самом деле я высокая, но даже в сапогах на шпильках, он заставляет меня чувствовать себя крошечной.

Музыка меняется. Звучит Крис Айзек с сексуальным гимном «Wicked Game».

— Они играют нашу песню, Лейла, — говорит он протяжно с хрипотцой.

— У нас нет песни, — отвечаю я еле слышно.

В его глазах видится смех. Он наклоняет голову, и я дергаюсь.

— Кто тебе это сказал? — бормочет он мне на ухо, и я чувствую его горячее дыхание и запах мяты.

Он начинает кружить меня, и я неожиданно оказываюсь на краю танцпола. Чувственный вокал Айзека заполняет пространство, у меня внутри что-то плавиться. Пульсирующие тела вокруг нас словно пропадают, и мы оказываемся будто бы внутри сексуального черно-белого Херб Ритц видео. Место мечты, где все происходит в замедленном темпе, и я нахожусь рядом с самым потрясающим мужчиной на земле.

Голос Исаака скользит по коже: «*В какую коварную игру ты играешь, что заставляешь меня так чувствовать*». У меня такое ощущение, будто бы Би Джей поет это мне. Его руки крепко обволакивают мое тело, мы прекрасно дополняем друг друга, не отводя глаз. Полностью потерявшись в мире грез, который он создал, я обхватываю его мощную шею. Выпирающие мускулы двигаются у меня под пальцами, я дотрагиваюсь до его волос.

«*Я никогда не мечтал, что люблю такую как ты*».

Я кладу голову ему на грудь и слышу устойчивый сильный стук его сердца. Он весь мачо, даже его сердцебиение. Я закрываю глаза. Его намерения такие очаровательные и

беззастенчиво грубые. Я не хочу признаваться сама себе, но какая-то часть меня жаждет его.

«Нет яаяаяя не хочу влюбляться... в тебя».

Удерживая за талию, он поднимает меня вверх. Я не кричу и не визжу, поскольку мои братья проделывали со мной такое тысячу раз. Мое горло оказывается на уровне его рта, и он целует, я запрокидываю голову назад и содрогаюсь от исходящего жара. Он поднимает меня еще выше. Я упираюсь ладонями в его накаченные огромные плечи и смотрю на него сверху вниз. Он смотрит на меня, его глаза черные и жаждущие. Он медленно вертит меня вокруг. Наши взгляды блокируют друг друга. Затем он наклоняет голову и облизывает мой пупок, как животное. Этот похотливый жест заставляет меня задохнуться.

Вокруг нас музыка начинает медленно сходиться на нет.

Исаак поет: «*В этом мире нет любви*».

— Я попробовал тебя, и ты съедобна, и я желаю тебе сожрать, — рычит он мне на ухо, опуская на пол. Как только мои ноги касаются пола, колени подгибаются. Это не танец. Это соблазнение, такого у меня никогда не было. Примитивное, не завуалированное, неотразимое.

Ошалевшая от его завораживающей похоти и загипнотизированная его глазами, я молча смотрю в его суровое лицо. Соблазнение — это обещание наслаждения и освобождения. Я жду. Наверное, я жду, что он доставит мне его. Его голова пикирует вниз, и рот захватывает мои губы. Он целуется как бандит, обворовывающий бандит. Я не замечаю ничего. Поцелуй длится и длится, и я не хочу, чтобы он заканчивался. Сколько я стою в кругу его рук, пока его рот хищнически поглощает мой, не знаю.

Жар и огонь охватывают низ моего живота.

Все мое тело парит в море ощущений. Я никогда не испытывала ничего подобного. Обхватив меня за спину, он все ближе прижимает меня к себе, будто хочет слиться со мной в единое целое. Он хочет полностью подмять и подчинить меня себе.

Такое впечатление, что внутри нас присутствует что-то такое, борющиеся и пытающееся поглотить другого. Мои бедра вжимаются в его ощутимую твердость, я жажду его. Тяга к нему, как лихорадка. Он прерывает поцелуй, я нахожусь полностью в таком сумбуре, что в состоянии только тупо моргать, смотря на него.

Начинает звучать Fall Out Boy's *Centuries*, и Патрик Стэмп кричит: «*Remember me... for centuries*».

Он отпускает меня, смотрит внимательно прищурившись. Как всегда, ощущение опасности, чего-то запретного витает вокруг него.

— Встретимся завтра, — говорит он, его голос звучит настойчиво.

Его обжигающий поцелуй до сих пор чувствуется у меня на губах, его запах остался у меня на коже, словно прикосновение. Никто никогда меня так не целовал.

— Я не могу. Я возвращаюсь в Лондон завтра вечером.

— Поужинаем в понедельник.

— Поужинаем, — тупо повторяю я.

— В *Pigeon's Pie*.

Pigeon's Pie — один из его пабов. Я смущаюсь.

— Ты можешь прийти с Риа, — убеждает он.

Я отрицательно качаю головой и делаю шаг назад.

— Нет, — шепчу я. Я не хочу быть девушкой подружки, которую он собирается трахнуть и потом выкинуть на обочину. Это убьет меня.

— Я буду ждать, — говорит он.

Я разворачиваюсь и скрываюсь в толпе.

За пультом ди-джей кричит:

— Проявите хоть подобие чертового сострадания. Поднимите руки вверх, начинает играть моя самая любимая песня на всем белом свете. *Вы со мной?*

Би Джей

Я наблюдаю, как она убегает в этих сумасшедших сапогах, которые заставляют меня захотеть облизать ее милые маленькие торчащие пальчики принцессы. Держу пари, ее пальчики пахнут цветами.

— Ты можешь убежать маленькие Сапфировые Глаза, но не можешь скрыться от меня.

Я никогда не был таким до ужаса открытым и веселым. Такое ощущение, что вся кровь отлила у меня от головы и направилась к х*ю. Сквозь толпу я замечаю своего управляющего клуба и подхожу к нему.

— Привет Би Джей, — он вежливо здоровается.

Я киваю. Он действительно хорош в своем деле, но я продолжаю удерживать дистанцию между нами, давая понять, что мы не друзья. Он всего лишь работает на меня, и я его босс. Эту отметку никто никогда не перешагнет.

— Девушка в красном берете, в белых замшевых сапогах и белом платье, празднует с Риа день рождения. Найди ее и не спускай с нее глаз, следи как ястреб. Убери любого, кто попытается с ней заговорить.

Он смотрит на меня выпучивая глаза, поскольку никогда раньше не получал таких инструкций.

— Понял? — спрашиваю немного более агрессивно, чем хотел.

— Да, да, все понял, — быстро отвечает он, подняв вверх руки, как бы защищаясь.

— Хорошо. Видел женщину, с которой я пришел?

— Да, — признается он с опаской.

— Вызови для нее такси, когда она будет готова уйти.

— Хорошо, — говорит он с облегчением улыбнувшись.

— Чтобы не было никаких проблем у красного берета, можешь мне звонить на мобильный в любое время.

— Понял.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи и спасибо, Би Джей.

Я оборачиваюсь.

— О, и еще одна вещь, проводи красный берет и посади в такси, ты отвечаешь за нее.

Лейла

Я просыпаюсь, когда по краям штор виднеется полоска света. Смотрю на часы у постели и с удивлением обнаруживаю, что почти одиннадцать. Должно быть, я устала намного больше, чем предполагала. Странно, что не пришла мама и не разбудила. Я же сказала ей, что хочу помочь приготовить воскресный обед. Я потягиваюсь в роскошной, прохладной своей детской кровати. И вспоминаю, что произошло вчера, моя рука тянется к губам.

Он поцеловал меня!

Улыбка появляются у меня на губах. Я сажусь и беру мишку, сидящего на полке над кроватью, залезаю назад под теплое одеяло, крепко обнимая своего медведя. Его зовут Грейстоун и он со мной почти 20 лет, но выглядит очень ухоженным, в общем выглядит исключительным для своего возраста и пахнет лавандой. Раз в месяц мама открывает застежку у него на шеи и запихивает пакетики сушеной лаванды. Когда я была маленькой, я всегда разговаривала с ним, и при этом искренне верила, что он отвечает мне.

— Никому не говори, Грейстоун, — шепчу я в сладко пахнущую головку. — Но это было чертовски горячо, я никогда не испытывала такого. У меня даже закружилась голова.

Грейстоун молчит.

Я тихо вздыхаю.

— Знаю, все знаю. Он дал совершенно ясно понять, что ему нужен только секс, но что из этого?

Вчера вечером я была слегка навеселе и убедила себя, что не хочу быть еще одной зарубкой на его кровати, но в новом свете дня, почему бы и нет? Это что-то новое и авантюрное для меня. Кроме того, между нами всегда присутствовало что-то. Почему бы не пойти на это и просто не дать всему перегореть. Я же не буду в опасности, это всего лишь природный зов тела. Я же не собираюсь влюбляться в него или что-то в этом духе, он мне не очень даже нравится.

Я вспоминаю танец, поцелуй, как он облизнул мой пупок, словно помечая свою территорию. Я касаюсь пупка и чувствую немедленную реакцию между ног. Мокрая! Такого никогда не происходило с Лупо и вообще ни с кем.

Я кладу Грейстоуна назад на полку и встаю с постели, решив не думать о Би Джее до завтра, тогда и решу стоит ли идти Pigeon's Pie. Я открываю дверь спальни и слышу голоса братьев, доносившиеся снизу. Все еще в пижаме, не собираясь заходить даже в ванную комнату, я бегу вниз по лестнице в гостиную. Мама сидит в своем любимом кресле, а трое

моих братьев располагаются на длинном диване.

При моем появлении, они все поворачиваются.

— Спящая красавица проснулась, — говорит Шейн.

— Привет, соня, — говорит Джек. Я подхожу к дивану, встаю на подлокотник и падаю всем телом, как срубленное дерево, на своих братьев. Я проделываю такое с самого детства.

— Бац! — кричит Доменик, смеясь.

— Лейла, ты уже не маленькая девочка. Ты уже слишком большая, чтобы делать подобные вещи, которые совершенно не присущи леди, — не одобрительно говорит мама.

— Нет, она не большая, — кидается Шейн на мою защиту.

— Перестаньте ее портить, — ругается мама на него, но голос звучит без осуждения. Тайно, она на самом деле гордится тем, что наша семья так близка друг с другом. Но она мать поэтому и должна периодически ворчать.

— Боже упаси. Она еще ребенок, — лениво говорит Джек, нежно убирая волосы с моего лица.

— Она никогда не будет слишком взрослой для этого, даже когда ей будет 90, — добавляет Доминик, сидящий в середине. С рычанием он набрасывается на меня и начинает щекотать. Вдруг, как по команде они все начинают щекотать меня, их руки везде — под мышками, на ребрах, на животе. С воплем я пытаюсь вывернуться или уклониться от их рук, но они словно взяли меня в кольцо своими быстрыми руками. Беспомощно я заливаюсь, хватая ртом воздух и уже начинает болеть живот от смеха.

— Я не ходила еще в туалет. Я сейчас описаюсь на вас, — отчаянно брызгая слюной, кричу я.

Это мгновенно помогает, они тут же прекращают, и я изворачиваюсь, соскальзывая на пол, тяжело дыша.

Братья смотрят снисходительно, но мама ругается, я поворачиваюсь к ней.

— Почему ты не разбудила меня, я хотела помочь тебе с обедом.

— Я слышала, что ты вернулась в два часа ночи. Мне хотелось, чтобы ты отдохнула. Ты выглядишь лучше. Все уже почти что сделано. Иди и приведи себя в порядок. Обед через час.

— Спасибо, ма, — благодарю я, и поворачиваюсь к Джеку. — Где Лили?

— Она немного устала, поэтому прилегла в комнате ма.

Я хмурюсь. Мне очень нравится Лили, она настолько деликатная и милая.

— С ней все в порядке, правда ведь?

— Да, в порядке.

Я встаю.

— Ладно, пойду поздороваюсь. Увидимся, ребята, после того как я приведу себя в порядок.

Я бегу вверх по лестнице в комнату матери. Тихо стучусь и спрашиваю:

— Лили, можно к тебе?

— Входи, — тут же отвечает она.

Я открываю дверь, она пытается сесть. Она на восьмом месяце беременности и при ее худенькой комплекции у нее довольно большой живот.

— Не садись, — говорю я ей, и она откидывается на спину.

Я подхожу.

— Можно послушать?

Она улыбается.

Присев рядом на кровать, я прикладываю ухо к животу, и слушаю свою племянницу. Несколько секунд все тихо, потом я отчетливо слышу какой-то шум.

— Что ты слышишь? — спрашивает Лили.

— Мне кажется, она икает, — отвечаю я.

Лили смеется.

— Ты такая же, как твой брат. Он клянется, что слышит ее смех.

Я недоверчиво смотрю на нее.

— Правда?

Она отрицательно качает головой.

— Через околоплодные воды? Очень сомнительно. Но, честно говоря, когда он кладет голову мне на живот, она начинает пихаться и ведет себя очень возбужденно, такое впечатление, что она знает, что ее слушает отец.

Я смотрю на нее с удивлением.

— Надо же, как необычно, правда ведь?

Она тихо хихикает.

— Если думать об этом так.

Я сажусь по-турецки на пол, опираясь локтем на колено и ставлю подбородок на ладонь.

— Расскажи мне про тот день, когда ты узнала, что беременна. Я хочу узнать все — как ты сообщила Джеку об этом и что, он ответил.

Она улыбается от воспоминаний.

— Ну, я догадалась, что беременна, после двух дней задержки, поскольку мой цикл шел, как по маслу. Я купила пару тестов на беременность и оба показали положительный результат. Самое смешное, это было за день до первой годовщины нашего знакомства, поэтому я решила ничего ему не говорить, пока мы не будем отмечать это событие. Мы собирались отправиться в Париж, и я хотела сообщить ему в отеле прежде, чем мы пойдем ужинать.

Она смотрит мечтательно куда-то в даль,

— Он забронировал номер люкс в Париже. Знаешь, такой невероятно гламурный, из тех, что показывают в фильмах. С высокими позолоченными потолками, отделанный деревом, старинным деревянным полом и огромной причудливо-резной золотой кроватью, с тремя балконами и пальмами в китайских горшках. И там я и сказала ему.

Она делает паузу, ее глаза наполнены слезами.

— Ох, Лили, ты плачешь.

Она качает головой.

— Было очень красиво. Я купила маленькие желтые ботиночки, самые крошечные вязаные пинетки. Они были в белой картонной коробке, и я попросила продавщицу упаковать ее в подарочную бумагу. Я до сих пор помню упаковку — желтая с красными шарами. И прежде чем мы отправились ужинать, я вручила ему этот подарок. «Это тебе», сказала я. Он нахмурился, взяв маленькую коробку, словно это была самая драгоценная вещь в мире. «Мне?» спросил он не доверчиво. Понимаешь, я никогда ничего ему не дарила. Что я могу подарить человеку, у которого есть все?

У нее на лице расплывается улыбка, загадочная улыбка.

— Он открыл коробку. Некоторое время просто смотрел недоверчиво, двумя пальцами вытащил ботиночки и взглянул на меня. Ой, Лейла, ты бы видела выражение его лица. У

меня до сих пор бегут мурашки по коже даже сейчас, когда я вспоминаю. Он выглядел таким счастливым, но до конца не верил, ему казалось, что это шутка. «Ты пытаешься таким образом мне сказать, именно то, что я думаю, что ты пытаешься мне сказать?» шепотом спросил он.

Я просто молча кивнула и наблюдала, как он очень аккуратно положил их обратно в коробочку и поставил ее на столик. Затем с безумным радостным возгласом, словно мальчишка, он поднял меня и закружил вокруг, пока у меня окончательно не закружилась голова.

— Ох, Лили, — выдыхаю я. — Какая прекрасная история.

— Это *был* незабываемый вечер, — говорит она тихо, и довольно поглаживает живот.

— Не знаю, найду ли я такую любовь, как у тебя.

Она смотрит прямо мне в глаза.

— Иногда этот человек находится гораздо ближе, чем тебе кажется.

У меня перед глазами тут же появляется лицо Би Джея. Интересно как такой безразличный и жесткий мужчина отреагирует на новость, что он станет отцом?

— Наступит день, и ты будешь беременна, и когда ты скажешь своему мужчине, что носишь его ребенка, ты будешь точно знать, что я имею в виду. Свет, его глаза начинают светиться особым светом.

Мы замолкаем на несколько минут, видно каждая из нас погружается в свои мысли. Но Лили нарушает молчание.

— Твоя мама сказала, что ты вчера ходила на вечеринку в *Laissez-faire*.

— Да, — признаюсь я, — на день рождение Риа.

Я подумывала рассказывать ей о Би Джее вкратце, о нашем сексуальном танце, который завораживал меня и поцелуе. Но решаю не делать этого, поскольку собственно рассказывать то и не о чем. И ничего не произойдет, если я не пойду в *Pigeon's Pie*.

— Хорошо провела время?

Я радостно киваю.

— Все было великолепно. Музыка отличной, мы танцевали всю ночь, в конце произошла маленькая неувязочка, кто-то подрался, и парень едва не сбил меня с ног, но мне повезло. Управляющий клубом появился, словно из под земли, и увел меня подальше. Он сразу же вызвал такси и настоял довести меня до машины и по-моему только вздохнул спокойно, когда я очутилось внутри. Очень мило с его стороны, мне кажется.

Лили посматривает на меня с каким-то странным незнакомым блеском в глазах, и мне даже кажется, что собирается что-то сказать, но в этот момент Джек заходит в комнату, и я пулей бегу в туалет. Я чищу зубы, причесываюсь, одеваю старые джинсы и огромный, удобный джемпер. Спускаюсь вниз к родным.

Обед — это настоящее удовольствие, и он всегда кажется таким, когда рядом сидят братья. Джек самый старший, поэтому он и взял на себя роль кормильца семьи, когда умер наш отец, я всегда бегу к нему, когда мне нужна помощь. Доминик — вспыльчивый, с взрывным характером, но имеет одну слабость — меня, при нем мне все сойдет с рук, даже убийство. Я всегда иду к нему, если в чем-то ужасно напортачила, потому что прекрасно понимаю, что он простит, всегда.

Шейн на год старше меня. Самый крутой из моих братьев, с ним я могу полностью расслабиться, поговорить на любые темы и делать все, что захочу. Кроме того, он самый красивый из братьев Иденов, плеядой семьи, если можно так выразиться. Он все время

окружен девушками. Когда мы идем куда-нибудь вместе, я вижу просто тонны ядовитых и завистливых взглядов женщин. Мне почти жаль ту женщину, с которой он соединиться в конце концов. Для нее это будет полным адом, чтобы быть рядом с таким мужчиной.

Шейн ловит мой взгляд и кладет свой нож как качели, поставив горох на край и мастерски отправляет его в мою сторону. Я открываю рот, ловлю и проглатываю.

— Вы оба, — мама сурово смотрит на Шейна. — Лейла уже не ребенок.

Мы оба начинаем неудержимо смеяться.

Мама поворачивается ко мне.

— Когда я была в твоём возрасте, я уже была замужем и имела четырех детей.

— Шейн начал первый, — отвечаю я.

— Так не должна вести себя леди. Ты хочешь, чтобы люди подумали, что я вырастила хулиганку? — спрашивает меня мама.

Я опускаю глаза.

— Оставь их, ма, — всегда галантный Доминик приходит мне на помощь. — Когда она жила в Милане, ты всегда причитала, что душа этой семьи ушла. Все наши блюда были отменными, но при этом пресными. Теперь Лейла вернулась, а ты запрещаешь ей проказничать. Она ведет себя здесь совсем по-другому, нежели, когда мы находимся на людях. Это наша семейная трапеза, пусть она будет в удовольствии.

Я смотрю на Доминика с удивлением, мама такое говорила, когда меня не было дома.

К моему удивлению Джек добавляет:

— Это правда, что мы чрезмерно балуем Лейлу, но она не становится от этой испорченной. Она знает, что хорошо, а что плохо. Она никогда не задирает нос, слишком великодушна. Она и мухи не обидит. Она не упрямая, не корыстная, не высокомерная и не стерва. Откровенно говоря, она заставляет меня гордиться ею.

— И она знает, как нужно ловить летящую горошину ртом, — добавляет Шейн с улыбкой.

Все смеются, даже мама улыбается.

Я оглядываюсь на всех сидящих за столом, и появившуюся в нашем доме Лили, и мое сердце наполняется любовью. В этот момент мне кажется, что я самый счастливый человек в мире.

— Как идут твои поиски работы, Медвежонок? — спрашивает Джек.

— У меня собеседование в среду. Держите за меня кулачки, — отвечаю я, посылая кусочек жареного картофеля в рот, чтобы не отвечать, если он вдруг надумает спросить, где будет проходить мое собеседование. Джек такой фрик, привыкший все контролировать, он на самом деле платил людям, жившим в квартире рядом с моей в Милане, чтобы те присматривали за мной, и чтобы он был уверен, что со мной все в порядке! Только Богу известно, что он предпримет, если я ему скажу, где будет проходить мое собеседование.

— Ммм... вкусно, ма, — говорю я, прожевывая.

Моя мама делает самый лучший жареный картофель. Ее секрет состоит из двух этапов. Она нарезает картошку и дает ей хорошо потомиться в сковороде с закрытой крышкой, потом когда картофель более менее готов, вываливает на горячий противень, намазанный гусиным жиром. Противень должен быть достаточно горячим, чтобы картофель зашипел. Результат: хрустящий снаружи, объемный внутри.

После обеда Джек и Лили предлагают отвезти меня в Лондон, я конечно быстро соглашаюсь.

Лейла

Мы едем приятно разговаривая, легко и спокойно, и когда Джек и Лили начинают обсуждать предстоящую свадьбу друга нашей семьи, на которую собираются пойти, я прокалываюсь.

— Ты хочешь пойти, Медвежонок? — спрашивает мой брат.

— А там будет Би Джей? — спрашиваю я вместо ответа.

Джек смотрит на меня в зеркало заднего вида и хмурится.

— Почему ты это спрашиваешь?

Я пожимаю молча плечами.

— Просто любопытно.

— Держись подальше от Би Джея, Лейла, — предупреждает он со сталью в голосе.

Я тут же спрашиваю:

— Почему? Мне казалось, что вражда закончена, и мы лучшие друзья с Пилкингтонами сейчас.

— Мы не лучшие друзья. Мы просто друзья, — поправляет он.

— Мама сказала, что он спас тебе жизнь.

— Да, и я буду вечно благодарен ему за это, но я не хочу видеть его рядом со своей сестрой. Он слетевший с катушек кобель, трахающий любую юбку.

— О, я не знала, — говорит Лили. — Думаю, что Би Джея можно приручить. Он конечно, немного зверь, но очень соблазнительный зверь, — говорит она, незаметно подмигивая мне.

Машина вдруг останавливается.

— Выходи из машины, ты, — говорит Джек Лили, еле слышным голосом.

Она вопросительно поднимает брови на него, потом переводит глаза в мою сторону, как бы спрашивая: *«Ты хочешь проделать это при сестре, которая сидит здесь?»*

— Я жду, — говорит он.

— Ты серьезно? — недоверчиво переспрашивает она.

Я с любопытством перевожу взгляд с одного на другого.

Джек не отвечает. Вместо этого он выходит из машины. Я совершенно ошеломленная наблюдаю за ним, как он подходит к двери Лили, открывает ее, берет ее за руку, помогая выйти, ведет ее за машину. Несколько минут я не оборачиваюсь, сидя совершенно ошеломленная, но потом, черт возьми, мне интересно. Я поворачиваю голову, и мой рот раскрывается от удивления.

Вау, Джек!

Лили в объятиях Джека, и он целует ее так... так словно последний раз. Господство и сила его объятий просто поражает. Я даже не могла никогда предположить, что он может быть таким ревнивым собственником. Я быстро поворачиваюсь назад, не желая, чтобы меня засекли, что я как полоумная пялилась на своего брата, который просто пожирал свою жену на обочине дороги. Меня не должно это волновать. Через несколько минут он сажает Лили обратно на пассажирское сиденье. Ее щеки стали ярко-красными. И я понимаю почему.

Он садится на свое место и поворачивается ко мне.

— Я тебя предупредил. Би Джей спас мне жизнь. Я у него в долгу, но если он дотронется хотя бы до волоса у тебя на голове, переломаю ему ноги, хотя мне на самом деле не хочется этого делать. Мы только что прекратили бессмысленную столетнюю вражду с Пилкингтонами. Если ты не хочешь, чтобы началась тотальная война между нашими семьями, держись от него подальше. Ты поняла меня?

Я медленно киваю.

— Хорошо. Он не единственный мужчина в мире, для тебя есть еще миллион хороших парней. Тебе не стоит выбирать себе наркодилера, — он делает паузу. — Он преступник, Лейла. Никогда не путайся с ним. Ты заслуживаешь лучшего, чем он. Гораздо лучшего.

— Ладно, — шепчу я.

Он поворачивается и заводит машину, оставшийся путь мы едем молча.

* * *

— Спасибо, что подвез, Джек. Пока, Лили, — говорю я, открывая дверцу машины.

— Без проблем. Я подожду, пока ты войдешь, — говорит Джек.

— Не нужно, Джек. Что может случиться со мной среди бела дня?

— Лейла, — он устало вздыхает.

— Хорошо, хорошо, — говорю я, выскользнув из машины и закрыв дверцу, поднимаюсь по ступенькам к своей двери. Я люблю свою семью очень сильно, но иногда своей опекой они просто душат меня. Я закрываю входную дверь и слышу, как машина Джека уезжает. В квартире тихо и уютно. Я подпрыгиваю на месте, как только раздастся телефонный звонок. Это Мэдисон.

— Привет, Мэдди. Как дела?

— По-старому, — говорит она. — Как прошла вчера вечеринка?

Я делаю глубокий вдох.

— Я целовала кого-то...

— Подождите минутку, — говорит она, и я слышу, как что-то хлопает и еще какие-то звуки. — Вот. Я вернулась.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Доставала мороженое из морозилки. Итак... кто, где, когда? — скороговоркой произносит она.

Итак, я конечно же рассказываю ей.

— Черт побери! — кричит она так громко, что я вынуждена отодвинуть трубку подальше от уха.

Я открываю дверцу морозилки и вытаскиваю пинту мороженого с шоколадной стружкой, снимаю крышку с него на гранитной столешнице.

— Ты издеваешься? — недоверчиво спрашивает она.

— Нет, — отвечаю я, доставая ложку из ящика, закрыв, двинув по нему бедром.

— Но ты ненавидишь его!

Я вздыхаю, плюхаюсь на стул и начинаю колоть ложкой по мороженому.

— Знаю.

— Что означает твое «знаю»? Это совершенно не похоже на чертову ненависть?

— Я не уверена, что готова продолжить что-то дальше... дальше, чем ужин.

— Лгунья, — обвиняет она.

Я кладу ложку в рот и мороженое начинает таять на языке. Мэдди права. В глубине души я знаю, что похоже ужином все не закончится.

— И что ты собираешься завтра надеть? — спрашивает она.

— Пока не знаю.

— Надень красное платье.

— Нет, оно летнее.

— Ты все равно долго его еще не наденешь.

— Даже если я решу дать ход нашим отношениям, я не собираюсь спать с ним завтра.

— Конечно, не собираешься. У тебя практически слюнки текут через телефон мне в ухо, — говорит она с набитым ртом.

Я зачерпываю еще мороженое.

— Спорим, что я не пересплю с ним завтра?

— Если уж говорить совершенно откровенно — я бы переспала с ним.

Моя ложка останавливается на полпути.

— Что?

— Тогда был бы по крайней мере не самый грустный день в моей жизни.

Я облизываю ложку.

— Правда?

— Да, он порочный плохиш, ураган, с прожигающим взглядом, как лазер.

Я ухмыляюсь. *«Порочный плохиш с прожигающим взглядом, как лазер»*. Вот одно из описаний Би Джея.

— И мне нравится, как сзади смотрится его задница в джинсах, — добавляет она.

Я смеюсь во все горло.

— О! И я подозреваю, что он будет очень хорош в постели. Такое впечатление, что он часто занимается перепихоном.

Мне не стоит беспокоиться по поводу ее замечания, но оно меня почему-то все же беспокоит. И это странно, после предупреждения Джека, я имею ввиду, даже если я пересплю с ним только один или два раза.

— Давай конкретней, что ты собираешься надеть?

— Нечто неброское. Может, белую блузку и темно-зеленые брюки.

— Разве не в этом, ты планировала пойти на собеседование?

— Нет, я надену черные брюки. Я не хочу, чтобы создавалось впечатление, что я шлюха.

Она смеется.

— Ты? Шлюха? Я тебя умоляю. У тебя же на лбу написано *«Неприкасаемая»*.

— Нет.

— Хорошо, я не совсем права. У тебя, черт побери, Не Трогай Или Я Вызову Полицию просто горит на лбу.

— Не преувеличивай, Мэдди, — вздыхаю я. — Вообще-то я немного запуталась.

— В чем? — требует она ответа.

— Думаю, разрывалась между волнением и паникой.

— Я еще могу понять волнение, но почему паника?

— Потому что понимаю, что это плохая идея.

— Почему?

— Ну, для начала Джек дал мне понять не в двусмысленных выражениях. Категорически не иметь с ним никаких дел, считай запрещено, причем заглавными буквами, иначе может вспыхнуть огромная семейная вражда. Джек на самом деле назвал его наркоторгером и преступником. И он говорил это не ради красного словца. Он действительно считает, что Би Джей криминальный авторитет.

— Хоооооорошо. Ты сказала это для начала. Каковы другие причины?

— У меня иногда складывается неприятное ощущение, что я стою на краю обрыва и собираюсь прыгнуть с Би Джейем. И с одной стороны это кажется соблазнительно разрушительным, но с другой поиском вечного блаженства.

— Подруга, только ты можешь простую бл*дь вещь превратить в драматическую.

15.

Лейла

Если девушка пройдет нагишом при свете полной луны вокруг поля или дома, и на каждом шагу будет бросать позади себя горсть соли, она встретит своего любимого, которого ждет.

Старинная цыганская ворожба

В тот момент, когда звонит Риа и спрашивает не хочу ли я пойти с ней на ужин в Pigeon's Pie, я уже знаю ответ. Я всегда соглашаюсь с ней, собственно так и делаю в этот раз. Мы договариваемся встретиться в баре в Ватерлоо, сначала выпить вина, а потом взять такси до Pigeon's Pie.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я приезжаю первой. Нервно заказываю бокал белого вина и сажусь за столик. Риа появляется, одетая в обтягивающий леопардовый топ и кожаные брюки. Она выглядит сексуально и беззаботно. Вдруг я начинаю жалеть, что не последовало совету Мэдди, и не оделась более смело. Мы выпиваем бокал вина и болтаем о своих знакомых, потом Риа смотрит на свои наручные часы.

— Мы должны идти. Мы же не хотим опоздать на ужин, — говорит она с улыбкой.

— Нет, не хотим опаздать, — соглашаюсь я нервно.

Такси высаживает нас через дорогу от Pigeon's Pie. Снаружи здание выглядит как старомодный паб, в котором имеются игровые автоматы, ковры, мебель из темного дерева и ужасная еда, существующая в пабе.

— Ты в порядке? — спрашивает она.

— Однозначно, — отвечаю я, проходя за ней через двойные двери. Внутри все именно так, как я и предполагала, за исключением, что здесь полно элегантно одетых, богатых людей.

— Пойдем, — говорит Риа и ведет меня в противоположную комнату. Она открывает деревянную дверь из двойных панелей, и, о Боже! Я словно переношусь в старый гангстерский фильм, с пресловутыми закулисными сомнительными сделками, которые совершаются в этом месте. Здесь даже имеется дверь черного входа, как бы предлагая совершить быстрый побег. Би Джей сидит за деревянным столом с полупустой пинтой Гинесса, стоящей перед ним.

Би Джей

Клянусь! Другой такой истинной красоты я не видел.

Уильям Шекспир, «Ромео и Джульетта»

Ох Лейла. Смотрю на нее — одета так, словно собирается на собеседование в банк. Розовая в белую полоску рубашка, идеально сшитая, почти мужской черный пиджак, и самый несексуальный предмет одежды, который я имел когда-либо несчастье видеть: темно-серая юбка до середины колена.

И все-таки, немного удивлен от того, какое облегчение испытываю, увидев ее. Какая-то часть моего мозга до сих пор не может свыкнуться с мыслью, что она пришла, причем по своей собственной воле. Я поднимаюсь на ноги.

— Привет Би Джей, — приветствует Риа с большой дружелюбной улыбкой.

— Привет, дикая кошечка, — легко отвечаю я.

Она мило надувает губки и тянется ко мне, чтобы поцеловать меня в щеку. В тот момент, как ее губы дотрагиваются до моей кожи, я перевожу взгляд на Лейлу. Она стоит, прикусив нижнюю губу. Черт побери! Какие великолепные у нее губы, и кое-что увеличивающееся на один дюйм у меня в штанах. Риа отрывается от меня с причмокиванием.

— Лейла, — я лениво окидываю ее взглядом. Господи! Я схожу с ума, желая ее.

У нее на щеках расплывается румянец, но голос по-прежнему мелодичный.

— Би Джей.

— Присаживайтесь, — приглашаю я. — Что вы, девочки, хотите выпить?

Официантка уже вошла в комнату и нервно ожидает моего знака у нас за спиной.

— Шампанское, — говорит Риа, аккуратно опускаясь в кресло напротив меня.

Я вопросительно поднимаю бровь, глядя на Лейлу.

— Ты тоже?

Она пожимает плечами.

— Хорошо, — соглашается она и опускается в кресло рядом с Риа.

— Принесите Болланже, — говорю официантке. *(Знаменитый дом был основан в 1829 году Жаком Болланже около Эперне и до сих пор сохраняет положение независимого семейного предприятия. Прямой потомок основателя, руководящий сегодня производство шампанского Bollinger, носит фамилию Монгольфье, принадлежавшую когда-то знаменитым братьям-воздухоплавателям.)*

Она кивает и несется к выходу, как будто я готов ее укусить. Я сажусь и вальяжно обхватываю свой стакан с пивом.

— У тебя работает еще Берти? — спрашивает Риа.

— Конечно. Она скорее умрет, чем уйдет от меня.

Глаза Лейлы становятся огромными.

Риа смеется.

— Да точно. Ты имеешь ввиду, что скорее умрешь ты, если она уйдет от тебя.

Риа поворачивается к Лейле.

— Берти была уборщицей во Флориде и приехала сюда проведать свою племянницу, которая встречалась с Би Джеем. Племянница пригласила его к себе домой, и Берти приготовила ужин, остальное уже история. Она потрясающая. Она единственная может совмещать комфорт американский с европейский кухни, использует мексиканские и азиатские рецепты. Ты не поверишь, насколько хорошо у нее получается. Трудно представить, но все эти богатые люди, способные позволить себе лучший ресторан в Лондоне, идут сюда, чтобы с удовольствием поесть у Берти уборщицы.

— Вау!

Лейла смотрит на меня.

— Но ты же предпочитаешь простую еду, не так ли?

— Тарелку с жареным цыпленком, и я буду считать себя самым счастливым человеком, — отвечаю я.

Риа смеется.

— Мне нравится приходить сюда.

Прибывает шампанское, официантка наполняет бокалы, девушки из вежливости делают по маленькому глоточку.

Раздается рингтон телефона. Лейла и Риа роются в своих сумочках. Риа смотрит на экран, хмурится, и говорит:

— Извините, но мне нужно ответить.

— Конечно, — говорит Лейла.

Я бесстрастно смотрю ей в глаза.

— О, нет, — восклицает Риа резко. — Не-е-ет. Правда? Ты хочешь, чтобы я приехала?

Я наблюдаю за Лейлой, которая с тревогой не сводит глаз с Риа.

— Не волнуйся. Я возьму такси. Буду через 20 минут. Нет, нет, конечно, нет. Нет, они не будут возражать.

Она заканчивает разговор и смотрит на меня, потом переводит взгляд на Лейлу.

— Мне очень жаль, но у моей подруги кое-что случилось. Я должна поддержать ее.

Надеюсь, вы не будете возражать?

Я отрицательно качаю головой.

Лейла ничего не говорит, просто уставившись во все глаза смотрит на Риа.

Риа поворачивается ко мне.

— Ты позаботишься, чтобы доставить Лейлу домой, не так ли?

— Конечно, я отвезу Лейлу, — отвечаю я.

16.

Лейла

Один уголок его рта приподнимается вверх, мне нравятся его губы. И его ответ, что он отвезет меня звучит, каким-то тягучим и сексуальным. Держу пари, что он точно сможет меня отвезти. Молча, я наблюдаю, как Риа быстрыми глотками выпивает свой бокал шампанского, с тоской взглянув на бутылку, встает и подходит ко мне. Я целую ее в обе щеки, дотрагиваясь до ее кожи своей щекой, она тоже самое потом проделывает с Би Джемом и уходит.

Я встречаюсь с его глазами.

— Нет никакой чрезвычайной ситуации, да?

Совершенно невозмутимо он ухмыляется.

— Конечно же, нет.

Я встаю.

Он смотрит на меня снизу-вверх. Его взгляд больше не ленивый, а мягкий. Он не мигая, яркими глазами с пронизательностью смотрит на меня.

— Ты повзрослела, Лейла. Тебе на самом деле не нужна сиделка, не так ли?

— Нет, но мне не нравится, когда мной манипулируют.

— Ты бы сама пришла ко мне?

Я делаю паузу.

— Не думаю.

— Ты хочешь, чтобы я позвонил и вернул Риа? — мягко интересуется он.

Я опускаю голову, потому что не уверена. Я же все равно уже здесь. Мой гнев абсолютно иррационален, вероятно, результат нервов.

— Присядь, — тихо говорит он. — Обещаю, что ты попробуешь самого лучшего жареного цыпленка, которого тебе когда-либо доводилось есть.

Я делаю глубокий вдох и снова опускаюсь в свое кресло. Он улыбается.

Все-таки есть что-то в этом мужчине.... Даже когда ему было 15, и я любыми средствами убеждала его, что он мне неприятен, он все равно устойчиво продолжал беззаботно пялиться на меня. Теперь же, когда он вырос и для меня является табу, его магнетизм манит неудержимо. Я хочу его. Я хочу его с такой силой, намного больше, чем хотела что-либо в своей жизни. Я хочу его так сильно, что испытываю даже боль где-то глубоко внутри себя.

— Ты голодна? — как бы между прочим спрашивает он, тоном совершенно не соответствующим, нежели говорят его глаза.

Мой здравый рассудок отключился, уйдя в подполье, видно не имея настроения болтать ни о чем или обжиматься друг с другом, или же есть. На самом деле, он хочет совершенно другого. И хочет он трахаться... с этим безмозглым членом невероятных размеров.

Я отрицательно качаю головой и опускаю глаза на его сексуальные губы, испытывая голод.

Он приподнимает бровь.

— Ты светишься сексом сейчас.

Мое дыхание становится быстрее.

— Ох, прости, что?

Его ноздри подрагивают.

— Ничего. У меня бешеный стояк на тебя.

Господи, он произнес это глубоким низким и сексуальным голосом. Странно, моя семья заставила меня поверить, что я сделана из сахара и пряностей, и ко всему прочему идеальна, а у меня оказывается присутствует внутренний зуд, который делает меня распутной и похотливой.

Я встаю и подхожу к двери, закрывая ее на замок.

Он поднимается.

— Подойди и покажи мне, насколько ты мокрая.

Я иду к нему. Находясь в трех шагах, я прыгаю на него, обхватив руками за шею, а ногами вокруг его бедер, мои влажные трусики трутся о его твердую выпуклость на джинсах.

Он подхватывает своими большими ладонями меня за задницу.

— Сейчас ты расскажешь, Принцесса.

Я медленно облизываю нижнюю губу.

Он стонет.

— Святое дерьмо, Лейла.

Наклоняюсь ближе к его уху, обдавая горячим дыханием.

— Как насчет жареного цыпленка?

— К черту жареного цыпленка.

Я смотрю на него из-под полу опущенных ресниц.

— Тогда, как насчет, чтобы уехать отсюда?

— Ты окажешься в моей постели, юная леди, — рычит он и по-прежнему удерживая мою мокрую киску, прижатую к своей бешеной эрекции. Мы выходим через черный вход, подпадаем в тусклый узкий коридор, освещенный только лампами аварийного освещения. Я крепко держу его за шею, соединив пальцы в замок, словно клещ висящий на шее огромного зверя.

Его тело такое теплое и от него исходит запах природы, то ли моря, когда оно штормит, то ли ночного леса. И пива, я чувствую тоже, этот запах. Я прижимаюсь щекой к его груди и

слышу, как быстро и громко стучит его сердце. Коридор приводит к другой двери черного входа, и мы выходим в холодную ночь.

Снежинки падают на щеки. Я тянусь вверх и слизываю одну. Его кожа горячая у меня под языком. Он незаметно наклоняется ближе ко мне, в глазах горит голод. Я смотрю на него, и у него выходит пар изо рта от дыхания.

— Когда я встречаю то, что хочу удержать, я никогда это не отпущу, — тихо говорит он. Я улыбаюсь.

Он приподнимает мою рубашку и кончиками пальцев проводит по животу.

Я содрогаюсь всем телом.

— Холодно, — но не отстраняюсь от него. Я не хочу, чтобы он убирал руки.

Он останавливается перед огромным, последней марки полно приводным монстром, больше похожим на грузовик, чем на машину. Он открывает пассажирскую дверь и усаживает меня внутрь, словно я вещь не больше ребенка. Закрывает дверь, садится на водительское место, включает двигатель, и мы мчимся по холодным улицам Лондона.

— Куда мы едем?

Он поворачивает ко мне голову, прежде чем вернуться к дороге.

— Тебя на самом деле это волнует?

Он прав. Не волнует. Мы молчим, не проронив ни слова, всю дорогу. Иногда я смотрю на него, но он исключительно наблюдает за движением на трассе, поэтому я вижу только его профиль с крепко сжатой челюстью. Когда я замечаю, как он мельком бросает на меня взгляды, его глаза поблескивают холодным светом, как у змеи.

Интересно, о чем он думает, но я не спрашиваю. У меня такое чувство, что мы намеревались это сделать всю нашу жизнь. Неприязнь была всего лишь временным прикрытием для вулкана страсти и похоти, который тлел в нас.

Мы останавливаемся перед его домом, он поворачивается ко мне. В свете уличного фонаря, его брови представляют прямую линию, под которой глаза кажутся бассейнами черноты. Шрам на лице, в отблеске света оживает. Би Джей самый пугающий и притягивающий, словно магнит, мужчина, с которым мне довелось познакомиться.

— У тебя есть последний шанс, чтобы отступить, — предупреждает он. Странные тени, ползущие от фонаря, делают все его тело каким-то скрюченным, напряженным, выжидающим. Его рот напряжен. Я никогда не видела его столь мрачным и таким натянутым, как пружина. И в этот момент я понимаю, что это один из тех моментов, когда у меня на руках оказались все карты. Именно мое решение изменит все и навсегда.

Мы оба знаем каким-то внутреннем чутьем, что это не продлится всего одну ночь. Назад пути уже не будет. И будет ужасный бардак, потому что другие попытаются вмешаться. И неизбежное расставание будет душераздирающим и убийственным. Моя семья будет злиться. Я стараюсь отгородиться мыслями от них, даже от лица Джека, которое стоит у меня пред глазами. *«Не соверши ошибки. Он преступник»*. Это парень только и занимается, что сексом. Я закрываю глаза — может это будет секрет. Это может быть наш секрет, никто не должен узнать об этом. Когда все перегорит, буду страдать только я.

— Нет, спасибо, — шепчу я.

Его тело расслабляется от облегчения. Он снова вернулся сюда, ко мне, кивнув.

— Слава Богу, — говорит он хрипло и даже торжественно. — Мои яйца ломит, словно их сжали в кулак. Мне необходимо всунуть мой член в твою маленькую горячую п**ду, как можно скорее.

Он открывает дверь с моей стороны, берет меня на руки и несет в свое логово. Я смотрю ему в лицо. Кто бы мог подумать?

Он и я.

17.

Лейла

Он пинает ногой дверь, которая захлопывается у него за спиной. В доме царит полумрак и его шаги раздаются эхом. Очевидно, он не часто пользуется этим домом. В одной из комнат горит лампа, от которой идет свет в коридор. Он несет меня вверх по лестнице, открывает дверь, и укладывает на огромную кровать. Молча, он подходит к камину и зажигает огонь. Отблеск от огня начинает танцевать на стенах, наполняя спальню тенями.

Он поворачивается ко мне со странным выражением на лице, словно до сих пор потрясен, что я нахожусь здесь, в его спальне. В нем появляется что-то животное, он словно волк, вышедший на охоту, пригнулся и напрягся, готовый прыгнуть на свою жертву. Я упиваюсь, глядя на него, полностью заигнотизированная его взглядом, насколько он кажется огромным, и с каким отчаянием я хочу его. Он пару секунд колеблется, решая стоит ли ему совершить следующий шаг, затем подходит ко мне, говоря:

— Поиграй сама с собой, пока не будешь мокрой и горячей.

— Я уже мокрая и горячая, — выдыхаю я.

— Я хочу увидеть, как с твоей киски стекают соки. Я хочу почувствовать твой запах даже отсюда. Можешь это сделать для меня?

От него исходит такой жар, словно от печки. Я чувствую его волны, которые словно окутывают меня, как туман. Не знаю почему, но не испытываю ни малейшей капли стеснения. Поднимаю юбку, чтобы он все видел, развожу в стороны ноги, медленно запускаю руку в трусики и начинаю кружить вокруг клитора. Я наблюдаю за ним и осознанно глубоко вставляю палец внутрь. Мои половые губы настолько набухли и налились похотью, что у меня вырывается стон, который звучит так низко и наполнен невероятной потребностью, что для меня это полное откровение.

Он неподвижно стоит, словно незнакомец, и жадно наблюдает за моими действиями. *Может это впервые с ним так ведет себя женщина, раскрыв вот так свои ноги перед ним?*

Я чувствую, как из меня сочиться влага, опять вырывается произвольный стон, ноги начинают дрожать. Я никогда не была настолько разгоряченной и такой мокрой.

— Покажи.

Я испытываю настолько сильное желание, что оно проходится болью по телу, словно у меня существуют синяки между ног. Я снимаю трусики, медленно скользя ими по ногам

вниз.

Он хватает меня за щиколотки и тянет к себе, развод их в разные стороны, опустив глаза на мою промежность. Ни один мужчина никогда в жизни не смотрел на меня так, как смотрит он, словно видит нечто самое прекрасное. Собственнически и с неподдельным страстным желанием. Захватывающе. Я чувствую себя опьяненной, такой же, как однажды у меня был порыв, и я курила позади сарая с велосипедами с Уиллоу и ее парнем. Напрягшиеся мускулы у него на плечах, говорят, насколько он старается не потерять контроль над собой.

Его взгляд поднимается выше, и наши взгляды встречаются. Его намеренно полуприкрытые глаза удерживают меня своей силой, и мне кажется это не соответствует его определению, что он бешеный кобель, готовый спариться с любой юбкой. Больше его взгляд напоминает, будто встретил медленно приближающуюся несомненно прекрасную мечту. Я так сильно хочу, чтобы он вошел в меня, что все мое тело чувствуется как единый нерв.

— Раздевайся, — рычит он.

Я поднимаю голову.

— И лифчик.

И моментально, даже не поняв, что происходит, я оказываюсь рядом с ним.

Схватив за талию, как будто я кукла и ничего не вешу, переворачивает меня к себе спиной. Слышу звук раскрываемой молнии, юбка скользит вниз у меня по ногам. Он переворачивает меня обратно на спину.

— Я хочу посмотреть, как ты играешь с сосками.

Яжимаю большим и указательным пальцами соски и начинаю крутить их. Его глаза расширяются.

Он становится на колени, копна черных волос падает ему на лоб. Я приподнимаюсь с кровати, потому что рука сама собой беспомощно тянется к нему. Я погружаю пальцы в его густые волосы. Он замирает, молчит, но от него исходит такая мощь. *«Мне нравится привязывать девочек и сосать их киски, пока они не закричат».*

— Заставь меня закричать, — шепчу я.

— Думал, ты никогда не попросишь, — говорит он и подсовывает ладони мне под ягодицы, словно превращая мою киску в некое блюдо, приближаясь к ней ртом. Он похож на настоящего зверя, готового меня сожрать. И его настолько мощная аура доминирования превращает меня в тряпичную куклу. Я начинаю усиленно течь, соки стекают по внутренней стороне ног. Он проходится своим горячим языком по складкам, слизывая все соки, углубляясь внутрь, дотрагиваясь до клитора, сверху-доницу.

Не осталось ни дюйма, который бы он не исследовал, поддразнивая и лаская. С одной стороны, потом с другой, вверх или вниз, нажимая здесь, посасывая, проводя и пощелкивая... моя киска горит огнем, у меня отключается разум, я начинаю извиваться всем телом и умоляю его дать мне освободиться.

Он сосет мой клитор и расплавленный жар его рта, вызывает шок для моего организма, все тело начинает дрожать и вибрировать. Я жестко кончаю, крича. Он даже не приподнимает голову, продолжая сосать мой болезненно-пульсирующий клитор, и волны оргазма идут и идут, унося меня все дальше. Сокращения мышц продолжают, не останавливаясь, пока у меня не начинает кружиться голова. Обнаженное, первобытное, жесткое — я никогда такого не испытывала.

— Вау, это потрясающе, — шепчу я, выходя из ступора.

— Хорошо. Потому что я готов трахнуть.

Он стягивает через голову футболку, я глазею в прямо смысле открыв рот. Срань Господня! Он весь покрыт татуировками. У моих братьев тоже есть татуировки, но не такие. Я затуманенными глазами рассматриваю их. Ангелы, демоны, рисунки, слова «Нет страха», чернилами выведены у него на груди. Он расстегивает ширинку и брюки падают на пол, потянув вниз боксеры, его член выскакивает наружу. У меня расширяются глаза. Мать моя родная! Это самый большой, агрессивный член, который я видела за всю свою жизнь. С выпирающими пульсирующими венами, он буквально дергается с агрессией, словно обладает силой животного.

— Так вот из-за чего все носятся, — говорю я с удивлением. Теперь я понимаю, почему он хотел, чтобы я была сильно мокрой.

— Не парься, дорогая. Просто раздвинь ноги чуть шире, — советует он, надевая презерватив.

С нетерпением я расставляю ноги, насколько могу. Он поднимает обе моих руки за голову и удерживает своей рукой за запястья. Глядя мне в глаза, он медленно погружает свою огромную эрекцию, заставляя мою киску вместить его. Он такой большой, что у меня невольно открывается рот в немом крике. Я никогда не занималась сексом, с черт побери, таким огромным членом.

— Черт, твою киска невероятно тугая, — рокошет он.

Я собираюсь что-то сказать, делаю вздох, и он использует эту возможность, толкнувшись еще глубже в меня.

О Боже. Да.

— Тебе нравится, иметь внутри себя большой член, Принцесса Лейла?

Уязвимая и полностью разоблаченная, я киваю в ответ.

Он снова толкается вперед, входя по самые яйца.

Я с шумом выдыхаю

— Ты взяла весь, хорошая девочка, — рычит он, опускаясь на сосок и кусая.

— Ты чертово животное, — восклицаю я, явно играя с огнем. Зверь внутри него берет верх. Он выходит и врзается в меня с такой силой, что моим груди подсакаивают вверх, тело дергается вперед. Я даже ощущаю, как сотрясаются кости, словно меня пробуравили чем-то, я задыхаюсь.

Он опять начинает вбиваться в меня, но на этот раз я уже подготовлена, и самое удивительное, мне это нравится.

— Это все на что ты способен? — хриплю я, сжимая внутренними мышцами великолепный член.

Это не так. Он превращает своими движениями мои внутренности в раскаленную лаву. Мой клитор снова оживает и начинает покалывать, объятый пламенем. В ловушке, находясь под этим гигантом, я черт побери, кончаю опять. Яростно, обхватив его ногами за талию, колотя пятками по заднице, и кричу, так орет сирена, а он продолжает вколачиваться, не снижая своего темпа.

Когда мой оргазм заканчивается, я поднимаю на него затуманенный взор. Его член находится глубоко внутри, и мне кажется, что я владею им. Он должен стать моим, потому что я испытываю настоящий шок, когда он внезапно вытаскивает его. Он отпускает мои руки и падает на спину на кровать.

— Поскачи на мне, — приказывает он.

Я даже не собираюсь задумываться, что он командует мной. Подползаю, с рвением опускаюсь на славную жесткую плоть, сжав мышцы вокруг его пульсирующего члена. Насаженная на его член, мое тело расслабляется от собственного удовольствия. Этот мужчина явно создан для меня. Я наклоняюсь чуть-чуть вперед, чтобы достигнуть равновесия и начинаю двигаться на его толстом члене. С каждым моим движением, его толчки становятся более жесткими, все глубже проникая в меня.

— Хорошо. Скачи жестче.

Он кончает, как бешеный бык, толкнув тело вверх и выгнувшись, запрокинув назад голову, рот открывается в оскале, глаза становятся остекленевшими и ничего не замечающими. Я продолжаю двигаться на нем, не снижая темпа. Он на мгновение замирает, кончает, не останавливаясь, и я замечаю как волнами, будто пар, понимается от наших обнаженных тел. Я трусь о него киской, испытывая беспокойство, мне не хочется, чтобы его член покидал мое тело.

— Ты хочешь большего, Принцесса?

— Да, — говорю я, но на самом деле, чувствую себя без сил и сонной.

Он обнимает меня и скатывает с себя, мы оба лежим на боку лицом друг к другу. Он медленно выходит из меня. Мои ноги затекли в этой позиции, и я со вздохом распрямляю их.

Он проводит пальцами по моим волосам.

— Такие шелковистые, — бормочет.

Глаза начинают слипаться, и я закрываю их на секунду, потом понимаю, что засыпаю, поэтому заставляю открыть и посмотреть на него. Удивительно, но он кажется полон сил.

— Тебе не хочется спать? — спрашиваю я.

— Неа. У меня высокий метаболизм, я утомляюсь медленно. На самом деле, я мало сплю. — Он снимает с себя презерватив, завязывает и бросает вниз к краю кровати.

— Правда? Это удивительно.

— Это не то, о чем ты думаешь. Я много ночей, когда уже все спят, брожу по округе, словно какое-то ночное существо.

— Поэтому называют тебя Летучей Мышью? Потому что ты по ночам бодрствуешь.

Он странно смотрит на меня, как будто решает, стоит мне говорить или нет.

— Нет, не поэтому.

Я приподнимаюсь, опираясь на локоть и с любопытством смотрю на него.

— А почему же?

Одним плавным движением он вскакивает на ноги и так же легко тянет меня к себе, поставив в вертикальное положение у кровати. Мы стоим лицом друг к другу.

— Потому что, когда мне было 15 я не знал, как научиться контролировать свой гнев, который оказывается может быть подвластен мне, поэтому стал жестоким и агрессивным. Я стал драться.

Он опускает подбородок на грудь, приподнимает плечи, сгибает руки в локтях, выставив кулаки, нанося удары в дюйме от боков моего тела. Кулаки рассекают воздух, только тепло исходящее от них, касается моей оголенной кожи, но у него насколько молниеносные движения руками, невозможно их даже попытаться избежать, если он будет драться с кем-то по-настоящему. Несколько секунд я чувствую себя совершенно дезориентированной, даже не сопротивляюсь, когда он хватает меня за плечи, пикируя на мои губы, а потом на шею. Он поднимает голову и смотрит мне в глаза.

— Я бился достаточно жестко, до крови. В конце каждого боя, мой рот всегда был

наполнен их кровью, а иногда даже я выплевывал куски их мяса.

Я застываю от шока.

— А почему ты был таким агрессивным?

Что-то мелькает у него в глазах, что-то, доставляющую ему очень сильную боль. Я испытываю шок еще и оттого, что впервые вижу его настолько уязвимым. И тогда его взгляд становится другим, отгороженным от меня. Он случайно открылся мне.

— Я привел тебя сюда не для разговоров. Ты здесь, чтобы трахаться и сосать мой х*й, — говорит он, упираясь мне на плечи и заставляя опуститься.

Я встаю на колени. Его член уже ужасно жесткий, но минуту назад я увидела что-то в его глазах, какую-то страшную боль.

— Красивый член. Я буду сосать с наслаждением, — отвечаю я нежно, подняв на него глаза.

Я наклоняюсь и облизываю гладкую головку. Он накручивает мои волосы на кулак, и трахает мой рот, как будто я проститутка, которую он подобрал на углу. Но я поняла, встав на колени, что напомнила ему о какой-то ужасной боли, видно очень ужасной, которую он прячет где-то глубоко в себе.

Он кончает мне в рот, даже не интересуясь можно ли.

Я понимаю. Он только что заставил меня покориться. Заставил проглотить его сперму. Он заявил на меня права. Я поднимаю на него глаза, мой рот все еще заполнен его не таким уже жестким членом. Мышцы у него на плечах бугрятся. Он вытаскивает член, приседает вниз на корточки, мы пристально смотрим в глаза друг другу. И я вдруг понимаю, что в этот момент что-то изменилось.

— Мне пора уходить, — говорю я.

— Останься на ночь.

— Я не могу. Доминик пригласил меня на завтрак.

— Прости, я не могу отпустить тебя вот так. Я еще не насытился тобой.

— У меня там все болит, Би Джей.

— Я знаю, — тихо говорит он хрипло. — Я не причиню тебе боль.

Я чувствую, как он подхватывает меня в воздух.

Кладет на спину на кровать, прижимает своим телом и целует мои веки. После этого, можно лишь сказать, что он начинает настоящее поклонение моему телу языком и губами. Он покрывает каждый дюйм поцелуями, сосет, лижет, щипает, прикусывает. Шею, руки, пальцы, ноги, пальцы ног, грудь, соски, живот, бедра, спину, задницу, и..., наконец, когда я дрожу от возбуждения — клитор.

Результатом столь пристального внимания к моему телу является оргазм, которого у меня никогда не было. Когда появляются перед глазами звезды, и кажется, что проваливаешься в небытие, или, возможно, даже в обморок. Недаром французы называют оргазм *la petite mort*, маленькая смерть. Это настолько сильное, ни с чем не сравнимое чувство, настолько мощное, что я испытываю такую меланхолию, что начинают катиться слезы.

Он с любопытством смотрит на них, наклоняет голову вперед, слизывая.

Этот жест настолько невинный, настолько чистосердечный, что заставляет меня почувствовать себя просто нереально. Для меня все такое сюрреалистическое, что мне кажется будто я смотрю на себя со стороны или сплю. А игра света от огня в камине, притягивает мой взгляд к его лицу. Я вижу его таким, каким он является на самом деле.

Совершенным плохишом, полу-человеком, полу-зверем, скрывающим своим страдания. И чувствую, как мне хочется уберечь его, как мать-медведица своих детенышей. Я никогда сознательно никому не причиняла вреда и боли. Но в этот момент, я понимаю, что я никогда не причиню ему боль. Мне нужно будет уберечь его от гнева моей семьи.

Я дотрагиваюсь до его шрама, и он вздрагивает.

— Как это произошло?

— Кто-то зацепил меня, — тихо отвечает он, но я понимаю, что этот кто-то был не простым человеком. Шрамы видно от этого до сих пор живы у него в сознании. И иногда, когда я смотрю на него, мне даже кажется, что и этот шрам у него на лице тоже живой.

— Шрам — это особая вещь, означающая, что ты был сильнее, чем те, кто пытался навредить тебе.

Его глаза расширяются. Он смотрит на меня в изумлении.

— Что? — спрашиваю я.

Он недоверчиво качает головой.

— Ты оказывается совсем другая, нежели я думал, какая ты на самом деле.

Я улыбаюсь.

— А какая ты думаешь я есть?

Он снова качает головой и отводит взгляд.

— Не такая, — он садится. — Ты голодна?

— На самом деле, да.

— Давай. Я покормлю тебя, а потом отвезу домой.

Мы быстро одеваемся, словно собираемся скрыться с места преступления. У меня возникает большое желание погладить его по щеке, заставить почувствовать себя лучше. Но что значит лучше? У нас ничего нет между нами, только секс. Между нами ничего не может быть, кроме тайной страсти. Он наблюдает за мной, ожидая терпеливо.

Я застегиваю юбку, потом рубашку, одеваю пиджак и надеваю туфли.

— Готово, — объявляю я.

* * *

Он привозит меня в китайский ресторан, один из мест, которое работает в течение всей ночи. Заказывает, по-моему, чуть ли не все меню.

— Ты действительно собираешься все это съесть?

— Я сжег сегодня очень много калорий за ночь, — говорит он с ухмылкой.

Нам практически сразу же начинают заставлять стол блюдами. Он заказал всевозможную разнообразную еду, но я уже чувствую себя объевшейся после курицы Kung Po и креветок с имбирем с половиной пиалы риса. На самом деле уже слишком поздно, чтобы есть такую пищу.

Чувствуя себя разморенной, насытившейся и счастливой, я опираюсь подбородком на руку и сонно наблюдаю, как он ест. В машине, зеваю и кладу голову на спинку подголовника. Он поворачивается ко мне.

— Поужинаем завтра?

— Я не могу. Мне нужно рано лечь спать, у меня собеседование в среду.

— Я позвоню тебе, и мы встретимся, чтобы пообедать, — предполагает он.

Чувство удовлетворения у меня исчезает.

— Давай лучше я позвоню тебе, — быстро прошу я.

— Зачем?

Я прикусываю губу.

— Джек не одобрит, если я буду с тобой встречаться.

Он отстраняется, мрачно посматривая на меня.

— Я не собираюсь прятаться ни за чью спину.

Я чувствую, что счастливые минуты закончились.

— Словами я попыталась как-то сгладить. Он пообещал тотальную войну.

Он проводит ладонью по волосам.

— Следует мне поговорить с ним.

— Нет, не надо. Пожалуйста. Нет. Будет лучше, если ты не будешь с ним разговаривать.

— Я не боюсь Джека, Лейла. Я буду драться с любым за то, что принадлежит мне.

Я смотрю на него в полном шоке, но вспышка потрясающей радости струится у меня по телу.

— Я — твоя?

— Да, бл*ть, моя. И я не сюсюкаюсь с теми, кто встает у меня на пути к моей женщине.

— Он предполагает, что ты наркоторговец и хочет кого-то лучшего для меня.

— И это слишком плохо. Я, в конце концов, не учу его жизни и как ему стоит жить.

Если я хочу тебя, и я бл*дь, получу.

— Может, если бы ты не был наркодилером, Джек не был бы уж столь категоричен против наших отношений?

Он смотрит на меня.

— Я делаю то, что делаю, потому это я и есть. Я делаю то, что знаю и умею. Я не собираюсь меняться ради Джека.

Я вздыхаю.

— Но, то что ты делаешь, опасно. Существует только вопрос времени, и в конечном итоге, ты окажешься за решеткой.

Он отрицательно качает головой.

— Ты должна доверять мне. Я имею дело только с классом В, приговор самый легкий, и я поставил дело таким образом, что товар никогда не проходит через мои руки. *(Наркотики класса В — Барбитураты, синтетический, лабораторно изготовляемый препарат, используется в клубах.)*

Мне вдруг становится тяжело и грустно на сердце. Джек прав. Что меня ожидает впереди с кем-то вроде него? Он не изменится.

Я опускаю голову.

— По любому то, что происходит у нас может быстро перегореть, и мы, наверное, зря только расстраиваемся.

Он хватает меня за подбородок.

— Ты не понимаешь. Мне совершенно наплевать на огорчение всех остальных. Ты моя, и чем скорее все это узнают, тем лучше.

— Не подталкивай меня, Би Джей. Я люблю свою семью, и я не хочу причинять им неприятности. Я скажу Джеку, когда придет время. Ты должен доверять мне, потому что я знаю своего брата гораздо лучше, чем ты.

Его челюсть сжата, жилка на шеи пульсирует.

— Не затягивай слишком надолго, или мне все придется взять в свои руки.

18.

Лейла

— Ты вообще спала ночью? — спрашивает Доминик.

Я виновато интересуюсь:

— А почему ты спрашиваешь? — главное правило обороны, это задать свой вопрос. Мы за дверью моей квартиры в слабых лучах утреннего солнца.

— У тебя всегда синие тени под глазами, когда ты не высыпаешься.

— О! Да, я не слишком хорошо спала ночью. Вероятно, из-за беспокойства по поводу предстоящего собеседования завтра, — лгу я.

— Если этот козел не предоставит тебе работу, просто дай мне знать, и я пошлю к нему пару ребят разгромить его офис.

Я косо смотрю на него, и он ухмыляется.

— Это может быть смешно, если такие слова исходят от Шейна. От тебя же они наводят страх, — говорю я, садясь в его новенькую БМВ 8.

Он смеется, и я присоединяюсь к нему. Мне нравится, когда Доминик смеется, у него тут же меняется выражение лица.

Внутри автомобиль наполненным запахом новой кожи и клубничным освежителем воздуха, который висит рядом с зеркалом заднего вида. Двигатель агрессивно ревет, и я откидываюсь на спинку, чтобы насладиться поездкой. Мой брат — сумасшедший водитель.

Он сообщает, что хочет попробовать блюда у нового шеф-повара, поэтому везет меня на завтрак в винный бар, который недавно купил. Мы едем на старый железнодорожный вокзал, который преобразован в сборище торговых точек. На крыше по-прежнему имеется металлический шпиль и платформы посередине. Он называется Станция Эплгейта. Декор представляет из себя что-то среднее между эклектикой и утонченно нарисованным фортепиано, французский фермерский дом с деревенскими аксессуарами, обои в виде ситца с павлинами, яркой листвой и темным деревянным полом. Общий эффект — непринужденный шик.

— Что ты будешь есть?

Он заказывает омлет с копченым лососем, я говорю официанту, что буду тоже самое.

Окружающие пугаются Доминика, потому что он обладает взрывным темпераментом, но я-то знаю, что он — единственный, кто может противостоять Джеку, если возникнет такая необходимость. Поэтому я решила очень и очень аккуратно прощупать почву.

— Вчера вечером я встречалась с Риа — говорю я, помешивая сахар в кофе, и испытывая настоящее любопытство. — В чем заключалась настоящая давнишняя вражда с

Пилкингтонами?

— Не знаю. И не думаю, что кто-то знает. Это было много веков назад. Все началось в какого несущественного вопроса и растянулась на поколения. Каждое последующее поколение ненавидело друг друга, даже не зная из-за чего.

— Понятно, поэтому сейчас мы дружим семьями?

Он делает глоток апельсинового сока и смотрит на меня поверх стакана.

— Я предполагаю, что да.

Мне следует быть очень и очень осторожной, потому что Доминик обладает горячей головой, но на самом деле он очень и очень умный. Он быстро может понять, чтобы к чему.

— Мы ведем какой-то бизнес с Пилкингтонами?

— На самом деле нет. Мы поделили наши сферы влияния, таким образом, чтобы не было никаких столкновений. Би Джей не претендует на наше, и мы не связываемся с ним.

— Тогда почему Джек и Би Джей устроили бой?

— Из-за недоразумения.

— Понятно, — я делаю паузу. — Технически нет никаких причин, из-за которых наши семьи не могут заниматься бизнесом или общаться?

— Технически? Нет, — его голос становится еще тише, а лицо выглядит настороженным.

— Думаю, вы проделали хорошую работу, достигнув такого результата. Красивого. Эх... а вот и еда.

Официант ставит на стол тарелки. После шквала вопросов, не желаем ли мы черного перца или что-нибудь еще выпить, мы наконец остаемся одни. Я поднимаю нож и вилку.

— Бон аппетит, — желаю я от всей души.

— Лейла, — произносит Доминик слишком тихо.

Я кладу вилку и нож на скатерть и медленно поднимаю на него глаза.

Он смотрит на меня с каким-то недоверием.

— С кем ты на самом деле была прошлой ночью?

Я прислоняю спину к яркой обивке из павлина и листьев мягкого кресла.

— Би Джеем, — спокойно признаюсь я.

Его рука обрушивается на стол, столовые приборы и тарелки подпрыгивают, и я от грохота удара подпрыгиваю тоже. Я никогда не видела Доминика, чтобы он так злился на меня.

Я непроизвольно прикрываю рот рукой.

— Бл*дь! — громогласно ругается он.

Я озадаченно смотрю на него, он прикрывает ладонью один глаз.

— Какого хрена, Лейла?

— Пожалуйста, — прошу я. — Пожалуйста, не говори Джеку.

При упоминании имени Джека, Доминик выдает следующие громкие проклятия. К счастью, бар еще не открыт для основных посетителей. Я могу только слышать, как персонал бара просто несется сюда со всех ног.

Я сижу молча, пока он не спрашивает:

— И как далеко зашли отношения?

— Я встречалась с ним всего лишь пару раз. Даже нельзя назвать отношениями, скорее это всего лишь секс.

— Не говори мне такое! Я все же твой брат.

— Прости, — быстро поправляюсь я.

— Би Джей! Почему? Почему ты из всех выбрала именно его? Он всего лишь хрен собачий. Он прошелся по всем женщинам в клубе Шейна, — Доминик смотрит на меня. — Трахнул каждую.

Я опускаю глаза, понимая, что должна испытывать стыд. Я должна быть уязвлена, что отдала себя мужчине, который совершенно очевидно является мужчиной-шлюхой, но я ничего такого почему-то не испытываю. И эта мысль придает мне внезапные силы. Я не собираюсь сидеть и разрешать своему брату обзывать Би Джея. У меня действительно что-то происходит с Би Джеем, и я хочу относиться лояльно к этому, чтобы это ни было. Я дотрагиваюсь до его руки, накрывая сверху. Он с яростью убирает свою руку.

— Он не такой, как ты думаешь.

У моего брата вырывается стон.

— Как ты можешь такое говорить? Он заставил тебя встречаться с ним у нас за спиной и врать! Бл*дь! Он смеется над нашей семьей. Мне казалось, что он более благороден, но сейчас я в этом не уверен!

Я краснею прямо до корней волос.

— Это не его вина. Он хотел встретиться с Джеком и объясниться, но я умоляла его не делать этого. Сейчас не совсем подходящее время. Джек так счастлив в данный момент. Меньше чем через месяц он станет отцом, и я не хочу портить ему этот момент.

Я вижу, как меняется выражение лица Доминика и продолжаю, используя преимущество.

— Кроме того, если Би Джей кобель, как ты говоришь, все закончится в ближайшие пару недель. Зачем тогда заставлять переживать и расстраивать Джека?

— Ты заслуживаешь лучшего, чем этот варвар, Лейла, — с грустью смотрит он на меня.

— Это всего лишь опыт, Дом. Я не собираюсь за него замуж или создавать с ним семью. Я уже выросла и просто расправляю крылья, желая жить своей жизнью.

— Если он, бл*дь, хотя бы попытается причинить тебе боль...

— Я не собираюсь испытывать боль. Я собираюсь смотреть на все широко раскрытыми глазами. Но если я даже получу от этого страдания, то все равно возьму себя в руки, сотру с себя пыль, и стану мудрее от этого опыта. Я не опозорю нашу семью.

— Я даю тебе время до рождения ребенка. Если ты все еще продолжишь расправлять свои крылья, я все равно поговорю с Джеком, — сурово отвечает он мне.

— Спасибо. Знаю, что для него это будет подобно смерти.

— По крайней мере это лучше из всего, твою мать, — отвечает он угрюмо.

Мы едим свой завтрак, но мое сообщение полностью испортило настроение Доминику, и когда он меня высаживает, я тоже не в настроении.

Поэтому звоню Би Джею.

Он отвечает на первый гудок, у него в голосе слышится напряженность.

— Привет. Все в порядке?

— Не очень. Я не задумываясь задала Дому несколько вопросов о вашей вражде, и он сразу же догадался, и мне пришлось ему все рассказать. Он отреагировал не очень хорошо, но пообещал не вмешиваться и ничего не говорить Джеку, пока я сама не буду готова.

— Хочешь пообедать?

— Да, но пойдём куда-нибудь, где нас никто не знает.

Ноги в чулках я кладу на торпеду машины, радио играет, и мы выезжаем из Лондона, направляясь в загородный дом Би Джея. За окном хлещет дождь не переставая, полностью ухудшая видимость. Я чувствую себя, словно в мыльном пузыре, окончательно потерянной. *Lost Frequencies* поет в полный голос.

— Это моя самая любимая песня на всем белом свете, — говорю я ему и поворачиваю кнопку на всю громкость.

Он улыбается.

Я покрасила губы красной помадой и чувствую себя счастливой. Это такое счастливое чувство, которое заставляет вас прыгать вверх до потолка. Кажется, что ты любишь весь мир и всех людей, потому что так счастлива.

Открываются автоматические ворота, и мы въезжаем в Silver Lee. Всего лишь два часа, но уже темнеет, поэтому везде горит уличное освещение. Би Джей открывает дверь, и я захожу внутрь.

— Никого нет?

— Нет, я попросил своего можордома, чтобы он устроил себе выходной до поздней ночи.

Я улыбаюсь.

— Итак мы совершенно одни?

— Не совсем. Кое-кто есть, я познакомлю тебя.

Я приподнимаю вопросительно брови.

— Он еще тот старый придурок и не любит людей, но очень важен для меня, так что позволь я познакомлю тебя с ним и посмотрим, как вы понравитесь друг другу.

— Хорошо.

Мы заходим в дом через витиеватые стеклянные фасадные двери. Снаружи настоящий ураган. Би Джей останавливается у двери в комнату.

— Он немного, даже не немного, сквернословит, — предупреждает он.

Затем открывает дверь и гнусавый голос визжит изнутри:

— Ты трахалась с ним? — я непроизвольно открываю рот от шока. Би Джей делает жест, обозначающий «только после вас». — Сука, тебе лучше иметь деньги. Сука лучше. Сука лучше. Заплати мне, что ты мне должен. — Я вхожу в комнату, но там никого нет. В комнате сидит всего лишь серый попугай на красной перекладине.

— Познакомься с Джереми Томасом, — говорит Би Джей, подходя к птице. Он подставляет руку. — Шагай, — говорит он, и птица перешагивает к нему на руку, наклонив голову на бок внимательно смотрит на меня.

— Сука.

Я смеюсь.

— Твоя птица только что обозвала меня сукой?

— Да, я забыл предупредить, он немного женоненавистник. Моя мать ненавидит его.

— Он тоже ее так называет?

— Боюсь, что да. Он принадлежал сутенеру с Ямайки, который был очень плохого мнения о женщинах и всегда просил денег.

— Дай Джереми орех. Дай Джереми орех, — щебечет птица.

— Что это за попугай?

— Серый африканский.

— И как он попал к тебе?

— Его владелец задолжал мне денег и был вынужден в спешке покинуть страну, так что мне пришлось забрать его.

Джереми агрессивно смотрит на меня и хлопает крыльями.

— Ты мокрый.

Я задыхаюсь.

Би Джей поворачивается ко мне и в его глазах светится смех.

— Это не то, что ты подумала. Он просто хочет помыться.

Я смеюсь.

— Печеньку.

Би Джей дает ему что-то из кармана, и попугай берет в лапы и начинает грысть.

— О Би Джей. Мне кажется он просто великолепен.

Би Джей довольно улыбается и не может на свете существовать ничего, чтобы затмило его улыбку. Я расплавляюсь и превращаюсь в лужу на том месте, где стою.

— Только Господу известно, почему я так переживаю за эту глупую птицу, — говорит он.

— Ты слабак, — говорит Джереми, и начинает смеяться таким же смехом, как и человек.

Это на самом деле смешно, поэтому мы оба смеемся.

— Поцелуй. Упс, плохая птичка. Укуси собаку. Плохой пес.

— Сколько ему лет?

— Не знаю, но старше тебя и меня. Может за 40.

— Вау. Он может летать?

— Дай мне денег, сука, — щебечет попугай.

— Да, может.

— Ты выносишь его на улицу?

— Раньше выносил, но, похоже, ему не очень нравится.

Я наблюдаю, как Джереми принимает ванну. Это очень мило и забавно, поэтому мы оба смеемся. Я смотрю на Би Джея с попугаем, и с трудом могу поверить, что это именно тот агрессивный монстр, участвующий в боях, которого видела на тайной самодельной арене.

Я предлагаю Джереми орех. Он выхватывает его у меня и быстро улетает прочь, щебеча:

— Где мои деньги, сука?

Я смеюсь и Би Джей хватает меня за талию. Я поднимаю на него глаза высокого и широкоплечего, и смех замирает у меня в горле.

— Пришло время, чтобы мой член оказался внутри тебя, — говорит он.

Я запрыгиваю на него, обернув ноги вокруг его бедер.

— Нести меня в свою постель и очаруй, — смело шепчу я.

Он поднимается со мной по лестнице, открывает дверь в спальню, именно в ту, где я получила свое наказание. Он ставит меня на ноги рядом с кроватью. Снаружи воет ветер, но в комнате абсолютно тихо. Я не слышу даже стука собственного сердца, единственно потрескивает огонь в камине.

Он целует меня, и когда отстраняется, я уже полностью обнаженная.

— Хитрый ход. Теперь покажи мне свой член, — хриплю я.

Он сбрасывает в сторону футболку и расстегивает брюки. Я упиваюсь тату на его загорелой коже, с трудом выпирающими бугрящимися мышцами и прослеживаю прямую дорожку из черных волос, уходящую вниз к промежности. Последний клочок одежды сползает на пол, и я задерживаю взгляд на его члене, который настойчиво мне кричит — съешь черт побери меня, можешь с черной икрой, или вишней в ликере и двумя шариками мороженого, или же меня одного, но только съешь.

Я люблю его бешенный член.

Я хватаю его за бедра и медленно опускаюсь вниз, беря его толстый член в рот. Он стонет от удовольствия. Жар его страсти перетекает ко мне по коже. Мне нравится сосать его. Я делаю также, как и все другие женщины, берущие его в рот, в своих воспоминаниях, которых у меня нет. Это всего лишь нерадивые призрачные мысли.

Снаружи бушует гроза. Небо становится молочно-белым, тени двигаются по комнате, но я не останавливаюсь. Каждый раз, как только он подходит к грани, я делаю паузу, изменяя свой ритм. Он шипит сквозь зубы от досады. Я понимаю его, поскольку мои игры раздражают. Но во всем этом присутствует что-то. Губы уже немеют от движений, но я не останавливаюсь, словно сосать его член — это старинная традиция, которая может принести несчастье, если я остановлюсь.

Но у него имеются другие мысли.

Он полный решимости наматывает мои волосы на кулак, чтобы я больше не могла устанавливать свои правила и начинает двигаться в своем собственном ритме, подводя себя к кульминации. Я чувствую соленый вкус его спермы, брызнувший мне в рот и резко отстраняю голову назад, брызги попадают на мое лицо, губы, подбородок и естественно его семя стекает вниз у меня по горлу. Нет ничего, чего бы он уже не проделывал с другими женщинами, что делает только со мной. Последняя капля опускается на мою кожу, я медленно слизываю его сперму с губ.

Он размазывает остальную по моему лицу, шеи и груди.

Затем толкает меня на спину и прижимается к моему мягкому телу своим стальным накаченным торсом, подминая под себя красиво, и входя, пока я выгибаюсь под ним, принимая. Ощущение волшебства. Мои бедра поднимаются. Мои внутренности чувствуются саднящими. Я с трудом дышу. Вскрикиваю. Затормаживаюсь. Его мышцы напрягаются от пульсации. Мы движемся вместе, слаженно скользя друг против друга. Я чувствую, как его член опять набухает внутри меня, мое дыхание становится затрудненным. Ни на секунду он не оставляет моих глаз, его взгляд тлеющий огонь, напряженный. Эта минута отправляет в цветные грезы, богатые как вино. Я вздыхаю от его нежных рук и бархатных губ.

Уже позже я надеваю его футболку, и мы пьем яблочное махито. Он смешит меня, и я весело заливаюсь смехом. Мы занимаемся сексом на полу. Потом мы опять пьем еще больше мохито и едим холодную курицу, и попкорн. Я чувствую себя замедленной, опьяненной.

— Ты готов еще трахаться? — спрашиваю я, растягивая гласные.

— Из Фукусимы произошла утечка радиации?

Я стягиваю его футболку, и волосы падают на мою голую спину, я ползу к нему через разложенную еду.

Он опускают свою загорелую руку на мое бледное обнаженное плечо.

Я толкаю его на пол и забираюсь на него сверху. Сильными руками он обхватывает меня за талию, чтобы удержать в более устойчивом положении, пока я опускаюсь на его член. Я знаю, что пьяная, поэтому движения разрозненные. Несмотря на это, мы быстро

кончаем. Я лежу на нем и слушаю как глухо стучит его сердца. Мне нравится, когда он находится у меня внутри.

— Я могу так заснуть, — шепчу я.

— Обопрись на руки и колени, женщина.

Несколько часов спустя, огонь потух, превратившись в угли и пепел. Я лежу усталая и дрожащая рядом с ним в темноте, тянусь рукой и дотрагиваюсь до него, жест одновременно вопросительный и трепетный. Мои глаза широко раскрыты и в них светиться что-то новое, знания, настолько сильные от произошедших эмоций, я никогда не была по-настоящему настолько живой.

— Мне пора уже возвращаться в Лондон.

Он поворачивается ко мне, выражение его лица кажется опьяненным то ли от спиртного, то ли от желания, которое светиться в его глазах.

— Еще нет. Я не закончил с тобой.

— Ах, — задыхаюсь я, когда мои соки брызгают ему в рот.

20.

Лейла

— Я получила работу, — кричу я в телефон.

Он смеется, мне так нравится, когда он смеется.

— Ты сейчас разговариваешь с дизайнером по интерьеру Vincent & Prestige's Studio's. Я начинаю свой первый дизайн-проект с отделкой задания в понедельник!

— Хочешь отпразднуем за обедом?

Я чувствую разочарование, подобно волне, окотившее меня с ног до головы.

— Я не могу. Я иду за покупками с моей невесткой за детскими вещами.

— Как поживает Лили?

— Она тихо психует, убеждая Джека, что ей следует рожать совершенно естественным путем в ванной. На самом деле она собиралась рожать без эпидуральной анестезии! Видимо, она будет сосать сахарные пилюли плацебо все это время. Я сказала ей, что она с прибабахом. Когда я буду рожать ребенка, то хочу быть в отключке. И я не имею в виду эпидуральную анестезию. Я имею в виду общий наркоз. Я не хочу ничего чувствовать! Ничего. Я хочу проснуться, и увидеть своего мужа, держащего розового ребенка чистого и завернутого в одеялко.

Молчание на другом конце провода настолько обволакивающее, что его можно спокойно намазать на кусок хлеба. Затем до меня наконец доходит, что я сказала и как это звучит со стороны. Полное сумасшествие говорить о детях после трех дней секса с ним. И

именно с ним игроком... да, даже в этой ситуации я не могу назвать его кобелем.

— Слава Богу, это будет через десять лет не раньше, прежде чем я буду находиться в этом положении, — мне становится страшно от стекающей как патока тишины на том конце провода.

— Мы должны отпраздновать твою новую работу, — совершенно спокойно говорит он. Я облегченно вздыхаю.

— Да, должны, я согласна.

— Куда ты хочешь пойти? — спрашивает он.

Я отвечаю даже не задумываясь.

— Silver Lee.

— Разве ты не хочешь сходить куда-нибудь? Это большое событие.

— Неа. Я до сих пор полностью не видела твой дом, помнишь об этом?

Двойной удар. Я слышу его нежелание, как наждачная бумага, проходящая по моей коже. Он не хочет показывать мне весь свой дом. Почему черт побери?

— Если ты не хочешь, тогда хорошо не надо. — Боже мой! Я становлюсь тряпкой.

Молчание, а потом он говорит:

— Все нормально. Я устрою тебе экскурсию по дому. Заберу тебя в 3:00?

— Хорошо, увидимся.

* * *

Я проскальзываю на пассажирское сиденье черной как уголь Aston Martin Би Джея, закрываю дверь и поворачиваюсь к нему. Ух ты! У него сексуальная трехдневная щетина, которая делает его угрюмым и задумчивым. Он медленно скользит по мне взглядом, таким темным, что от его глаз невозможно оторваться.

— Привет, — говорю я, затаив дыхание.

Он наклоняется и целует меня. Я могу сказать только одно — мужчина умеет целоваться. Какое-то мгновение мне хочется обвить его шею руками, запустить пальцы в его волосы, перелезть к нему на колени и потереться о его массивный член. У меня даже начинает покалывать кожу, голова гудит. Рука сама собой дотрагивается до его твердой груди.

— Что? — шепчу я, потому что он смотрит не отрываясь.

Его глаза с поволокой желания. Он проводит пальцем по моей нижней губе и движется дальше вниз по моей коже. Его голос опускается до хриплого шепота, который ласкает кожу.

— Ты так чертовски красива.

Я опускаю глаза, потому что испытываю жар и начинаю краснеть от мимолетного счастья.

Он приподнимает пальцем мой подбородок вверх.

— Тебе не говорили такое, твои мальчики, которые не боялись твоего брата?

У меня ухает что-то внизу живота.

— Думаешь, есть еще парни, которые не боятся моего брата, как ты?

— Поскольку я пока не на передовой, позволь мне сказать тебе, Лейла. Ты потрясающе бл*дь чертовски красива.

— Ты тоже не так уж плохо выглядишь, — застенчиво отвечаю я.

— Я? Я противная морда. Ты совсем другое дело. Ты на самом деле одурманивающая и

пьянящая.

— Это напоминает мне, что ты много знаешь о моем имени. Даже я думала, что Лейла по-арабски переводится как ночь.

— Я изучал это вопрос, Принцесса.

— Поэтому ты и купил булавку для галстука, на которой написана Лейла?

Он становится отстраненным.

Я хмурюсь.

— Что?

— Ничего, — он поворачивается и заводит двигатель. — Итак Лили настаивает на родах дома. И когда?

— Ну, — отвечаю, поудобнее усаживаясь на сиденье. — Ребенок должен появиться через три недели.

— И Джек согласился на домашние роды?

— Ах, ему естественно это совершенно не понравилось, но он решил осуществить тотальный контроль над этим капризом, поэтому договорился за бешенные деньги с лучшей акушеркой в Англии, которая после этого события сможет обеспечить и устроить прекрасную жизнь всей своей семье и 3 детям, но она должна жить у него в доме две недели до начала родов. Насколько я понимаю, бедная женщина будет фактически пленником до тех пор, пока не родится ребенок. Естественно, он также нанял целую бригаду медиков на случай, если возникнут какие-нибудь осложнения.

Он смеется.

— Это уже больше похоже на Джека, — потом он серьезно спрашивает:

— Когда ты собираешься рассказать ему о нас?

Теперь моя очередь стать серьезной.

— Я хочу сказать, но он выглядит таким счастливым сейчас. На самом деле, я никогда не видела его таким счастливым, и чтобы он столько смеялся. Ты можешь себе представить он поет своему ребенку?

Он поворачивается на миг, глядя на меня, удивленно приподняв брови.

— Я не хочу портить этот момент. Я скажу после того, как родиться ребенок, — я замолкаю на секунду. Потом, даже не знаю почему, возможно, чтобы испытать его, добавляю: — если мы по-прежнему будем вместе.

Его лицо никак не отреагировало на мое заявление, только руки сильнее сжали руль.

— Ладно, — жестко отвечает он. — Мы подождем до рождения ребенка, но, если я столкнусь с ним, и он прямо спросит меня об этом, я не буду лгать.

— Хорошо.

После этого мы говорим о разном, не касающемся непосредственно нас. Разговор течет легко и спокойной, и я много смеюсь, но в какой-то момент я ловлю себя на мысли, что Би Джей видит многие вещи в совершенно другом свете, нежели я. Гораздо драматичнее и более цинично. Он — полная противоположность мне во всех отношениях. У нас совершенно разные взгляды практически по всем важным аспектам жизни. Он не имеет привычки к чему-либо привязываться, то, что собственно делает большинство нормальных людей. Ну, к примеру, у него нет страницы на Facebook. Он считает, что все соцсети — это своего рода нарциссизм сошедших с ума мальчиков и девочек. Он считает, что там идет постоянный ничего не значащий треп, и иметь 865 друзей в интернете для него это смешно. И выкладывать, ожидая, когда он... вообще он никогда не делал селфи!

Он говорит, что нужно вернуться к основам церкви, когда кто-то начинает ему объяснять, откуда произошли негры и, что существование ку-клу-клана началось со времен Адама и Евы. Он считает, что людям не следует доверять, поскольку самые сильные человеческие черты — это жадность, ревность, зависть и жестокость, являются врожденными и даже проявляются уже активно у детей. Людей надо учить доброте, щедрости, терпению и заботе. Би Джей говорит, что эти черты настолько тонки в человеческой природе и как бы лежат тонким слоем в котле негативных эмоций.

— Так ты мне не доверяешь? — спрашиваю я кокетливо, но на самом деле мне очень интересно услышать его ответ.

Он бросает беглый взгляд на меня.

— Где твоя мама думает ты находишься сейчас?

— С Мэдди, — медленно говорю я.

— Я ответил на твой вопрос?

— У тебя нет никого, кому бы ты доверял?

— Джереми. Ему я доверяю.

— Это печально слышать, Би Джей.

Он небрежно пожимает плечами.

— Это твое право. Я считаю так, потому мне нравится.

— Би Джей, а твоя мать жива?

— Да.

— И ты не доверяешь своей матери?

— Не пойми меня неправильно. Я люблю свою маму, для нее я сделаю все, но она не дала мне повода доверять ей.

— Мой Бог. Какое детство у тебя было?

Он мельком смотрит в мою сторону.

— Не такое, как у тебя.

— Так ты никогда никому не доверял в жизни?

— Я доверял своему отцу.

— Почему?

— Потому что он всегда показывал свое истинное лицо. Все время я точно знал, кем он был, и чего мог от него ожидать.

Он сворачивает в Silver Lee. Заходим в дом, он молчит, но к моему удивлению обеденный стол накрыт для обеда, почти как в сказке. Как в «Красавица и Чудовище», когда ее отец находит заброшенный дворец с накрытым столом, достойным трапезы короля.

На столе же лежит записка. Би Джей берет ее и читает.

Я словно оказываюсь в фильме «Красавица и Чудовище», и мне кажется, что эта записка почему-то очень важна.

— Что там? — с любопытством спрашиваю я.

Он молча передает ее мне.

Высокий кувшин с мохито ожидает в холодильнике.

Марсель

Он смотрит на меня с сексуальной улыбкой на лице.

— Ну, что ты хочешь сделать в первую очередь? Поесть или потрахаться?

Если бы любой другой мужчина спросил меня подобным образом, я вlepила бы ему пощечину и назвала бы его грубым придурком. Но Би Джей потрясающий герой в фильме, в котором я — режиссер, продюсер и главная героиня.

И Мой Бог! Я хочу его.

— Трахаться, — отвечаю я полу прикрыв знойно глаза. Развернувшись, я начинаю идти вперед, скидывая с себя одежду. Темно-зеленый верх снимаю через голову, бросая на пол. Лифчик идет за ним же. Я оборачиваюсь, он следует за мной, сейчас собственнически смотрит на мою грудь. Желание прижаться своим обнаженным телом к его сильному и накаченному торсу, ударяет по мне как кулак.

Я лежу на длинном сиреневом диване и пытаюсь освободиться от юбки и трусиков. Я как в лихорадочном огне, мне настолько он необходим. Смело я широко развожу ноги. Он опускается на корточки передо мной и проводит руками по моим ногам, двигаясь к моим мокрым припухшим половым губам. Он точно знает, что мне необходимо, поэтому потирает плоть вокруг клитора. Его действия заставляют меня извиваться и хныкать.

Мне никогда не приходило в голову, что я могу когда-нибудь стать настолько дикой от мужчины.

Он опускает голову, и я трепещу от предвкушения почувствовать его язык. Вместо этого он дует, и теплый воздух как удар проходиться по моей киски.

— Аааааа, — хнычу я от изысканно-нежного ощущения, которое сродни, когда вы пьете хорошее вино и заедаете пастой из трюфелей, ощущая слабый земляной привкус маслянистой массы. Глаза сами закрываются, я хочу полностью насладиться этим ощущением. Его бархатный язык касается моего клитора, неожиданно и шокирующе жестко, я выгибаюсь, как лук. Он облизывает мою пульсирующую плоть, как котенок, глубже скользя пальцами внутрь, и неистово двигая ими. Мне становится жарко, выступает пот. Я хватаю его за волосы и обхватываю его огромное тело своими ногами, как он и научил меня.

— Пожалуйста, — всхлипываю я.

Он приподнимает голову и еще шире разводит мои ноги. Он встает и смотрит на меня сверху-вниз, лежащую перед ним с раскрытыми ногами, готовую его принять. У него отяжелели веки, он медленно начинает раздеваться, снимая брюки, и мой взгляд тут же мечется к жесткой стоящей выпуклости в его белых трусах. Большая головка уже выглядывает из резинки его нижнего белья. Он замирает. Я смотрю ему в глаза, и начинаю ужасно краснеть, чуть ли не всем телом, потому что он поймал меня с поличным, разглядывающей его с такой жадностью. Раньше я никогда не рассматривала с такой похотью мужчину. Никогда.

Он надевает презерватив, опирается на руки по обе стороны от меня, приподнимает мои ноги, с силой входит, продолжая вколачивать в бешеном темпе. Его движения лихорадочные и все его тело вибрирует, как под током. Я чувствую, что он не в состоянии больше сдерживаться. Он взрывается, перемешиваясь с моими соками, запрокинув голову назад, с тихим горловым рыком, идущим из самого нутра.

Его голова лежит у меня на груди, он нежно посасывает мой сосок, я полностью оцепеневшая от удовольствия. Он выходит, не отводя от меня взгляда, подводя меня к оргазму.

— Ты так красива, когда кончаешь, — шепчет он. Его лицо покраснелось, глаза черные, но светятся нежностью.

Позже мы едим, но у меня нет особого аппетита. Каждый раз, когда он смотрит на меня,

я ощущаю отсутствие одежды, и чувствую себя совершенно мокрой, и мне хочется вернуть его назад, почувствовать снова внутри себя.

Звонит Мэдди, прервав наше пожирание глазами друг друга, и говорит, что меня разыскивает мама. Я не слышала ее звонка, пока занималась сексом. Я кидаю взгляд на Би Джея, как всегда его лицо ничего не выражает. Он слушает, как я звоню маме и вру, где нахожусь и что делаю, поскольку сейчас не с Мэдди. Маме легко врать. Она не ожидает такого от меня. Я отключаюсь, и поднимаю на него глаза.

— Я принесу мохито, — говорит он и уходит. Странно. Он криминальная личность, но кажется самым честным из нас.

21.

Би Джей

Когда я возвращаюсь с махито, она сидит в нише высокого окна в моей футболке. Через окна в двенадцать футов высотой бледно-желтый свет зимнего вечернего солнца падает на ее прекрасные, густые волосы и скользит тенями по лицу, такое я видел только на картинах величайших голландских мастеров. Возможно, Рембрандта.

Завораживающее зрелище.

Она оборачивается и улыбается, ее улыбка почти сбивает меня с ног. Я имел бесчисленное количество женщин, красивых, ярких и сексуальных. Но она заставляет уйти их всех на второй план. Я ловлю себя на мысли — ужасающей, но прекрасной. Я больше никогда не смогу быть с другой женщиной, способной удовлетворить меня так же, как она.

Я подхожу к ней и протягиваю бокал. Она берет его обеими руками. Она — первая и единственная женщина, которая уговорила меня попробовать мохито. И теперь, бл*дь, оно мне нравится!

— Ты обещал мне экскурсию по дому, — со смехом произносит она. И это мне тоже нравится в ней. В ней есть что-то детское и настолько невинное. Я на самом деле не хочу показывать ей свою комнату с секс игрушками, но она встает и протягивает руку. Так, держа ее за руку, мы проходим весь дом, пока не добираемся до секс-комнаты. Я открываю дверь, она делает шаг внутрь, я дотрагиваюсь до выключателя, и диско шар начинает крутиться под потолком. Она тянется до выключателя рядом и голос *Kanye West's Gold Digger* заполняет комнату. Она молчит.

Черт. Бл*дь. Черт.

Наблюдая за ней, я вижу то, на что никогда не обращал раньше внимания. Я вижу, насколько это все ужасно, глупо, вульгарно, по-настоящему уродливо и постыдно в своем раболепии. О чем я думал, приведя ее сюда? Она слишком великолепна для этой безвкусицы.

Мне хочется тут же загородить ее и разрушить здесь все.

Медленно она поворачивается ко мне, и я клянусь, у меня перехватывает дыхание. Ее плечи приподнимаются, словно ей не хорошо, но рот почему не искажается в отвращении, а губы подрагивают. Будь я проклят. Она с трудом сдерживается, чтобы не рассмеяться! Я не знаю, что хуже — то ли, что ей следует думать, что это отвратительно, то ли, что это смешно.

— Пойдем отсюда, давай, — резко выдыхаю я.

Она хватается меня за руку.

— Нет, нет, мне кажется это здорово. Правда.

Я смотрю на нее с нескрываемым удивлением. Она что серьезно?

Она показывает рукой в сторону комнаты.

— Все это. Просто я никогда не видела такого раньше. Вот и все, — вдруг она серьезно продолжает:

— На самом деле мне следовало этого ожидать. Это же ты. Ты же говорил об этом, и здесь нет притворства. Нет никаких масок, которые мы надеваем в социуме. Здесь все так, как оно есть. Комната для секса. И попавшие сюда, увидев все это, точно понимают не сомневаясь, что ты хочешь получить от них.

Она проходит в комнату, идет к кровати и садится на краешек, поглаживая рядом с собой место, но как ни странно я не ощущаю восставшего своего члена. Вместо этого я чувствую себя совершенно ужасно до самого нутра, даже просто сидеть рядом с ней на кровати, для меня сейчас равносильно, будто я пытаюсь ее чем-то замарать.

Она снова постукивает по кровати рядом с собой и медленно улыбается.

Я подхожу и сажусь рядом, она перелезает мне на колени. Мой член забывает свои принципы и возвращается к жизни.

— Я подумываю демонтировать эту комнату, — говорю я.

— Почему? Мне нравится. Мы могли бы заниматься здесь смешным сексом.

— Смешным сексом?

Она показывает мне рукой на кровать.

— Ага, ну знаешь, типа, когда ты ударяешься головой о спинку кровати, это же смешно, а потом занимаешься сексом.

— Да?.

— У тебя *никогда* не было смешного секса? — спрашивает она недоверчиво.

— Не думаю, — и судя по ее описанию, я даже не собираюсь это пробовать.

Она наклоняет голову в сторону, и я чувствую, как что-то внутри меня начинает таять. Дерьмо, я сделан из стали, а эта женщина вяжет из меня узлы. Она пытается пощекотать мой живот, но я не боюсь щекотки. Ее пальцы передвигаются к моим подмышкам, я простожимаю плечами.

— Прости.

— Ты на самом деле не боишься щекотки?

Ее выражение неверия настолько очаровательно, что я начинаю хохотать.

— Вот, — говорит она смеясь и толкая меня на кровать. Она удерживает мое лицо в своих ладонях и начинает целовать. Ах, поцелуй. Не я целую ее, она целует меня. Мягко. Ее губы такие мягкие и сладкие, пахнут мохито, сладостью и Лейлой. Моей Лейлой.

Похоже, я попробую в конце концов смешной секс.

Какую часть ее тела я не попробовал еще? Мои руки постоянно пахнут ею.

22.

Лейла

— Поздравь меня. Я тетка, — возбужденно кричу я в трубку.

— Поздравляю. Как там новоиспеченная мать? — интересуется Би Джей.

— С ней все в порядке. А теперь спроси меня, как отец.

Он смеется.

— Как Джек?

— Психует. Ты бы его видел. Он настолько без ума от своего ребенка, что даже не позволяет никому взять ее на руки. Мне пришлось отпихивать его в сторону, чтобы просто взглянуть на нее.

— Итак все счастливы.

— Да, все очень счастливы. Я выслала тебе ее фотографию. У нее волосы на ушах, но мама сказала, что я тоже родилась с волосами на ушах, но потом они отвалились.

— Так у тебя до сих пор волосатые уши?

— Да ну тебя, я пошлю тебе фотографию, где она еще обмазана вся смазкой.

Он заливается.

— Лейла, — зовет меня мама.

— Мне надо идти, Мэдди, я позвоню позднее, хорошо? — весело говорю и быстро отключаюсь.

— Ты останешься на обед? — спрашивает мама. Она так счастлива, прямо вся светится, как в рождественское утро. Это ее первая внучка, и она молилась об этом с тех самых пор, как Джеку исполнился 21 год.

Я касаюсь ее руки.

— Скорее всего нет, мам. Мне завтра на работу. Я вернусь на выходные.

— Ты уезжаешь сейчас?

— Да, потом движение будет более напряженным.

— Хочешь, я сделаю тебе сэндвич перед тем, как ты уедешь?

— Нет, я попрощаюсь с Джеком и Лили, и поеду.

— Лилия спит, бедняжка измоталась.

— Все в порядке, мам. Я попрощаюсь с братом и своей племянницей.

— Загляни ко мне на кухню, прежде чем уйдешь. Я приготовила для тебя еду с собой.

— Хорошо, — говорю и бегу вверх по лестнице дома Джека. Я останавливаюсь в дверях детской, замираю при виде Джека, склонившегося над колыбелью Лилиан.

— Привет, — тихо говорю я, и он поднимает на меня глаза с нежным выражением на лице.

— Привет, — шепотом отвечает он.

Я подхожу к детской кровати. Он нежно проводит пальцем по щечке своей дочери.

— Поздравляю, Джек. Если не брать во внимание волосатые уши, она прекрасна.

Он смотрит на меня с огромной, глупой улыбкой на лице.

— Она прекрасна, конечно же.

Вдруг я испытываю огромную волну любви к своему брату. За все годы он никогда не имел ничего своего, лично для себя, у него не было ничего, что он мог бы точно назвать своим. Постоянно боролся за нас, и от этих мыслей с усилием прогоняю выступившие слезы.

Его глаза тут же напряженно сужаются.

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Все просто идеально.

Он согласно кивает.

— Ты собираешься вернуться в Лондон?

— Да. Сейчас не так уж много машин.

— Почему бы тебе не задержаться на немного, и тогда Шейн сможет отвезти тебя?

Я отрицательно качаю головой.

— Тогда тебе придется заморачиваться с моей машиной, чтобы как-то переправить ее ко мне.

Он хмурится.

— Это не проблема.

Я нежно улыбаюсь.

— Нет, это лишние хлопоты для тебя, я все равно вернусь на выходные.

— Тогда хорошо, будь осторожна.

— Буду.

В этом весь Джек. Даже в такой момент он беспокоиться обо мне. Я крепко обнимаю его и спускаюсь вниз на кухню. Мама наполняет пластиковыми контейнерами две сумки. Все контейнеры подписаны, чтобы я точно знала, что находится в них. Дом сидит за столом, поглощая внушительный бекон и сэндвич с колбасой.

— Ты уезжаешь? — спрашивает он меня.

— Да.

— Разве тебе не нужно сделать кое-что? — он кладет последний кусок сэндвича в рот и многозначительно смотрит на меня, приподняв брови.

Я краем глаза слежу за мамой, но она занята — моет руки.

— Я не собираюсь делать это сегодня. Я вернусь в эти выходные, тогда и сделаю.

Брат вытирает рот и встает.

— Я закончил. Увидимся за обедом, мам, — проходя мимо меня, он шепчет:

— Я не стал бы дожидаться выходных, на твоём месте.

Я смотрю ему вслед с тяжелым сердцем, как он покидает кухню.

— Положи это в холодильник и съешь сегодня, в крайнем случае завтра, — говорит мне мама. Я поворачиваюсь к ней лицом. — А то, что в другом пакете, ты можешь положить в холодильник и съесть в четверг или пятницу. Ты вернетесь же сюда в субботу, не так ли?

— Да. Спасибо, мам.

— Хочешь, я сделаю для Мэдди тоже торт? — спрашивает мама.

— Нет, с ней я поделюсь своим.

— Хорошо, — говорит она, направляясь в сторону холодильника.

— Мам, — зову я ее, опускаясь на стул.

— Что?

— Ты когда-нибудь думала, что так все обернется?

Она внимательно смотрит на меня.

— Никогда!

— А кем ты нас представляла?

— Не знаю. Я не смела даже о таком мечтать. Я думала, что мы всю жизнь будем бороться за выживание, — говорит она тихо.

— Ты правда ведь гордишься Джеком, не так ли?

Она замирает, и кажется какой-то замороженной, что даже не в состоянии произнести и слова, только лишь яростно кивает головой, все ее тело напряжено.

— Я тоже, — говорю я.

Она выходит на улицу вместе со мной, и начинает переживать по поводу, как я смогу добраться до дома. Я смотрю в заднее зеркало, выкруливая, она становится все меньше и меньше, и в животе у меня возникает ощущение холода. Когда я нахожусь уже достаточно далеко от дома Джека, останавливаюсь на обочине и звоню Би Джей.

— Что случилось? — тут же спрашивает он.

— Ох, Би Джей. Я не знаю, как смогу рассказать Джеку о нас, — у меня срывается голос.

Возникает напряженная пауза.

— Где ты сейчас? — спрашивает он напряженно.

— Примерно в миле от дома Джека.

— Послушай, я смогу быть в Silver Lee примерно через час. Ты могла бы приехать туда и подождать меня?

Все эти волнения по поводу новорожденного, никто и не заметит моего отсутствия, поэтому, наверное, я даже смогу переночевать у него там и очень рано уехать в Лондон.

— А как насчет Марсея?

— Я попрошу его уйти, оставив открытой французскую дверь для тебя.

— Ладно, увидимся через час, — говорю я.

— Лейла.

— Да.

— Мы все решим, хорошо.

— Хорошо.

— Би Джей.

— Да?

— Ничего. Я скажу, когда увижу тебя.

Я отключаюсь и тупо пялюсь на свой телефон. Мне кажется невозможным, что когда-то я могла думать, что мои отношения с Би Джеем никогда не изменяться. То, что я реально сказала Дому, что наши отношения просто секс и ничего больше, это далеко не просто секс. Мои чувства к нему становятся все сильнее и сильнее.

Я знаю, что нравлюсь Би Джею. Может даже сильно, но я также знаю, что не могу создавать свое будущее в одиночку. Он владеет клубами, где полно красивых женщин, которые постоянно вешаются ему на шею. Когда я не с ним, меня нервирует это, вызывая беспокойство. Всякие мысли мучают мою голову. Хотя мы не давали друг другу никаких обещаний, скорее наши отношения больше похожи на грязный маленький секрет. Мы никогда вместе не посещаем места, где нас могут узнать. Никто о нас не знает, даже Марсель никогда не видел меня. По крайней мере, с моей стороны знают Мэдди и Доминик. Теперь, когда Лили родила, я должна ей все рассказать и попросить у нее совета.

Со вздохом я опускаю телефон обратно в сумочку и завожу машину. Примерно через сорок минут я въезжаю в открытые настежь ворота Silver Lee. Сейчас начало весны и вдоль дороги до дома высажены нарциссы, которые смотрятся очень красиво. И взгляд на них почему-то заставляет меня грустить. Увижу ли я их в следующем году или через год? Я останавливаюсь и иду в сторону дома. Одна из французских дверей открыта, и я аккуратно проскальзываю внутрь, закрывая за собой.

Я понимаю, что Марсель забрал Джереми с собой, потому дом тихий, даже кажется молчаливым и абсолютно пустым без Би Джея. Мои каблуки громко стучат по полу. Я иду на кухню и открываю холодильник, улыбаюсь. Марсель опять сделал кувшин мохито, прежде чем ушел. Я наливаю себе бокал и направляюсь в большую открытую гостиную, сажусь на длинный сиреневый диван и люблюсь видом в окне.

Мне страшно становится от ужасного рева двигателя машины Би Джея через несколько минут. Я ставлю свой бокал на столик и иду к входной двери. Он открывает ее, и сталкивает со мной прямо перед ним. Эта секунда — редкость. Я никогда прежде не открывала ему входную дверь. Мне нравится, у меня тут же возникает чувство, что мы не обычная пара.

— Ты быстро добрался, — тихо говорю я.

Его глаза темные и ощупывают все мое тело.

— Я быстро ехал.

Я делаю к нему шаг, и он с силой притягивает меня к себе, целует.

— Заходи. Марсель сделал нам мохито, — говорю я, затаив дыхание.

Он смотрит на меня и кивает.

Мы молча идем на кухню, я наливаю ему бокал, и так же молча мы проходим в гостиную и садимся на диван, чокаемся.

— За тебя, за тетю, — говорит он.

Я улыбаюсь.

— И новорожденную.

— Да и за нее тоже, — добавляет он.

Мы оба делаем глоток. Он смотрит на меня поверх своего бокала.

— Моя несчастная Лейла, — говорит он тихо.

— Прости, что веду себя как ребенок, но не могу вынести мысли, что разочарую всех, особенно Джека.

— Он должен узнать, Лейла, рано или поздно. Мы не можем продолжать в том же духе.

— Я знаю, знаю. Я скажу, — я закрываю лицо руками. — Я не хочу, чтобы он возненавидел меня.

— Он не возненавидит тебя. Это твоя жизнь. На сколько я знаю, никто не мог встать между ним и Лили. Он не имеет права запрещать тебе встречаться с тем, с кем ты хочешь. Ты взрослая женщина.

— У меня такое чувство, будто я предаю его.

— Чем дольше ты будешь скрывать, тем хуже будет предательство.

— Может, я скажу ему после свадьбы Эллы. Ты ведь тоже идешь, не так ли?

Он ухмыляется.

— Исключительно, чтобы увидеть тебя.

Я краснею.

— Правда?

— Абсо-бл*дь-лютно.

— В таком случае, — говорю я, внезапно чувствуя себя полностью застенчивой и неуклюжей. — Я останусь у мамы на ночь, и тогда я все всем и расскажу.

— Ты хочешь, чтобы я был с тобой?

— Нет, — я дрожу от одной только мысли. — Однозначно нет.

— Хорошо, — мы оба молчим. Он делает глоток напитка. — Ты слышала историю о Лейле и Меджнуне из Низами?

Я отрицательно качаю головой.

— Это о спутнике принцессы, которая была выдана замуж своим отцом за другого, а не за того мужчину, который был отчаянно влюблен в нее. Все закончилось его безумием.

Я наклоняю голову вниз. Было бы все гораздо проще, если бы он не был криминалом.

23.

Би Джей

— Я так мало о тебе знаю, Би Джей, — жалуется Лейла, обхватив меня за талию и соединив руки в замок, откинув немного голову назад и поймав мой взгляд.

Боже, она чертовски сексуальна, я каждый раз хочу ее трахнуть, как только она рядом со мной. У нее есть десять минут, прежде чем я заполню ее милый рот своим членом.

— Что ты хочешь узнать, принцесса?

— Расскажи мне, почему ты стал преступником? — спрашивает она.

Я небрежно пожимаю плечами.

— А почему кто-то становится им?

Она смотрит на меня, прищурив свои красивые голубые глаза.

— Власть и уважение ребят, чтобы мужчины дрожали от страха, женщины падали к твоим ногам?

— Я пошел по стопам своего отца, Лейла, — говорю я. Воспоминая юного возраста кружатся у меня в голове. Он сидит на стуле, разминая выпирающие бицепсы рук, перед боем. Гремит во всю музыка, перед ним на столе стоят две пинты Гиннеса.

— Твоего отца? — тихо спрашивает она. — Он, должно быть, был большим оригиналом. Твоя мать показала мне свои свадебные фотографии, и он был очень красивым мужчиной. Было так приятно слышать, как она говорила о нем «залихватски фантастический очаровашка».

Я помню Ленни Пилкингтон совсем другим. Его очарование видно было задолго до того, когда я его хорошо узнал, мои молодые воспоминания наполнены могучий, сильным мужчиной, с приплюснутым носом боксера, пронизательным взглядом и звериным нравом. Неосознанно у меня напрягается челюсть.

— Что случилось? — хмурится Лейла.

Я сразу же блокирую свои воспоминания.

— Ничего.

Она с подозрением вглядывается в меня.

— Он заставил тебя стать преступником, Би Джей? — спрашивает она.

Я делаю более расслабленным свое выражение лица.

— Конечно, нет. Я отчаянно мечтал пойти по стопам отца и дяди. Думаю, я был впечатлен ими настолько, больше, чем роскошными автомобилями и их немыслимыми пикапами.

— Сколько тебе было лет, когда ты присоединился к ним?

— Одиннадцать!

Ее глаза становятся огромными, как блюдца.

— Одиннадцать? Я еще играла в куклы, когда мне было одиннадцать.

Кажется, столько уже прошло времени, но тот день, когда я сопровождал их на свою первую работу, настолько четко засел у меня в памяти, словно это было вчера.

— Ты же был еще ребенком. Что они заставляли тебя делать?

Мне становится смешно от ее воинствующего выражения.

— Расслабься. Я всего лишь должен был стоять за воротами завода и дважды ухать как сова, если вдруг случайно забредут копы, пока мой отец с двумя дядьями наполняли свои тележки металлоломом.

— Мне кажется, ты был слишком молод, чтобы вовлекать тебя в нечто подобное, — говорит она голосом полным неодобрения. В ее мире отцы защищают своих сыновей.

Странно, даже после стольких лет, я чувствую жгучую потребность защищать своего отца.

— По правде сказать, Лейла, это было просто охеренно. Впервые я испытал адреналин и острые ощущения, которые просто заставляли бурлить кровь.

— А что делали с металлоломом?

— Отвезли к дяде во двор.

— А потом?

— После этого мы поехали в местный паб. Был зимний вечер, и я сидел на скамейке, отморозил себе задницу, пока отец пошел и купил мне мою первую пинту пива. На вкус для меня, оно было ужасным, но я выпил все до дна. Я до сих пор помню, как засовывал, чтобы

согреть руки, под подмышки и в пьяном угаре, слушал их небылицы.

— Маленький гангстер быстро учился? — говорит она с грустью, опустив голову.

Я поднимаю ее подбородок и смотрю в глаза.

— Почему так грустно? Отец и дяди хорошо меня подготовили к жизни в теневом мире общества. Они научили меня видеть мир таким, каков он есть. Это же джунгли, где людей можно разделить на три категории: газели, львы и гиены.

Она смотрит на меня с любопытством.

— Газели являются едой для львов и гиен. Однако, вопреки устоявшему мнению, не гиена крадет у льва, а лев попытается вырвать из пасти гиены с таким трудом завоеванную добычу. В каждом месте, где доминирует лев, гиены охотятся стаями, используя свою хитрость... или могут все погибнуть.

— Я газель в твоём мире, Би Джей?

Я медленно качаю головой.

— Кто же я тогда? Объясни мне с точки зрения обитателя джунглей.

— Львы капитаны промышленности, банков, политики, землевладельцы. Они носят маски благородства. Обычное общество состоит из газелей. Они рождаются, трудятся всю жизнь, платят бесчисленные налоги, и выполняют другие повинности, подчиняясь их даже самым идиотским законам, и вся их жизнь направлена для откармливания хищников львов. Но мы цыгане, ты и я, совсем другие. Мы не гиены. Смирение и рабство не для нас. Мы всегда выживали и процветали на своих условиях, пользуясь нашими особыми талантами и умом.

— Сейчас, ты говоришь, в точности, как Джек. Он никогда не идет на поводу жадных банкиров и политиков.

— Это потому, что он видит эту иллюзию. И вот почему мы, цыгане, безостановочно кочуем на протяжении веков, никогда долго не задерживаясь на одном месте, чтобы окончательно пустить корни. Мы делали это испокон века, чтобы никто не мог подгонять, обвинять, воспитывать, приручать или поработить нас.

Она хмурится.

— Но твой отец отправил тебя в школу?

— Мой отец был очень проницательным человеком. Он понимал, что времена меняются, и нам потребуется вскоре так или иначе играть по их правилам. Он решил, что я буду первым, имеющим два образования, наше собственное и чужое. Так что к моменту, когда я закончил школу, я умел читать и писать, как любой обычный парень, но моя истинная специализация — числа. Я преуспел в них. Они давались мне очень легко.

Она улыбается впервые.

— Правда?

— Да. Я был так чертовски хорош, поскольку ходил за металлоломом, и менее чем через тридцать секунд выбирал все самое ценное. Я знал, куда надо идти и что конкретно брать, и главное сколько за это можно было получить.

— Тебя послушать, так это было так легко.

— Так и было. Деньги хлынули потоком. Мне было восемнадцать лет, когда я купил свой первый новенький автомобиль. Славный Астон Мартин, оплатив наличными, — тогда было время, когда никто не напрягался, если ты платил наличными. Даже сейчас я ощущаю прилив гордости, когда в те года ехал на красивой машине от привокзальной площади.

— Я хотела бы быть твоей девушкой тогда, — говорит она мягко, и прижимает лицо к

моей груди.

Я ей не скажу, что был момент в моей жизни, когда я попал в бизнес «травки», продавая травку как раз для газелей.

24.

Лейла

Я просыпаюсь в своей постели в доме моей матери. В доме тихо. Я тяну Грейстоуна с полки и зарываюсь лицом в его шерсть. Сегодня, я обещала Би Джею сообщить новость Джеку. И сегодня именно тот день, когда я открою Би Джею свою великую тайну. Тяжело вздохнув, я встаю с кровати и открываю дверь из спальни.

— Это ты, Лейла? — зовет мама из кухни.

— Доброе утро, — кричу я ей в ответ сверху лестницы.

— Почистишь зубы и спускайся завтракать. Машина будет здесь через час.

Даже мысль о завтраке вызывает у меня тошноту.

— Я не хочу завтракать, мам.

Я слышу ее шаги, она появляется внизу лестницы.

— Ты что, заболела? Почему ты не хочешь завтракать?

— Я просто не хочу, ма. Думаю, что нервничаю сегодня.

Мать хмурится.

— Нервничаешь сегодня? Почему? Ты была подружкой невесты кучу раз. К тому же, это твоя кузина Элла.

— Да, ты права.

— Тогда поторопись. Я готовлю тебе блинчики.

Я спускаюсь вниз. Мама ставит тарелку с двумя теплыми маслянистыми блинами передо мной. Кладу «Нутеллу» на один и не спеша ем. Он падает в живот, словно булыжник. Приезжает автомобиль, и я еду в дом своей кузины. К счастью, у нее дома такой переполох из-за свадьбы, что я быстро забываю о своих проблемах, превращаясь в подружку невесты. Девушки-цветочницы заставляют меня рассмеяться. Они явно переборщили с автозагаром и выглядят так, будто их обжарили, как чипсы на сковороде.

Наступило время Элле надеть свое свадебное платье. Это воздушное чудовище имеет умопомрачительную стоимость. Кристаллы Сваровски на корсаже и множества слоев юбка более восьми футов в диаметре. Кто-то прикрепляет фату ей на голову, и она поворачивается к нам с горящими глазами.

— Ты похожа на сказочную принцессу, — говорю я ей. Она действительно похожа на

нее.

— Я чувствую себя как Золушка, Спящая красавица и Белоснежка в одном лице, — с волнением отвечает она.

В этот момент я чувствую неловкость. Интересно, а я когда-нибудь буду такой же счастливой невестой? И сейчас мы прикрепляем ей 20-метровый шлейф, у нас уходит больше часа, чтобы потом усадить ее вместе с шлейфом в белый лимузин.

Каким-то образом мы все-таки успеваем вовремя в церковь.

Лишь позднее в церкви, я замечаю Би Джея. Он стоит в задних рядах в белой рубашке светло-сером пиджаке и черных брюках. Он не улыбается, и я тоже, но дыхание перехватывает. Я быстро отвожу взгляд от его соблазнительно опасных глаз.

Господи Иисусе. Я влюбилась в этого парня.

Свадьба движется без сучка и задоринки. Конечно, я не поймала букет невесты, хотя Элла намеренно целилась в мою сторону. Но откуда-то выскочила женщина, которую я не знаю, и поймала его прямо передо мной. От этого она казалась, такой радостной, что честно я не могла даже на нее рассердиться.

Потом, когда мы все фотографируемся, мне удается поймать Джека.

— Где Лили? — спрашиваю я.

Он говорит, что по китайской традиции, она не должна покидать дом целый месяц.

— Правда?

— Да, правда. Кроме того, она должна соблюдать специальную легкую диету — супы и рис. И существует целый список запрещенных продуктов: сырые фрукты, овощи, кофе, морепродукты и все холодное.

— Боже мой!

— Ты думаешь, это плохо? — спрашивает Джек. — Бедняжку даже не пускают купаться. Дозволено лишь протираться два раза в неделю мочалкой, пропитанной какими-то вонючими травами.

— Ну, она явно сделана из более крепкого материала, чем я, — говорю я.

Со вздохом Джек поясняет, что ее бабушка, «архигрозная» женщина гостит у них в доме, следя за всеми этими пытками. После собственного поцелуй Джека, который я видела, могу только представить, насколько счастлив он будет на тридцать первый день.

— Могу я поговорить с тобой потом дома? — как бы между прочим спрашиваю я.

— Что случилось?

— Ничего.

Он хмурится.

— Ты хочешь поговорить об этом сейчас?

— Нет, это точно может подождать.

Прием проходит в огромном банкетном зале, говорят много речей и тостов. Би Джей сидит за столиком немного подалеже от нас, Джек вместе со мной за одним столом, поэтому я даже не смею взглянуть в его сторону. Затем молодожены поднимаются на свой первый танец. Я поворачиваю голову к двери и замираю.

Лупо.

Он выглядит более загорелым, чем все, находящееся в этой комнате, и он во все глаза смотрит на меня. Я тихо поднимаюсь, насколько это возможно, и как бы невзначай двигаюсь к нему.

— Какого черта ты здесь делаешь? — с отчаянием шепчу я.

— Я пришел за тобой, Белла.

— Что?

— Теперь я понимаю, какую большую ошибку совершил, каким *stronzo* я был, поэтому пришел за тобой. Я люблю тебя, Лейла.

Мой рот раскрывается, и тут я вспоминаю, где нахожусь. Я хватаю его за руку и тащу по коридору, открываю первую попавшуюся дверь и вталкиваю туда. Комната немного меньше фойе, с красными ковровыми дорожками, рядами сложенных стульев и здесь стоит затхлый запах.

Я закрываю дверь, устанавливая некоторое расстояние между нами, и смотрю в его красивое лицо. Я не замечала этого раньше, но он очень похож на Энрике Иглесиаса. Но что действительно меня удивляет, что я ничего не чувствую к нему. Даже ярости. На самом деле, я в полном шоке, что когда-то решила лечь с ним в постель. Кроме его красивой внешности в нем нет ничего, у меня даже нет к нему сексуального влечения.

— Как ты меня нашел?

Он пожимает плечами.

— Спросил у твоей мамы?

— Ты пришел в дом к моей маме? — воплю я в ужасе.

— Конечно. Не волнуйся. Я сказал, что твой друг.

Я облегченно выдыхаю.

— Сожалею, что ты проделал такой длинный путь, но я не люблю тебя, — говорю я холодно. Мне нужно избавиться от него как можно скорее.

— Нет, ты так говоришь, потому что тебе все рассказала Габриэлла. Это неправда, ты же знаешь. Я никогда не был влюблен в нее.

— Я встретила другого.

— Кого? — гневно требует он ответа, выпятив вперед грудь, как боевой петух.

— Не все ли равно?

— Мне важно знать. Ты — моя девушка. Кто он?

Он делает шаг вперед и пытается обнять меня. Я отстраняюсь, но он притягивает с силой меня к себе.

— Отпусти меня, — говорю я стиснув зубы.

— Не будь такой недотрогой, — мурлычет он, наклоняясь ко мне вперед. Я как раз собираюсь врезать ему коленом по яйцам, когда дверь с треском открывается и появляется Би Джей, от него ярость исходит просто волнами. Его лицо одно грозное облако, глаза опасно прищурены, в них видна сталь. Желваки безумно подергиваются. Я никогда не видела его в таком состоянии, даже когда он дрался на ринге.

Он больше рычит, нежели раздельно говорит:

— Убери от нее руки.

Лупо съеживается от одного его взгляда, такое впечатление, что он готов упасть в обморок. Он переводит взгляд на меня, потом на Би Джея, тут же поднимает вверх руки и отступает от меня, причем быстро.

— Мне не нужны неприятности, — бормочет он. Что за трус!

Когда он проходит, вернее проскальзывает, мимо Би Джея, тот наклоняется к нему и совершенно спокойно, произносит:

— Никогда не возвращайся.

Дверь закрывается, и мы смотрим друг на друга. Затем он подходит и притягивает меня

к себе, обнимая своими сильными руками.

— Что, черт побери, моя женщина делает с этим бесхребетным мудаком?

Я смотрю на него снизу-вверх, чувствуя агрессию, исходящую от него.

— Он мой бывший.

Я запускаю пальцы ему в волосы, приподнимаюсь на цыпочках, осторожно дотрагиваюсь своими губами до его. Его рука скользит по моему телу и его губы накрывают мои. Поцелуй собственнический, агрессивный, страстный. Я так потерялась в нем, что даже не слышала, как открылась дверь, и голос Джека, как кнут, стиганул по нам.

— Какого хера?

Я отстраняюсь от губ Би Джея, находясь все еще в его объятиях, поворачиваюсь в сторону Джека. Он смотрит на меня с недоумением. Я чувствую, как кровь отхлынула у меня от лица, открываю рот...

— Отойди от него, — отчетливо говорит он, глядя на Би Джея с убийственной яростью.

Секунду у меня мелькает мысль — не подчиняться, но я знаю, что нуждаюсь в нем, как в союзнике. Я быстро сжимаю руку Би Джею и отодвигаюсь.

— Я хочу все объяснить...

Но события начинают разворачиваться с такой скоростью, что я даже упустила момент, как это все произошло. Только что Джек стоял в коридоре, и вдруг он уже подлетел к Би Джею. Я так потрясена, чтобы мой брат атаковал его, что даже не могу закричать. Несколько секунд я молча стою и наблюдаю, как Джек пытается достать ударами рукой Би Джея, который не сопротивляется, просто пытается увернуться. Первые два удара прошли мимо, но третий — Би Джей дергается, пошатываясь назад, и опрокидывает за собой стол. Куча искусственных цветов со стеклянной вазой падают на пол. Цветы разлетаются, и их вид почему-то приводит меня в чувство.

— Прекрати. Остановись, — кричу я.

Но ни один из мужчин не останавливается. Я бегу к ним, но они, увидев меня рычат, чтобы я держалась подальше.

— Я беременна, — кричу я. — Я беременна.

От шока они оба замирают.

Тогда весь ад просто вырывается на свободу.

25.

Лейла

— Ты, бл*дь, сумасшедший сукин сын. Ты даже не использовал презерватив, бл*дь! Это моя сестра, ты еб***ый пес, — ревет Джек и делает жесткий свинг ногой. Би Джей все еще

ошеломленный моим заявлением и от удара Джека, падает спиной на кучу сложенных стульев, которые начинают валить на пол, и он же вместе с ними.

Оба мужчины находятся теперь на полу. Джек вцепился Би Джею в горло, пытаясь его задушить. Я испытываю такую панику, доходящую до ужаса, поэтому с криками несусь к ним и падаю на колени рядом.

— Пожалуйста, Джек, — отчаянно прошу, тщетно пытаюсь отцепить его руки от горла Би Джея. — Пожалуйста. Пожалуйста, не надо. Я люблю его, — умоляю я.

Би Джей недоверчиво смотрит на меня. Джек вздрагивает всем телом, но руки по-прежнему держит на горле Би Джея.

Я начинаю рыдать.

— Он единственный для меня. Если ты любишь меня, пожалуйста, пожалуйста, умоляю тебя отпусти его.

Вдруг Би Джей сипит:

— Что ты собираешься делать? Убить меня? Ты не можешь контролировать все в этом мире. Я хотел поговорить с тобой как мужчина с женщиной, но факт остается фактом, твоя сестра уже выросла, и она хотела сказать тебе все сама. Но поскольку ты не дал ей такой возможности, вот так все и получилось. Я, бл*ть, люблю ее. Я люблю ее с четырнадцати лет.

Я обхватываю свое лицо ладонями и недоверчиво смотрю на Би Джея. Джек убирает руки, поднимается, его грудь вздымается. Он холодно смотрит на Би Джея.

— Если ты заставишь пролить ее хоть одну слезинку, клянусь, я заставлю тебя плакать кровавыми слезами. А потом убью.

Багровая струйка течет по рассеченной губе Би Джея. Он вытирает ее тыльной стороной руки, его рубашка уже запачкана кровью.

— Я не заставлю, — четко отвечает он.

Джек встает на ноги, поправляет одежду и вздыхает. Кажется, он побежден, смотрит на меня печально. Знаю, он хотел лучшего для меня.

— Ты придешь сегодня вечером ко мне домой на обед?

Не в силах говорить, я киваю. Джек уходит, тихо закрыв за собой дверь, я подскакиваю к Би Джею.

Касаюсь припухлости на его челюсти, наверное, будет синяк.

— О, мой Бог. Это, наверное, больно, как ад.

— Пока ничего не чувствую, слишком на взводе.

— Прости меня, Би Джей. Это второй раз, когда из-за меня ударили тебя по лицу.

— В третий, — мягко поправляет он.

Я хмурюсь.

— Третий?

— Первый раз, когда я сражался с Джеком. Он сильный боец, но я обучался этому, а он нет. Я бы с ним справился, но не вышло.

Я помню, что мне пришлось закрыть глаза от жестокости, с какой он победил Молот Дьявола.

— Почему?

— Почему не Бэтмен убил Джокера?

— Не знаю. Почему?

— Я не великодушен и не герой, когда выпиваю пару банок крепкого портера и позволяю себе биться свободно, а не глупо. Это из-за тебя. В основе моего не сопротивления

был корыстный интерес. Я не хочу побеждать твоего брата, Лейла, превращая его в неумолимого врага. Иногда, ваш сегодняшний соперник становится вашим завтрашним соратником. Я хотел, чтобы мы были на равных. Уверен, я нравлюсь Джеку, но я не собираюсь из кожи лезть, или как-то маневрировать, чтобы подстроиться под него.

В шоке от его признания, я сижу сложа руки и смотрю на него.

— Ты действительно сказал правду Джеку, что любишь меня?

Он со свистом выдыхает.

— Люблю тебя? Ты как сотни фотовспышек, Лейла. Ты ослепляешь меня своей красотой. И так всегда было. С тех самых пор, когда ты пришла в церковь со своими братьями, одетые в старые бабушкины занавески, которые пожертвовали в благотворительный магазин. Мама усмехалась, но мое сердце раздувалось от гордости, когда я смотрел на тебя. Просто понимая, что существует такая красота в этом мире. Я пытался бороться с этим. Я даже притворялся самому себе, что ты избалованная принцесса. Все эти годы, — он покачал головой. — Какой-то непостижимый тип женщины. Но никто и близко не мог сравниться с тобой. Мое сердце принадлежало тебе.

Я чувствую себя почти в полной эйфории.

— Так вот почему ты хранишь булавку для галстука с именем «Лейла».

Он краснеет.

— Да я купил ее, когда мне стукнуло 15. Однажды, я пообещал себе, что пойду к алтарю с этой девушкой, и тогда надену ее. Но потом ты упала, и когда я подошел, чтобы помочь тебе подняться, ты обращалась со мной, как будто я кусок собачьего дерьма. Я понял, что ты для меня слишком далека. И я попытался убить любовь в своем сердце. Вернее, я думал, что убил, но просто обманывал себя все это время.

— Я люблю тебя, Би Джей, — шепчу я.

Он тяжело сглатывает.

— Это не смертельный приговор, — слабо шучу я.

Он смотрит на меня сверху своего роста.

— Ты не понимаешь. Я думал, ты никогда этого не скажешь. Я думал.... Ты даже не представляешь, сколько я ждал, чтобы услышать твои слова, — хрипло бормочет он мне на ухо, его голос странно вибрирует.

И вдруг я вижу что-то очень дорогое в этом прекрасном мужчине.

— Я люблю тебя так сильно, что могу умереть, — тихо говорю я.

Он поднимает голову, его темные глаза сверкают.

— Скажи еще раз, — просит он.

— Я люблю тебя так сильно, что могу умереть.

— Еще.

На этот раз эти слова полились из меня, как река, ломая плотину.

Он становится опять серьезным.

— Ты говорила правду? О беременности? Или, чтобы остановить Джека вышибать дерьмо из меня? — спрашивает он непринужденно, но я его уже хорошо знаю. Все его тело напряжено, словно пружина.

Я радостно улыбаюсь.

— Вчера вечером текст на беременность показал окрашенную полоску, так что мы внесли свой вклад в мировую проблему перенаселения.

Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Черт побери, женщина. Просто ты не можешь действовать как жена твоего брата, вручившая ему детские пинетки, вместо этого выплескиваешь все это чувственное душещипательное дерьмо, как есть в этой ситуации, — хрипит он.

Я оглядываюсь, замечаю свою сумочку, валяющуюся в нескольких метрах, и иду к ней. Достая маленькую коробочку с детской обувью и тычу ею ему в грудь.

— Открой, — торжественно восклицаю я.

Для меня наступает шок, потому что слезы наполняют его глаза.

Я чувствую, что мои глаза тоже начинают пощипывать.

— Господи, Би Джей. Если бы я знала, что могу так легко заставить тебя заплакать, я бы забеременела раньше.

— Я ненавижу клише, но, черт возьми, Лейла. Это лучший день в моей чертовой жизни, — он усмехается, и просто вижу, как счастье бурлит в нем. Вдруг, он хватает меня за талию и поднимает высоко вверх, насколько могут дотянуться его руки, кружась. Я знаю, почему он так делает, потому что я рассказала ему о Лили и как у них все было.

Я начинаю смеяться.

— У меня начинает кружиться голова.

— Я знаю, — смеется он. — Таков план. Ты всегда тихая, когда тебя кружат.

— Почему бы тебе не воспользоваться своим обычным способом? — поддразниваю я его.

Он ставит меня на ноги.

— Я приберег его напоследок, — говорит он и накрывает мой рот.

Когда он отрывается от моих губ, внутри у меня все тает.

— Мы собираемся править миром, не так ли? — мечтательно спрашивая я.

Он ухмыляется.

— Однозначно. Я буду королем, а ты будешь моя королева.

— И мы будем сидеть на золотых тронах.

Он дотрагивается до моего лица.

— О, Лейла. Ты словно мечта, в которую я даже не смел верить.

Я не могу перестать улыбаться.

— Я всегда хотела быть мечтой, но никто не решался на это.

— Я думаю, тебе придется выйти за меня замуж, причем довольно-таки быстро, не так ли?

— Это твое предложение, Би Джей Пилкингтон?

— Нет, я сделаю все правильно позже, когда буду между твоих ног.

— Боже мой!

— Давай. Давай выбираться отсюда.

— Да, давай, — говорю я пьяная от любви. Не в силах поверить, что этот ужасный день так закончился. Я так нервничала, собираясь все рассказать Джеку о Би Джене и сказать Би Джене о беременности. Но теперь все просто встало на свои места самым странным образом. Я знаю, что Джек *поменяет мнение*. Би Джей радуется, что у нас будет ребенок. И все разрешилось просто идеально.

Около 8:00 вечера я добираюсь до дома Джека. Все окна освещены, и в одном из верхних окон я вижу силуэт бабушки Лили, держащую свою племянницу на руках. Нервничая, я иду на кухню в надежде поговорить с мамой. Шейн сидит, положив ноги на стул, и ест клубнику.

— Привет, Медвежонок, — говорит он, облизывая ложку.

— Хорошо, ты как раз к обеду, — говорит мама, не отрываясь от шинковки овощей.

— А почему от есть десерт перед обедом? — спрашиваю я.

— Потому что я не останусь, — говорит Шейн.

— Шейн, мне нужно поговорить с мамой, — многозначительно говорю я ему.

— Не обращай на меня внимания, — отвечает он, не сходя со своего стула.

Моя мать поднимает на меня глаза.

— Что ты хочешь сообщить своей матери? Что у тебя есть мужчина.

Я смотрю на нее в шоке.

— Да. А откуда ты знаешь?

— Ты думаешь, что я дура, Лейла?

— Будь я проклят, — говорит Шейн, улыбаясь и хлопая себя по бедру. — Кто этот бедолага?

— Конечно, знаю, — говорит мама. — Ты вся в мечтах уже целый месяц. Я ходила к Квини, и она сказала, что он хороший мальчик. Один из наших. И я терпеливо ждала, когда ты мне сообщишь об этом. Присаживайся.

Ошеломленно и приятно удивленная, как легко все получается, я сажусь и сообщаю, что это Би Джей.

— Что? Би Джей! — возмущенно восклицает Шейн. — Черт, Лейла, он самый худший мужчина-шлюха во всей Англии и Шотландии.

— Это ты так говоришь, — цыкнула я на брата, с тревогой поглядывая на маму.

Но выражение мамы осталось прежним.

— Билли Джо — хороший человек, — защищает она его. — Он будет хорош для тебя. Он всегда питал к тебе слабость.

— Ты знала, что он питал ко мне слабость? — растерянно спрашиваю я.

— Конечно. Это было видно за версту. Он так пристально смотрел на тебя в церкви, я думала, что у него просто вылезут глаза из орбит.

Я улыбаюсь. Кстати моя мама явно преувеличивает, думая, что я какой-то необычайной красоты.

— Правда?

— Он и половина парней в церкви, — добавляет Шейн.

— Да, у бедного Джека всегда были заняты руки, раздавая тумаки за их грязные взгляды, — говорит мама.

— Так ты думаешь, что я сделала хороший выбор? — счастливая спрашиваю я у мамы.

— Я, бл*дь, так не думаю, — отвечает Шейн.

Но мама непоколебима в своих убеждениях.

— Я думаю, да. Но Джека тебе придется убеждать. Он в библиотеке. Пойди и поговори с ним перед обедом.

— Э-э, ма. Я хочу кое-что сказать тебе еще.

Она перестает шинковать овощи. Ее рот раскрывается.

— Ох, Лейла. Ты не...

Я прикусываю губу.

— Да.

— Что? — спрашивает с замешательством Шейн, переводя взгляд от меня к маме и обратно на меня. — Ты что?

— Я беременна.

Глаза Шейна увеличиваются.

— Бедный Би Джей!

— Иди сюда, — говорит мать. Она упорно борется со слезами.

Я присаживаюсь рядом с ней. Я вижу все мелкие морщинки, избородившие ее лицо. Мама стареет. Сама мысль меня тревожит. Я не хочу, чтобы моя мать старела. Я не хочу ее потерять. Она берет мое лицо между своими натруженными ладонями и целует меня в лоб.

— Моя мать была права. Всегда от безумной любви залетают. Всегда хорошие девочки. Сколько уже недель?

— Только около четырех.

Она кивает.

— Прости, мам.

Она убирает руки от моего лица.

— Не горюй. Он хороший мальчик. Он сделает все как надо для тебя. Сейчас пойди и поговори с братом.

Я целую руки мамы.

— Я люблю тебя, ма.

— Я тоже люблю тебя, Лейла, — говорит она и в ее глазах все еще стоят слезы.

Уходя, я бью Шейна по плечу.

— Ты видела, что она сделала? — слышу я, как он спрашивает маму.

Я не слышу ее ответа, поскольку иду по коридору и нервно стучу в дверь.

— Входи, Лейла, — говорит Джек.

Глубоко вздохнув, я вхожу. Мой брат сидит за столом. Он откидывается на спинку кресла и бесстрастно смотрит на меня.

— Послушай, прежде всего хочу извиниться, что я не сказала тебе раньше, но ты был взволнован и счастлив рождением Лилианы, что я просто не хотела тебе портить праздник.

Джек кивает.

— Так ты в него влюбилась?

— Да. Очень сильно.

Он вздыхает.

— Я хотел лучшего для тебя.

— Я знаю, что ты делал все для этого, но он моя судьба, как Лили для тебя.

— Я понял. Все сказано и сделано, но он торгует наркотиками, Лейла. Он совершит когда-нибудь ошибку и сядет в тюрьму. Готова ли ты к этому?

— Нет.

— Тогда используй его большую любовь к тебе, чтобы он отошел от этого. Это не значит, что он останется ни с чем, у него и так достаточно много денег, он даже не знает, что с ними делать. У него имеются клубы и пабы, и другая собственность.

Я продвинулась к нему ближе. Джек прав. Би Джей станет отцом, ему не следует заниматься наркобизнесом.

— Сейчас это лучшая возможность, Лейла. Прежде чем вы поженитесь, выстави свои условия. Ты скоро станешь матерью. Подумай о своих детях.

— Хорошо, я подумаю.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива. Ты знаешь это, не так ли?

Я обхожу его стол и прижимаюсь к его щеке.

— Я знаю. Я не хотела послушаться тебя, но так случилось.

Он грустно улыбается.

— Просто помни, что бы ни случилось, ты всегда можешь прийти ко мне.

— Спасибо.

— Сколько у тебя недель?

— Четыре.

— Ты рада?

— Это все так прекрасно, я не могла запланировать это лучше.

Он ухмыляется.

— Я горжусь тобой, Лейла.

Я улыбаюсь.

— Ты можешь в это поверить? Я стану мамой.

— Ты будешь хорошей матерью, Лейла. Я чувствую это нутром.

Все от меня, любовь вся от тебя

27.

Лейла

Ki shan i Romani — Adoi san' i chov'hani.

Известно, что где бы не были цыгане, там есть ворожеи.

Я сцепляю руки в замок и направляю свой взгляд на его лицо.

— Би Джей, что будет со мной и нашим ребенком, если с тобой что-нибудь случится? И ты попадешься полиции.

— Меня не поймают. Я сказал тебе, через мои руки ничего не проходит.

— Нет такой вещи как никогда. Всегда найдутся люди, готовые тебя предать, чтобы спасти свою шкуру или какая-нибудь ошибка, или завистливая подруга.

Его лицо скрывает все эмоции.

— Что ты хочешь мне сказать, Лейла?

— Я хочу, чтобы ты прекратил. Я хочу, чтобы ты прекратил этим заниматься, потому что если этого не будет, я никогда не буду чувствовать себя в безопасности.

— Это то, что я есть, Лейла.

— Нет, это не то, что ты есть. Это то, что ты делаешь.

Он закрывает лицо руками, проводя по волосам.

— А если я скажу, что не могу прекратить? Ты оставишь меня?

Я опускаю голову, потому что не хочу, чтобы он увидел насколько задета его словами и разочарована. Если бы он попросил что-то у меня и это было бы важно для него, я бы горы свернула, чтобы это сделать. Это означает, что все его слова пустые и бессмысленные. Он не любит меня, по крайней мере, не так, как я.

— Ну так как? — спрашивает он.

Я пытаюсь принять спокойное выражение, и скрыть свою боль, поднимаю на него глаза.

— Нет, — тихо говорю я. — Я не оставлю тебя.

— А что, если я скажу, что предпринял некоторые шаги, чтобы выйти из этого бизнеса?

Я даже не могу в это поверить.

— Предпринял?

Он кивает.

— Разве ты не поняла? Я все для тебя сделаю. Все, что угодно.

Радость, которую я испытываю, наверное, сродни встряске, как от молнии, кожу начинает покалывать, и тело хочет подпрыгивать от радости и танцевать.

— Ты не представляешь, насколько меня расстроил твой ответ, что ты не можешь этого сделать.

— Хорошо, — говорит он и смеется, и мне кажется, что сейчас самое лучшее время

сообщить некоторые новости.

— Кстати, — говорю я совершенно небрежно, насколько могу, — Джек хочет, чтобы мы совершили свадебную церемонию.

— Бл*ть, что?

Я киваю, пытаюсь не засмеяться.

— Ты правильно все расслышал.

— Тебе лучше со мной с этим не шутить...

Я медленно отрицательно качаю головой, не смея даже открыть рот, поскольку однозначно рассмеюсь.

— Параноидальный ублюдок.

У меня смех прорывается наружу.

— Тебе это кажется смешным, не так ли? — обвиняет он меня.

— Мне тоже придется выпить отвара, знаешь ли.

— Так над чем ты смеешься, тогда?

— Видел бы ты свое лицо.

— Когда он хочет, чтобы прошла эта церемония?

— Завтра вечером. В полнолуние, как раз хорошее время для ворожбы.

— Ох, ради всего святого. Я не верю в это дерьмо. Он заставил Лили пройти этот обряд?

— Именно это, я тоже спросила у него.

— И что он сказал?

— Он сказал, что Лили не его сестра, но если бы она была его сестрой, он однозначно настоял бы на этом.

Он качает головой в изумлении.

— Позволь мне уяснить, правильно ли я понимаю. Мы садимся в круг и даем обеты друг другу перед ворожеей.

— И выпиваем зелье.

Его глаза подозрительно сужаются.

— Что за зелье?

Я прикусываю нижнюю губу.

— Думаю, что наш рецепт состоит из оболочки легкого животного, безусловно печень, животный жир и, наверное, соль. Это обычно используют для любовных чар, чтобы гарантировать длительность отношений.

Он складывает руки на груди.

— Хорошо, если тебе это нравится и тебя это устраивает, то меня тоже.

Я смеюсь.

— На самом деле, Джек сказал, что поскольку я беременна мне нужно всего лишь сделать один очень маленький глоток. Это его дословные слова. Тебе придется выпить большую часть этого зелья.

— Я так и знал, — раздражается он. — Это, чтобы наказать меня, не так ли?

Я умираю, чтобы не засмеяться.

— Немного.

— Другие мужчины устраивают мальчишник с бухлом и стриптизершами, подальше чтобы быть от твоего брата, а я получаю вот это!

— Мы можем заказать стриптизерш на церемонию, если ты хочешь?

— Ты находишь все это забавным, не так ли, мисс Иден?

И я больше не могу сдерживать смех, Би Джей тоже начинает хохотать. Когда мы останавливаемся, он смотрит мне в глаза и говорит вполне серьезно:

— Джек даже не догадывается, что я готов пройтись по раскаленным углям ради тебя. Выпить любую отраву из жира, печени и легких, и мог бы делать это каждый день всю оставшуюся жизнь, если это важно для тебя.

— Я люблю тебя, Би Джей Пилкингтон. Я действительно на самом деле очень сильно люблю тебя.

— Кстати, они могут добавить туда твои использованные трусики? Тогда отраву из легких, печени и жира станет более приемлемой.

— Ах, ты отвратителен, мистер Пилкингтон, — ругаюсь я, смеясь, поскольку без ума от этого мужчины, мне хочется его уложить между двумя кусочками хлеба и съесть на обед.

* * *

Несмотря на то, что Джек по дороге на свадебную церемонию все время сердито поглядывает на нас, она оказалась совсем другой, более существенной, чем я представляла. Когда-нибудь я расскажу своим внукам об этом. Мать Би Джея дала мне старинную шаль, а моя мама — золотую цепочку с кулоном из сапфира.

Ночь холодная, и мы тепло одеваемся. Луна такая яркая, как фонарь в небе, пока мы едем в лес и идем на поляну.

Цыганка-ворожея уже ждет нас.

Только Богу известно, где ее отыскал Джек. Она словно появилась из прошлого, прямо из фильма «Макбет». Сгорбившись под старой черной накидкой, ее лицо в лунном свете выглядит испещренным глубокими морщинами, и кожа покрыта темными пигментными пятнами. Волосы отливают серебром и на удивление густые. Один глаз полностью белый, покрытый катарактой, другой иссиня-черный и смотрит с какой-то животной бдительностью, за ухом у нее торчит красная роза.

Она худенькая и все ее тело вызывают сострадание, но ее движения отличаются напористостью и решимостью, как у дикого кабана. Когда она вытаскивает худую костлявую руку из темных складок плаща, я вижу, что каждый ее палец унизан большим замысловатым кольцом с древними символами, вырезанными на камнях.

Она говорит Би Джею и мне разуться, надевает талис нам на головы, приказывает сесть, по-турецки внутрь круга, который обрисовывает мелом. Затем приседает на низкий четырехногий табурет и кладет рядом с собой — перья, веер, ракушки, красную и черную свечи, которые зажигает и накрывает стеклянным колпаком. Она раскатывает длинную полоску ткани, связывая концы на наших запястьях.

— Готовы? — каркает она.

Мы киваем.

Она начинает приглашать и приветствовать духов-помощников и духов наших умерших близких. Она смотрит прямо на меня. В ее темных, бездомных глазах присутствует что-то колдовское и таинственное, они завораживают. У меня такое впечатление, что я смотрю в глаза древней мистической кошки, которой подвластно время и вечность. Мой дух переплетается с ней в какой-то невидимый возвышенный танец.

— Думай о всех тех, кто покинул вас, и они придут.

Я думаю об отце и призываю его к себе.

Ее черные глаза снова устремляются на меня.

— Это всегда как предсказание и неопределимость, — говорит она интригующе.

Затем она начинает петь на языке, которого я не понимаю, жалобно, как будто зовет потерянную любовь. Ее голос эхом разносится по ночи. Затем она поджигает сладкие травы и предлагает рис тем духам, которые пришли, чтобы присутствовать на церемонии.

Би Джей и я обмениваемся браслетами, скрученными из жгута друг с другом, потом начинаем произносить наши обеты верности и преданности. Сначала Би Джей. При свете свечей он читает клятвы, которые мы выбрали с ним вместе.

— Я, Билли Джо Пилкингтон, и как жизнь связана с моей кровью, любовью, что живет в моем сердце, беру тебя Лейлу Иден, в свои руки, сердце и мой дух, который выбрал тебя. Желая тебя и будучи желанный тобой. Владеть и обладать тобою без греха или стыда, ибо ничто не может сравниться с чистотой моей любви к тебе. Я обещаю любить тебя целиком и полностью, в болезни и в здравии, в достатке и в бедности, в жизни и за ее пределами, где мы встретимся, вспомним и снова будем любить. Я не буду изменять тебе. Я буду уважать тебя, твои убеждения, твоих родственников и твой путь, как я уважаю себя.

Глядя ему в глаза, я повторяю тот же самый обет, и у меня такое чувство, что мое сердце просто лопается от любви к нему.

Наступает время выпить густое коричневое зелье. Оно действительно ужасное. Даже крошечный глоток, вызывает у меня желание очистить свой язык, и я чувствую прямо-таки тошноту. Би Джей настоящий герой. Он выпивает все даже не морщась.

Позже он шепчет мне на ухо:

— Я собираюсь забыть этот вкус навсегда. Приготовься, я буду наслаждаться твоей киской в течение очень долгого времени.

Я стараюсь подавить смех, но у меня не совсем получается. Я чувствую такую огромную волну любви, захлестнувшую меня к этому замечательному мужчине.

— Боже, Лейла, не смотри на меня так, если ты не хочешь, чтобы я утянул тебя в какие-нибудь кусты и не оттрахал там.

— Ты никогда не задумывался, что бы было, если бы я не прокралась в твою спальню и не попыталась бы взять твою булавку для галстука?

Он содрогается.

— Нет.

28.

Лейла

После церемонии моя жизнь превращается в один большой бурлящий круговорот.

Столько нужно всего решить: место проведения, платье подружек невесты, обувь, музыка, кейтеринг, приглашения, фотограф, торт, видео-оператор, развлечения, меню, кольца, украшение помещения, транспорт и, конечно, мое платье. Би Джей нанимает менеджера устроителя свадеб. Она настолько гениальна, что я даже не могу себе представить, чтобы без нее делала. Очень удобно позвонить ей, если у меня возникает какая-то проблема и можно не беспокоиться, зная, что она все решит и сделает на высшем уровне.

Мама договаривается с модельером Тельмой Мадин. Тельма Мадин, именно та, которую можно увидеть часто по телевизору. Приветливая, талантливая и настоящая бизнесвумен. Она делает отличные наряды для цыганских свадеб.

— Насколько большим вы хотите, чтобы было ваше платье? — спрашивает она.

— Большим, — отвечает моя мама. — Она моя единственная дочь. Моя Принцесса.

— Ох, ма, — говорю я. — Это слишком скорая свадьба, думаю о простом платье с юбкой годе.

— Простом! — кричит мама. — Что же хорошего в нем? — Она оживленно начинает жестикулировать руками. — Это событие, которое происходит раз-в-жизни. Кто ты такая, чтобы лишать себя самого лучшего и самого красивого свадебного платья в такой самый важный день в твоей жизни?

Моя мать права. Свадьба должна быть веселой и красивой. Все цыганские свадьбы, на которых я присутствовала были более, чем ужасными по вкусу, выходящие за рамки дозволенного, начиная от белого лимузина и кончая шоколадными фонтанами, приспособленными доставлять захватывающе удовольствие, но сама свадьба была просто ужасной за счет своего многоцветия, по сравнению даже с любым элегантным сочетанием цветом, начиная с накидки на стул, и кончая всем, что как-то ассоциируется с обычными свадьбами. И когда я вспоминаю (да, обычная свадьба стильная и замечательная), но... большая цыганская свадьба останется в памяти навсегда.

Я смотрю на Тельму.

— Знаете, в конце концов мне все равно придется надеть огромное бальное платье.

Но Тельму не просто так называют королевой по свадебным платьям цыганских свадеб.

— Я могу сделать тебе свадебное платье с юбкой гофре сзади, и твоя мама одобрит его и будет счастлива, — уверенно заявляет она.

— Правда?

— Да, правда.

Она действительно хороша в этом. На следующий день она появляется с двумя эскизами. Ма и я соглашаемся на приталенное дизайнерское платье с вырезом сердечком декольте, расшитое жемчугами на корсаже, и сотнями, сотнями кусочков из тафты, сшитыми вместе и превращающимися в развивающуюся юбку и шлейф, платье идет вместе с небольшим болеро для церкви. Весь ансамбль светло-бежевого цвета.

Через неделю Тельма вызывает меня на первую примерку, мы втроем едем в ее магазин. Я испытываю захватывающее и пугающие чувства. Я не уверен, сможет ли она сделать такое потрясающее платье.

— Входи, — говорит Тельма. Мне кажется она хочет показать нам свое творение с пафосом. Она быстро проводит нас к задней части магазина, ее рука замирает на ручке закрытой двери, она поворачивается к нам и спрашивает:

— Ты готова?

Мама, Мэдди и я киваем. Пока бабочки не переставая порхают у меня в животе, она

театрально распаивает дверь.

Платье стоит на подставке с шлейфом из тысячи кусочков тафты разложенный, как огромный хвост рыбы. У меня перехватывает дыхание, я смотрю в изумлении. Мать визжит, как молодая девушка, Мэдди хлопает в ладошки от восторга. Все страхи, которые присутствовали, что мое платье будет слишком похожим на мою ужасную цыганскую свадьбу исчезают. Платье на самом деле восхитительное. Целиком и полностью выглядит просто захватывающим — шедевр в чистом виде.

Дни проходят в полном тумане состоящие из аврала и волнения. Единственный момент сквозит через все это совершенно четко — дом. Это именно те редкие моменты, когда я пораженно с удивлением, а иногда с недоверием оглядываюсь вокруг. Это и есть — моя жизнь. За неделю до свадьбы, я перевожу свои вещи в дом Би Джея, а сама переезжаю в дом моей матери. Мы не можем до свадьбы больше видаться с Би Джем, и для нас это становится настоящей пыткой.

Но вдруг наступает день свадьбы, я даже не успеваю осознать это. Я рано просыпаюсь, вся — комок нервов и очень тихо лежу в темноте, хотя слышу, как мать и тетки начинают ходить по дому. Я кладу руку на живот, который пока по-прежнему плоский, но я знаю, что внутри меня растет мой ребенок.

— Мы сегодня выходим замуж, — шепчу я, и чувствую волнение, пробегающее по мне.

Мэдди прибывает первая, поэтому мы завтракаем у меня в спальне. Мы шепотом переговариваемся и хихикаем тихо, словно дети, которые не желают засыпать.

Стилист по волосам прибывает к семи. Ма предлагает ей чашку кофе, и она начинает разделять мои волосы на две части — верхнюю часть собирая в пучок на затылке, а снизу оставляя кудри, скользящие по спине и плечам. Она надевает тиару принцессы на голову, появляется визажист, которая тратит на мое лицо час, делая массаж, кладет маски, очерчивает брови и накладывает макияж, а также накладные ресницы.

Дом становится наполнен друзьями и родственниками, приносящими подарки. Цыгане очень щедры на подарки, поэтому куча подарков заполняет обеденный стол и ставятся на пол, но поток посетителей становится неисчерпаемым, все идет и идет через двери. Ма только и успевает подносить бутылки шампанского, словно в доме намечается какая-то вечеринка.

Прибывает платье.

Из окна я наблюдаю за Тельмой и двумя ее помощниками аккуратно и бережно, вносящими его в дом. Они приносят ее наверх в мою комнату, и Тельма с помощниками помогает мне его надеть. Мое сердце просто ухает.

— Ах, ах, ах, — восклицает восхищенная Мэдди. — Ты выглядишь просто сногшибательно.

Затянутая в платье и вуаль, я подхожу к зеркалу затаив дыхание.

И... практически не узнаю себя. У меня такое впечатление, словно я настоящая принцесса, которая вышла со страниц сказки. Ма плачет, облаченная в прекрасное серо-голубое платье. Она утирает слезы, пытаясь не испортить платье.

— Ты выглядишь божественно, Лейла, — говорит она.

— Ты была права, ма. Платье идеально.

Моя мать улыбается сквозь слезы.

Тельма и ее помощники подхватывают шлейф и подол юбки, когда я устремляюсь к двери, и стремглав несусь вниз по лестнице. Они поспевают за мной, пока я стучу по

ступенькам инкрустированными жемчужина туфлями.

Я останавливаюсь перед Джеком. Он выглядит таким великолепным в сером костюме, глаза настолько яркие и наполнены гордостью.

— Ох! Лейла. Если бы только отец мог увидеть тебя. Ты настоящая принцесса, он всегда так говорил, — говорит он.

Лили улыбается, роды однозначно пошли ей на пользу, она вся светится и такая прекрасная.

— Я всегда знала, что он добьется тебя.

— Ты?

Она кивает.

— Он хороший парень. Я никогда не забуду того, что он сделал для Джека и меня. Я так рада за тебя. Будьте счастливы, Лейла.

Доминик и Шейн подходят меня поцеловать. Они выглядят потрясающе красивыми в костюмах. Доминик одобрительно кивает, и даже Шейн не выпендривается.

— Ты просто красавица, — говорит он искренне.

Как только я собираюсь к двери, все говорят, что нужно сфотографироваться и снять видео.

Осторожно я выхожу за дверь дома моей матери и вскрикиваю от изумления. В это невозможно поверить. Не знаю, кто это придумал Джек или Би Джей, но этого предположить я никак не могла. На дороге перед домом стоит стеклянная карета. Она выглядит именно такой, как ее показывают в фильме Диснея — изысканной, витиеватой и волшебной, с двумя кучерами в ливрее и двумя белыми конями с перьями.

— Би Джей настоял, — говорит Джек.

Джек садится первым, потом Тельма помогает мне сесть в карету напротив него и мой шлейф укладывают между нами. Дверца закрывается, и мы едем, все проезжающие мимо машины бесконечно сигналият нам на всем пути до церкви. Совершенно незнакомые люди улыбаясь кричат из открытых окон автомобилей, желая счастья и машут рукой.

Мы опоздали на 30 минут, пока добрались до церкви, подружки невесты и девочки-цветочницы ждут уже нас. Мэдди подмигивает мне. Джек протягивает руки и сжимает мою.

— Спасибо, Джек. Спасибо за все, — говорю я, голос звучит тихо и неуверенно.

— Даже не думай об этом. Смотри, чтобы тушь не потекла, — говорит он хрипло.

Тельма и ее помощники помогают мне выйти, неся шлейф. Светит солнце, день такой красивый и весенний. Вокруг собирается толпа зевак, которая наблюдает за свадебной процессией. И вдруг у меня начинается нервный срыв. Я поворачиваюсь к Джеку, почти ничего не соображая. У меня происходят такие явления с тех пор, как я была ребенком и всегда меня спасал Джек. Он вел бои, сражаясь за меня.

— Я с тобой на каждом шаге, — говорит он, протягивая руку.

Я беру его за руку, и перестаю нервничать, успокаиваясь, зная, что с ним пройду этот путь, он не позволит мне упасть или ошибиться. Я волнуюсь от предстоящего, которое ожидает меня в церкви. Мы поднимаемся по ступенькам, я опираюсь на его согнутую в локте руку. Звуки свадебного марша раздаются из открытых двойных дверей.

Как только мы подходим к входу, я мгновенно вижу своего будущего мужа. Весь в белом, широкоплечий, высокий и прекрасный. Краем глаза я вижу маму, братьев, друзей, знакомых и даже незнакомых людей, сидящих на задних скамьях. Опять вспыхивает этот белый, Би Джей поворачивается, все остальное исчезает. Наши глаза встречаются, и такое

впечатление, словно в церкви мы совсем одни. Только он и я.

— Вау, — безгласно произносит он, глаза собственнически сверкают.

Мой брат идет вперед, и мои ноги следуют за ним. Я чувствую тяжелый шлейф, тянущийся на сотню ярдов позади меня, слышу шелест тафты, сладкий аромат цветов и чувствую твердые мышцы руки своего брата под своими пальцами, но я полностью как замороженная, только глаза ни на минуту не оставляют Би Джея.

Брат опускает руку, и я непонимающе смотрю на него. Он улыбается, и я перевожу взгляд на Би Джея. Он протягивает руку и аккуратно, словно боится повредить, тянет меня к себе. Он такой огромный, красивый, что я не могу даже сейчас поверить, что он действительно теперь мой. Булавка, с которой все и началось поблескивает на его галстуке, она идеально подходит ему.

Священник начинает произносить наши клятвы, и я тщательно повторяю за ним каждое слово, пребывая в восторге от слов, срывающихся с моих губ, они словно идут из самой глубины моего существования, неизвестного мне места внутри меня.

— Согласна, — говорю я.

Би Джей одевает кольцо мне на палец, священник провозглашает нас мужем и женой. Он даже не успевает сказать Би Джею, что можно поцеловать невесту. Би Джей уже склоняется ко мне через эти ярды материала, разделяющие нас, и опускается на губы. Присутствующие кричат, хлопают и свистят. Мы же банда дебоширов, мы — цыгане.

Тельма уводит меня в небольшую комнату сбоку. Аккуратно снимает фату и болеро. Стилист распрямляет волосы. Мгновение я стою перед входом прежде чем выйти. Потом я опять вижу ослепительное белое пятно, и толпа расступается, чтобы пропустить его. Би Джей останавливается передо мной и смотрит, пожирая глазами. У платья слишком тугий корсет, я не могу сделать глубокий успокаивающий вдох, поэтому быстро делаю несколько вдохов через рот. Он берет меня за руку.

— Ты заказывал принцессу? — шепотом спрашиваю я.

— Да. А ты заказывала томящегося от любви мужа?

— Мужа, — повторяю я. Слово такое легкое, я прямо чувствую его на языке, как крылья бабочки. И я чувствую, как мне нравится это слово, приносящее спокойствие всему телу, словно я всегда должна была быть миссис Билли Джо Пилкингтон.

29.

Лейла

После моей абсолютной, осуществления предела всех желаний, сказочной свадьбы, Би Джей увозит меня в Тоскану в наш медовый месяц. Мы останавливаемся в великолепном

палаццо в лесном массиве Маремма. Четыре ленивых пропитанных страстью дня мы ничего не делаем, только насыщаемся друг другом. Потом как-то просыпаемся на рассвете и едем в невероятно красивую и дику сельскую местность.

Би Джей отчаянный водитель, также как и я и это опьяняет. Мы останавливаемся, оба покрасневшие и возбужденные. Кругом чистый свежий утренний воздух, срываем друг с друга одежду и начинаем заниматься сексом прямо на природе. В конце, я пораженно смотрю на появившихся зрителей — пару красивых косуль, одетые в рыжеватые «летние пальто» и смотрящих на нас с любопытством. Мы замираем, Би Джей все еще находится глубоко внутри меня, и остается так, пока они галопом не уносятся прочь.

— Разве они не красивы? — шепчу я.

— С тобой все красиво, — говорит он.

Каждый день мы узнаем что-то новое друг о друге. Теперь я знаю, что Би Джей не завтракает. Он выпивает восемь сырых яиц, смешанных с бананом и молоком. И он узнал, что мне нравится теплая выпечка, которую пекут женщины в деревни. И что я с большим удовольствием запиваю ее охлажденным, сырым козьим молоком.

Дни, когда слишком жарко что-либо делать, мы лениво плаваем, уничтожая бесчисленное эскимо у бассейна. Вечером мы едим пиццу на тонком тесте, приготовленную в традиционной дровяной печи, барбекю или рыбу, которую купили на открытом рынке. Би Джей как-то делает нам пасту с *romodoro* и стейком. Я обнаруживаю, что он не плохой повар.

— Тебя мама научила? — спрашиваю я.

— Нет, это рецепт Берти.

Сегодня вечером он пригласил меня в знаменитый ресторан в нескольких милях от нашего палаццо. Парень, чистящий бассейн, говорит, что если я не пробовала фирменное блюдо кабана с белыми грибами *Il Cinghiale Nero*, значит еще не жила.

Я лежу в розовой мраморной ванне с высокими потолками, он подхватывает меня и несет в нашу огромную спальню, по дороге с меня по-прежнему капает мыльная пена. Бросает на кровать и опускается верху, вероятно у него свой собственный способ вытереть меня, без привлечения полотенца, но с его стороны потребуются определенные усилия, кроме того все простыни становятся влажными. Когда довольная и насытившаяся, я лежу на спине, он хватает меня за лодыжку и подносит ее ко рту.

— Удивительно, насколько ты загорела за четыре дня.

Я смотрю в его любовью опьяненные глаза.

— Подожди говорить, когда ты увидишь меня в конце недели.

Он откидывается на подушки, глаза полуприкрыты и наблюдает, как я одеваю сексуальное, красное платье, достигающее до колена, со смелым декольте, а также экзотические сандалии с ремешками, украшенные бирюзовыми камнями, расчесываю волосы, наношу немного туши и блеска для губ, дотрагиваюсь духами до пульса.

— Иди сюда, — говорит он.

Я скрещиваю руки на груди.

— Нет, я не позволю тебе испортить мой наряд. Ты сможешь это сделать, только после того, как покормишь.

Он молниеносно вдруг подскакивает кверху, заставляя меня с криком выскользнуть из комнаты и мчаться по длинному коридору, увешенному золочеными панно и картинами написанными маслом, скорее вниз по парадной мраморной лестнице. Я стою внизу, смеясь

и тяжело дыша, глядя вверх, готовая рвануть дальше, если потребуется, но он останавливается, облокотившись на перила.

— Будет адская плата, если ты оставишь ее на потом, — кричит он.

— Это угроза?

Он ухмыляется.

— Считай, что приглашение.

Я усмехаюсь.

— В таком случае, я принимаю вызов.

Он кивает и исчезает в коридоре.

* * *

Чистильщик бассейна оказался полностью прав. Это самое лучшее блюдо, которое мне когда-либо довелось съесть. Мы заказываем десерт и у нас начинается размолвка.

Я поворачиваюсь к Би Джею после того, как любезно сделала заказ официанту, он хмурится.

— Что? — спрашиваю я.

— Перестань, бл*дь, флиртовать с официантом, или я запихну ему мельницу для перца в зад.

— Ты шутишь?

— А похоже, что я шучу?

— Я и не думала флиртовать с ним.

— Нет?

— Нет, — горячо говорю я.

— Значит черт побери, встряхнуть волосами и говорить “*si, si, sei troppo gentile*” это нормально? — спрашивает он, меняя свой голос на насмешливый фальцет и явно подражая мне.

— Это обычная вежливость, — отвечаю я, немного раздражаясь.

— Тебе бы понравилось, если я бы такое проделывал с официанткой?

— Я не против. Давай. Не в чем себе не отказывай, — отвечаю я.

Удивление отражается у него на лице.

— Правильно. Просто помни, что ты начала это первая.

Он оглядывается вокруг и выбирает самую привлекательную официантку в ресторане, просто приподнимает бровь. Она подходит к нему, он улыбается и спрашивает, не могла бы она принести бутылку самого лучшего шампанского.

Она быстро уходит, он приятно улыбается мне. Я решила на это не реагировать, поэтому также улыбаюсь ему в ответ.

Она возвращается, при этом полностью меня игнорируя, он нагло начинает заигрывать и смеяться с ней. У меня начинает закипать кровь. Да, правда, я флиртовала с официантом, но слегка. Он же напротив почти раздевает ее глазами.

Сначала я стараюсь изо всех сил не показывать, что злюсь. Я говорю себе, успокаивая, что он специально это делает, на самом деле он ее не хочет. Просто таким образом он пытается меня наказать. Я быстро рассматриваю идею — может мне стоит позвать официанта назад и тоже начать с ним флиртовать. И посмотреть, кто же первым не выдержит. Но я не хочу флиртовать с другими мужчинами в свой медовый месяц.

Я могла бы и дальше сидеть с застывшей улыбкой, если бы эта шлюха-официантка не бросила на меня мимолетный жалеющий и торжествующий взгляд, говоривший: «Эй ты дура. Неужели ты не видишь, что твой мужчина делает? Он же полностью уже трахает меня?»

Чувствуя себя униженной, я поднимаюсь. У меня нет ключей от машины, но это не важно. Я бы все равно не смогла справиться с мощным Maserati, которую он арендовал, особенно на незнакомых дорогах. Черт с ним, я предпочту в конце концов пройти пять миль пешком, чтобы вернуться в палаццо, чем остаться здесь хотя бы еще на секунду. Они оба поворачиваются ко мне. И она, кажется, очень даже рада, что я ухожу.

— Куда-то собралась, малышка? — мурлычет Би Джей.

— Никуда, тебя это не касается, — отвечаю я также любовно в ответ и выхожу из ресторана.

У входа я на мгновение останавливаюсь. Я так зла, что хочу закричать, да как он смеет так себя вести в наш медовый месяц. Я быстро начинаю идти в том направлении, откуда мы приехали. К счастью, у меня на ногах сандалии. Должно быть я прошла 20 ярдов, когда слышу за спиной двигатель Maserati.

— Куда-нибудь подбросить?

— Что? Ты не взял с собой ту продажную задницу? — раздраженно интересуюсь я.

— Ну и ну, посмотрите, кто же здесь ревнует? — он закатывается глубоким смехом.

Меня раздражает его смех, если честно.

— Потому что существует разница между тем, что делала я, и чем занимался ты! Я была вежлива, а ты трахал ее глазами.

Он смеется, и смех, похож на дымчатый шелк.

— Нам потребуется вечность, чтобы добраться до палаццо такими темпами.

Сегодня синоптики обещали грозу, но я не готова на ливень, который начинается с крупных капель теплого дождя, пахнущего пылью. Пару капель падают мне на волосы.

— Залезай внутрь, Лейла, — говорит Би Джей шелковым голосом.

На этот раз я открываю дверь и сажусь, но полна решимости заставить его страдать, за то унижение, которое он заставил меня испытать в ресторане. Я не собираюсь с ним разговаривать.

30.

Би Джей

Я бросаю на нее косой взгляд. В ресторане она казалась такой забавной, когда делала вид, что ее это совершенно не волнует, а на самом деле изнутри вся дымилась от ярости, и

сейчас от нее исходят осязаемые волны «не смей дотрагиваться до меня». Это напоминает мне о том, какая она есть на самом деле. Ощущать ее ярость внутри машины и запах грозы, бушующей снаружи — сексуально, как ад.

Мне необходимо трахнуть свою жену.

Через потоки дождя я вдруг вижу впереди лес. Вот она настоящая свобода, существующая на протяжении веков — жить, дышать и удивляться этому нескончаемому волшебству. *Иногда нужно отпустить оковы жизни и найти единение с природой.* Чувствуя пьянящее безрассудство, от которого явно мой член управляет автомобилем, я разворачиваюсь на скорости на автомагистрали и направляюсь вниз по извилистой проселочной дороге. Мне даже не стоит поворачивать голову в сторону Лейлы, поскольку я и так чувствую, как она разъяренно прищурилась, глядя на меня.

— Почему, черт возьми, ты съехал с трассы? — сердито спрашивает она.

— Потому что я всегда хотел сделать кое-что, — отвечаю я.

Она смотрит на струи дождя, стекающие по лобовому стеклу, дворники с трудом успевают очищать воду.

— Ну, что бы это ни было, на меня не рассчитывай. Я не выйду в такой дождь. — говорит она своим самым лучшим тоном Снежной Королевы.

Возбуждение еще больше стучит у меня по венам, но я ничего не отвечаю. Молча выхожу из машины и останавливаюсь напротив ее окна.

Я стою снаружи и смотрю на Лейлу, по ее жестам и выражению лица, она явно считает меня буйно помешанным психом.

— Льет как из ведра, — кричит она мне через стекло, голос кажется приглушенным.

Я стираю стекающую воду с лица. *Да, и как это я, бл*ть, не заметил, что такой потоп.*

— Если ты не выйдешь, я вытаску тебя оттуда.

Ее рот открывается в произвольную О, глаза вспыхивают еще большим гневом. Я слишком хорошо знаю этот взгляд. Она собирается черт побери заблокировать дверь и прежде чем успевает среагировать, я открываю ее. Я хватаю и вытаскиваю ее наружу, сопротивляющуюся изо всех сил, как дикая кошка.

— Какого черта на тебя нашло? — кричит она мне в лицо.

Ее ярость неприкрытое блаженство для меня на фоне грозы, кровь стучит и вскипает только для нее. Я отпускаю ее.

И она делает шаг назад. Я вижу, как ее платье становится прозрачным и облепляет тело, она не надела лифчик. Грудь вздымается, соски встали и торчат. Боже! Моя жена такая красивая. Иногда я даже не могу поверить, что она моя. Член начинает дергаться, желая освободиться, как будто заряженная ракета, настигшая свою цель.

Ее рот раскрывается, и я понимаю, что она собирается мне сказать.

— Если ты думаешь, что я буду заниматься здесь сексом, в этой глуши, после того, что ты отмочил в ресторане, тебе лучше об этом и не мечтать.

Я начинаю смеяться.

— Что смешного черт побери?

— Ты, детка.

— У тебя больное чувство юмора. Давай заставь свою беременную жену до смерти замерзнуть под этим дождем, — кричит она.

— Ты не замерзнешь. В душную жаркую ночь такой дождь то, что надо, — я хватаю ее за руки и притягиваю к себе. — Мы, — рычу ей на ухо, — будем трахаться так, как никогда

раньше.

— Ты должно быть шутишь! — струи дождя стекают по ее лицу, попадая в ее великолепный рот.

— Я не шучу, когда дело касается, чтобы трахнуть жену.

— Я не собираюсь кататься в грязи под лавиной воды, льющейся с небес, — огрызается она.

— Почему бы и нет? Что может быть лучше? Вокруг никого нет на мили кругом. Это будет горячо и страстно. Дождь, льющийся сверху на нас, это сексуально.

— Откровенно говоря, ты не заслуживает этого. Как ты смел флиртовать в открытую передо мной? Я была унижена, — с остервенением выплевывает она мне.

— В следующий раз тебе стоит вспомнить, прежде чем делать какие-то знаки другому мужчине.

— Ой! — она от досады топает ногой. — Я не давала повода другому мужчине.

— Ну, в будущем имей в виду, что у нас разные представления о флирте.

— Так ты не собираешься извиняться?

— А ты что думаешь?

— Думаю, должен.

— Я же думаю, нам стоит заняться сексом.

— А одежда? Как мы высушим ее? Как мы поедem в таком состоянии?

Я улыбаюсь.

— Мы включим печку в машине и поедem домой голые, — говорю я ей.

— О Би Джей, это настоящее безумие.

— Нет, это именно то, что тебе необходимо.

Лейла брезгливо смотрит на меня, но меня не обманешь, поскольку я чувствую, как ее тело фактически не сопротивляется. Она хочет заполучить гормоны в свою маленькую киску в этот жуткий ливень.

— Я всегда задумывалась о диком, животном сексе на улице в жару. Хорошо, скорее всего я не представляла дождя, но сейчас он добавляет фантазии.

Слышится раскат грома, и это пугает ее, она прыгает на меня, обхватив ногами за талию. Я пользуюсь этим моментом, и несу ее к капоту автомобиля.

В свете фар она выглядит еще более привлекательной.

Длинные мокрые прилипшие волосы, очертания затвердевших сосков, желающие освободиться от этого мокрого платья. Голая, распластанная, находящаяся подо мной, именно так я ее хочу.

Я ближе придвигаюсь к ней, упираясь жестким петухом в ее лобковую кость, и тяну ее за волосы назад, она выгибается на капоте. Секунду я замираю и окидываю ее тело взглядом, распластанная, капли дождя стучат по ее телу. Поднимающийся пар от капота машины, окутывает ее.

Она выглядит, как настоящее произведение искусства.

Наклонившись вперед к своей Принцессе, я прохожусь жаждущим языком по ее тонкой шее, прослеживая напряженные мышцы. Она отклоняет голову назад и смотрит в небо, глубоко вздыхая. Я понимаю — она готова для меня. Это же капитуляция в чистом виде.

Коленом раздвигаю ее ноги, забираюсь под платье и срываю с нее трусики одним рывком. Этот звук сливается с барабанной дробью дождя о капот машины. Ее тело напрягается от ожидания. Внутри я весь вибрирую и пою от ее трепещущей сладкой, как

мед, киски.

Обеими руками я хватаюсь за концы платья и разрываю, оголяя загорелую кожу. На мгновение я отхожу на шаг в полном восторге от ее великолепия — ее обнаженной груди, блестящей под дождем, живота, который только начинает увеличиваться. Я опускаюсь на ее губы, расстегивая джинсы и рывком снимая. Ее мокрые губы — сахар. *Ах! Лейла. Лейла. Лейла. Всегда есть только ты.*

Как ты можешь ревновать меня к другой женщине?

Я захватываю губами ее правый сосок, лаская языком и дразня, зажимая между пальцами левый. Как только она забеременела, ее соски стали еще более чувствительными. Малейшего прикосновения достаточно, чтобы возбудить ее. Она беспомощно стонет, пока я сосу, слегка прикусывая зубами, лаская языком ее твердые бутоны. Я запускаю пальцы в ее мягкую набухшую киску, играя. Она отвечает мне невольно приподняв голову и выпятив грудь.

Я толкаю ее вниз, на металл машины, раздвигая шире ее бедра, положив левую руку под попку, таким образом я смогу контролировать ее тело. Вставляю два пальца в ее сладенькую киску.

— Да, — стонет она.

Но я не даю ей тут же того, чего она жаждет. Я знаю, она жаждет быстро скользящий мой член внутри. Я не собираюсь торопиться, медленно двигаю пальцами и нажимаю на клитор, чувствую ее разочарование во всем теле.

Она осознанно толкается вперед к моей руке.

Как только она находится на грани оргазма, я останавливаюсь и вытаскиваю пальцы. Смахиваю воду с глаз и опускаюсь на ее возбужденный сосок. Сосу, вставляя пульсирующий член в нее.

— Ох. Мой. Бог. Би Джей! — кричит она, выгибаясь всем телом, как хорошо натянутый лук.

Я пикирую на ее второй сосок и прикусываю. Она снова кричит. Поднимаю голову и смотрю на потоки дождя, обрушивающиеся на нее. Я придвигаюсь ближе и оставляю дорожку из поцелуев на ее напряженной коже, проводя языком по другому соску. Она дрожит от нетерпения.

Приподнимает голову и смотрит мне в глаза, сквозь пелену дождя.

— Ты флиртowała с официантом?

— Нет, — сглатывая тихо произносит она.

Я скольжу руками по ее мокрым бедрам.

— Уверена?

Она кивает.

— Не ври мне, Лейла. Мы не двинемся отсюда, пока ты не скажешь мне правду.

Она облизывает губы.

— Да, я флиртowała, чтобы ты ревновал.

Я сжимаю ее бедра и с силой вбиваюсь налитым кровью членом глубоко в нее.

— Аааа...

— Нравится?

— Да.

— Знаешь, что будет, если ты попробуешь сделать это снова?

Она качает головой.

— Я буду трахать тебя несколько дней напролет, пока ты не будешь до такой степени накачена моей спермой, что она будет выливаться у тебя изо всех щелей. Понятно?

Она кивает.

— Не слышу ответа.

— Да, я все поняла, — бормочет она.

— Хорошо, — говорю я и кусаю ее сосок. Ее рот открывается для крика, но я тут же накидываюсь на него, погружаю свой язык в ее теплоту, лаская ее язык и жестко начинаю сосать, вбиваясь в нее.

Я чувствую, как она начинает дрожать и мышцы сокращаться вокруг моего члена. Я отпускаю ее язык. Она впивается пальцами мне в задницу, неконтролируемые спазмы удовольствия поднимаются из глубины ее тела.

— О Боже, — кричит она, — я кончаю!

Я чувствую, как ее ногти карябают и впиваются мне в задницу, но мне насрать. Не обращая внимания на боль, я слышу только ее крик в экстазе, оргазм струится через ее тело.

Мой член пульсирует, я вхожу по самые яйца в последний раз. Рывками начинаю наполнять ее розовую сладкую киску своей горячей спермой. Крепко обхватив ногами меня за талию, она выдаивает меня.

Ты цвет моей крови

31.

Лейла

Мама говорит, что должно быть, я родилась под счастливой звездой, поскольку не испытываю никакого недомогания по утрам. Я хотела продолжить работать, пока ребенок еще слишком мал, но моя семья и Би Джей сказали, что этого не потерпят. *Какой смысл, если после рождения ребенка ты не будешь работать вообще?* Мне кажется, они правы. Но все-таки я бы предпочла, чтобы это было мое самостоятельное решение.

Стою под душем, вода стекает вниз по плечам, брызгая на мои заколотые кверху волосы, струясь по растущему животу. Под струями быстрой воды, мой растущий живот похож на глазное яблоко. Я мысленно представляю крошечные прозрачные пальчики сжимающиеся и

разжимающиеся. Природный инстинкт заставляет меня провести рукой по животу, как бы защищая.

Я не перестаю удивляться этому состоянию, когда в тебе растет маленькое существо. Я представляю, как бьется его маленькое сердце, приоткрыв рот, глотая околоплодные воды. На УЗИ они выглядят темным пузырем в желудке. Но чудо, которое заставляет меня улыбаться от одной только мысли, что каждые полчаса или около того, его крошечный мочевой пузырь опорожняется. Мой невоспитанный сын писает прямо в меня!

Интересно, как он будет пахнуть, пока будет расти у меня в животе.

Би Джей хочет назвать его Томми. Я сказала ему совершенно в недвусмысленных выражениях, что только через мой труп. Я хочу, чтобы у моего мальчика было имя Оливер или какое-нибудь классное американское ковбойское имя, типа Сандэнс или Техас Джек. По крайней мере, более правильное будет Чарльз или Филипп.

— Но Томми очень хорошее ирландское имя, — настаивает Би Джей.

Я до безумия люблю своего мужа, но Томми? Тьфу. Нет. Никогда. Как я уже сказала, только через мой труп. Я выхожу из душа и втираю масло какао в живот и бедра, одеваюсь. Би Джей находится сейчас в тренажерном зале. В фоновом режиме у меня последнее время все время играет *Lost Frequencies Are You With Me*. Мне кажется я слушаю ее постоянно, поэтому не удивлюсь, если мой сын родившись будет напевать эту мелодию.

Звонит телефон, это из клиники.

— Миссис Пилкингтон?

— Да.

— Это клиника Святого Джеймса, сестра Мэри Варенн.

— Привет.

— Доктор Фридман хотел бы встретиться с вами и вашим мужем как можно скорее.

У меня звенит в голове предупреждающий колокольчик. Я прижимаю трубку обеими руками.

— Зачем? — испугано шепчу я.

— Боюсь, я не могу ничего сообщить. Но очень важно присутствие вашего мужа и вас и как можно скорее.

— Что случилось с моим ребенком?

— Извините, миссис Пилкингтон, но я лишь передаю сообщение вашего врача. У него есть всего лишь две свободные записи.

— Давайте мне первую.

— Удобно вам будет подъехать в два часа сегодня?

Я сглатываю с трудом. *Сегодня! Они хотят, чтобы я пришла сегодня! Дерьмо! Неужели все так плохо?* Я чувствую холод внутри.

— Да. Муж занят весь день. Я могу прийти одна?

— Боюсь, вам необходимо прийти вместе со своим мужем, — настаивает она.

— Хорошо, мы придем вместе, — мой голос звучит испугано и похож на чужой шепот.

— Отлично, я записала вас.

Я не собираюсь сразу же бежать к Би Джею, чтобы рассказать ему. Нет, нет, я не буду пугать его понапрасну. Я чувствую, что защищаю его. Знаю, он такой большой и сильный, но внутри, не показывая никому будет страдать гораздо больше, чем я. Я сильнее, и могу пережить многие эмоции, поэтому не буду показывать ему свой страх. Может быть, это ничего не значит. Или, возможно, какая-то ерунда.

Да, но она говорила так серьезно.

Я дотрагиваюсь до своего живота. Что бы это ни было, мы узнаем. Захожу на кухню и оглядываюсь вокруг — все выглядит так же, и это сбивает с толку. Возможно, я до сих пор в ступоре. Моргаю несколько раз и делаю глубокий вдох. Рука летит ко рту, чтобы скрыть крик, желающий вырваться наружу.

Я подхожу к кухонному островку, у меня появляется отчетливое ощущение невесомости, словно я могу улететь, как воздушный шарик. Я хватаюсь за край гранитной столешницы, и сжимаю ее с такой силой, чтобы удержаться на ногах, костяшки пальцев даже побелели. Я удивленно посматриваю на них. Находясь в таком шоковом состоянии, я совершенно не способна трезво мыслить, в голове полный вакуум. Делаю еще один глубокий вдох и выдыхаю резко с шумом. Это может быть ошибкой. Точно, это ошибка. Ошибки все время происходят. Я цепляюсь за эту мысль, как за спасательный круг.

— Скорее всего ошибка, — шепчу я сама себе.

Иду к телефону и набираю номер Джека, он всегда помогал мне разрешить все мои проблемы. Я слышу сквозь пелену гудки, потом кладу трубку на третьем звонке. Глупо звонить ему сейчас. Я позвоню ему, когда буду уже что-то знать.

— О, Боже!

Они заметили какую-то аномалию на УЗИ? Я хватаюсь за живот. Слезы наворачиваются на глаза, и стекают вниз по щекам.

— Я люблю тебя. Мне плевать, даже если ты родишься инвалидом или еще каким-нибудь. Я здесь с тобой. Ты выбрал меня, и я выбрала тебя. Несмотря ни на что, ты придешь в этот гребанный мир.

И у меня на лице постепенно появляется улыбка.

— Ты войдешь в эту семью, мальчик, — отчаянно говорю я. Странно, каким громким и сильным стал у меня голос. — Ничто. Ничего не лишит тебя рождения. Я буду защищать тебя до последнего вдоха, — обещаю я.

Подхожу к зеркалу и вытираю глаза, улыбаясь своему отражению.

— *Ты со мной?* — спрашивает мелодичный голос *Lost Frequencies*.

— Да, я с тобой. Я твоя мать. Я всегда буду с тобой, несмотря ни на что. Давай, пойдём и скажем папе, что ты супер-особенный.

Я иду по коридору и останавливаюсь перед тренажерным залом, мысленно успокаиваюсь. Открываю дверь, Би Джей тут же оборачивается и смотрит на меня. Его лицо тотчас же становится обеспокоенным. Я никогда не прерывала его тренировок. Он ставит гири со стуком на пол.

— Что случилось?

Я иду к нему, он быстро двумя огромными шагами сокращает расстояние между нами, заключая меня в свои объятия.

— Что случилось? — хмурясь спрашивает он.

Я пытаюсь улыбнуться, но глядя на выражение его лица, не думаю, что у меня получается.

— Звонили из клиники... что-то не так с нашим..., — я делаю глубокий вдох и хотя стараюсь сдержать слезы, глаза все равно наполняются влагой, — малышом.

— Что? — он смотрит на меня широко раскрытыми глазами, наполненными ужасом.

Я начинаю лепетать очень быстро.

— Все в порядке. Мне кажется, что с ним у меня внутри все в порядке. Он чувствует

себя там, как дома. Мы будем его любить так сильно, как не смогут его любить никакие другие родители, правда ведь?

— О чем ты говоришь? — спрашивает он, видно, что он даже побелел под своим загаром, и смотрит на меня, словно видит впервые.

Слезы начинают свободно течь у меня по щекам.

— Что-то не так с нашим ребенком.

— Нет, — рычит он и обнимает меня с такой силой, что мне кажется готов задушить, я издаю писк. Он отпускает меня в ту же секунду. — Прости, я не хотел сделать тебе больно, — бормочет он.

— Нет.

Он смотрит на меня в недоумении.

— Может они ошиблись?

Вы даже не можете себе представить сколько надежды дает мне его безнадежный вопрос. Я крепко обхватываю его руками и прижимаюсь к нему.

— Я думаю то же самое.

Мы держим друг друга в объятиях, не знаю, довольно-таки долго. Мы оба боимся взглянуть в глаза друг другу и боимся перестать притворяться, что это огромная ошибка. В конце концов, я понимаю, что придется это сделать, поскольку во мне живет маленькая жизнь. Я отстраняюсь первой.

— Я посчитала, мы зачали нашего ребенка в нашу первую ночь. Правы они или нет, но у нас будет этот ребенок, правда? Он избрал нас в качестве родителей? тебе всхлипывая спрашиваю я.

Он притягивает меня ближе и со стоном говорит:

— Ох, Лейла. Конечно, будет. Он наш несмотря ни на что.

* * *

В полной тишине мы едем к врачу, пребывая в полном ужасе от того, что ожидает нас в клинике. Медсестра ведет нас к кабинету доктора Фридмана. Мы заходим, держась за руки. Доктор Фридман высокий и в очках. Он поднимает на нас глаза и натянуто улыбается, видно чувствуя себя неловко.

— Мистер и миссис Пилкингтон. Пожалуйста, присаживайтесь, — вежливо говорит он, указывая на синие кресла напротив него, скользнув взглядом по бумагам на столе.

Это сюрреалистичный момент. Я не чувствую страха, поскольку всем своим нутром знаю, чтобы ни случилось буду защищать своего не родившегося ребенка. Я прекрасно понимаю, что происходит, поскольку все чувства напряжены, наверное, поэтому так сильно ощущаю дискомфорт врача. Кроме того, отчетливо чувствую страх Би Джея, который словно сочится через его поры, как нечто живое и осязаемое. Я слышу слабые голоса людей, идущих по коридору. Для них это обычный ничем не отличающийся от других день. Но для меня он с привкусом дезинфекции, которую использует врач, после осмотра пациента.

Я смогу это сделать, усаживаясь, поворачиваю голову к Би Джею, который занимает место рядом со мной. Меня ударяет мысль, что сейчас важно не это, и эта мысль настолько отчетливая. Никто и ничто не сможет поколебать меня в принятом решении. Я обращаю свой взор на врача.

Глаза доктора уставшие. Видно, ему неоднократно приходилось сообщать не радужные

новости, и сейчас для него не самая легкая задача. Я чувствую, что ему самому не нравится об этом говорить. Молча, он придвигает ко мне коробку с салфетками.

Я хмурюсь и смотрю на Би Джея, у него открывается и так же молча закрывается рот. Мы совершенно отчетливо понимаем, что что-то пошло не так. Ужасно неправильно. Все видимо намного хуже, гораздо хуже, чем я представляла. О нет.

НЕТ. НЕТ. НЕТ.

Дорогой мой Би Джей, всегда настолько сильный и нестигаемый, но в данный момент, он выглядит так, словно из него выкачали весь воздух. Я беру его за руку и улыбаюсь ему. Он не улыбается мне в ответ.

— Что произошло с моим ребенком? — спрашиваю я.

Доктор Фридман откашливается несколько раз. За его спиной я вижу, висящий плакат человеческого тела со всеми артериями, венами, мускулами и нервами.

— С вашим ребенком не случилось ничего плохого, — отвечает он. — Дело касается вас, — говорит он мягко и спокойно, но от его слов комната перед моими глазами начинает дико качаться.

32.

Лейла

— Не легко про это говорить, но УЗИ на 15-й неделе показало, что у вас либо рак эндометриии, либо гиперплазия, которая скорее всего будет быстро прогрессировать в рак. Мне жаль.

Я не ожидала услышать такого, поэтому даже не реагирую на его слова, чувствуя себя опустошенной и оцепеневшей. Проблема во мне? Во мне? Невозможно. Я родилась под счастливой звездой. Я была настолько избалована, так защищена, такой везучей. Это просто невозможно.

— Какого черта ты говоришь? Ты не мог бы выразаться по-английски? — агрессивно вскидывается Би Джей.

Доктор Фридман начинает ерзать в своем кресле. Очевидно, что он не привык к такой грубости, скорее из-за объемов Би Джея и сожаления, доктор не вызывает охрану.

— У вашей жены разрастается ткань в матке, которая окружает ребенка сверху и с боков. Быстрый рост ткани, которой не было замечен на предыдущих УЗИ, а только вчера, заставляет меня сделать вывод, что это злокачественное, быстро прогрессирующее образование. Я собирался вам вчера сообщить об этом, но мне нужно было проконсультироваться и сделать определенные тесты, прежде чем давать такой диагноз.

— Ты хочешь сказать, что у моей жены рак? — не веря спрашивает Би Джей.

— Да.

Би Джей вдруг вскакивает с такой силой, что его стул с грохотом падает на пол. Он хлопает рукой по столу, впившись своими черными глазами в доктора и орет:

— Нет, эта чертова ошибка. Откуда ты знаешь, что твой тест не ошибочный? Сделай снова эти чертовы гребанные тесты.

— Пожалуйста, мистер Пилкингтон, сядьте и успокойтесь. Ваш крик не поможет вашей жене.

Я хватаю Би Джея за руку, он тут же сжимает мою. Я смотрю на него.

— Пожалуйста, Би Джей, — шепчу я, он молча смотрит на меня. — Пожалуйста, — снова прошу я.

Он поднимает стул с пола и садится. Я чувствую, как у него дрожат руки. Он правой рукой охватывает левую, чтобы унять дрожь.

— Лечение рака и гиперплазии в той стадии, которая видна на УЗИ, — продолжает доктор, — немедленное удаление матки и дальше остается только следить за течением болезни.

— Гистерэктомия? — задыхаюсь я.

Доктор мнется нерешительно.

— Боюсь, что так.

— Ты хочешь вырезать у нее матку? — в недоумении переспрашивает Би Джей. — Какого черта! Ей 23 года, ради Бога!

— Простите, — запинаясь отвечает доктор.

Би Джей вдруг бросается вперед к нему.

— Если ты еще раз бл*дь скажешь простите, клянусь я дам тебе повод извиниться за эту ошибку, чисто и просто.

Глаза доктора готовы вылезти из орбит от страха. Он отклоняется на спинку кресла и кладет руки на подлокотники, словно кресло его может как-то спасти.

— Я знаю, что вы очень расстроены, но я лично проверил все результаты, и могу вас заверить, мистер Пилкингтон, что нет никакой ошибки.

Я смотрю на Би Джея и вижу его подавленность, он понимает, что доктор говорит правду. Би Джей привык силой решать любую проблему в своей жизни. Он никогда не сталкивался с другим сценарием, не было ничего, чего бы он не мог победить только своей грубой силы. Но впервые его кулаки бесполезны, и он стал абсолютно беспомощным. И это его ужасно пугает.

— Есть другой способ спасти ребенка? — шепотом спрашиваю я.

— Я очень со..., — доктор останавливается на середине слова и нервно косится на Би Джея. — Боюсь, что нет. Ребенка невозможно спасти, я должен рекомендовать немедленное прекращение беременности.

— Что произойдет, если я ничего не буду делать?

Би Джей обхватывает голову руками и молчит.

Доктор хмурится.

— Прежде всего вы очень сильно подвергаете свою жизнь опасности. Риск не стоит такой цены, из-за отсутствия маленького пространства, плацента будет давить на вашу шейку матки. С ростом ребенка и опухолью, вы имеете высокий риск по поводу плаценты.

Я выдыхаю, и стараюсь держать себя в руках.

— Что это значит? — спрашиваю я.

— Плацента может отслоиться до родов, ребенок лишится доступа кислорода, начнется сильное кровотечение у вас. Это может быть фатальным для вас и ребенка.

— Я все же хотел бы услышать еще одно мнение, — со смертельным спокойствием вдруг говорит Би Джей, которое еще страшнее, чем его ярость.

Врач спокойно кивает.

— Я уже записал вашу жену к ведущему специалисту «Акушерства и гинекологии» после завтра в 9:00. Они сделают еще одно УЗИ на лучшем оборудовании и возьмут биопсию.

— Биопсия безопасна для ребенка? — спрашиваю я.

Доктор выглядит огорченным.

— Они постараются не затронуть плод, но шансы на самопроизвольный выкидыш возрастут. Я все-таки настаиваю на немедленном прекращении беременности.

Я резко поднимаюсь.

— Хорошо, спасибо, доктор, — говорю я и смотрю на Би Джея.

Он поднимает на меня глаза и выглядит таким растерянным, потерянным, я хочу прижать его к груди. Он медленно встает. Очевидно, он не готов вот так уходить, словно дальнейшее обсуждение может что-то изменить.

Мы выходим из кабинета, пересекаем парковку, как двое, переживших войну. Повиснув друг на друге, ничего не видя вокруг. Контуженные. Безутешные. Би Джей открывает для меня пассажирскую дверь. Я проскальзываю на сидение в полной тишине. Он садится, вставляет ключи в зажигание, но не заводит двигатель.

Я поворачиваюсь к нему. Он выглядит растерянным и ошалевшим, как мотылек, летящий на свет лампы и падающий на пол, барахтающийся на спине, но уже нога человека нависла над ним.

— Ты можешь в это поверить? — спрашиваю я.

— Ох, детка, — хрипит он. — Думаю, мне просто необходимо обнять тебя, хотя бы на секунду.

Я бросаюсь в его объятия и рыдаю, разрывая свое сердце на мрачной автостоянке клиники.

Мы едем домой в угнетающем молчании, оба поглощенные своими собственными не радостными мыслями. Подъезжаем к дому, я непонимающе оглядываюсь по сторонам. У меня иссякли все силы, нет даже сил, чтобы открыть дверь автомобиля и зайти в дом.

Он открывает мою дверь и протягивает руку. Со вздохом я кладу свою руку в его и позволяю просто вытащить себя из машины, поставив в вертикальное положение.

Миссис Робертс из соседнего подъезда встречается с нами на асфальтовой дорожке.

— С тобой все в порядке, дорогая?

Я автоматически киваю.

— Спасибо, да.

Она смотрит на нас сбита с толку, пока Би Джей помогает мне подняться по ступенькам. Он открывает входную дверь, мы входим в наш тихий дом.

— Хочешь ненадолго прилечь, милая? — спрашивает он.

Я киваю.

— Да, неплохая идея. Но сначала я хотела бы выпить стакан воды.

— Конечно, — он, кажется, рад быть чем-то мне полезен. Я наблюдаю, как он удаляется в сторону кухни. Слава богу, что Нора домработница, сегодня выходная. Я не в состоянии

никого видеть. Би Джей возвращается со стаканом воды, который я полностью выпиваю и отдаю ему назад. Он ставит его на ближайший столик и возвращается ко мне.

Мы вместе поднимаемся по лестнице, доходим до кровати, и я просто рухаю на матрас. Он садится на корточки и аккуратно снимает с меня туфли. Я опускаю глаза на него, его роскошные ресницы отбрасывают густые длинные тени на щеки, и безумная, совершенно неуместная мысль возникает у меня в голове — я хочу заняться с ним сексом. На секунду возникает такое сильное чувство вины и приходит утешительная мысль: это не сумасшествие, а инстинкт. У моего тела нет собственного разума, каждый раз, находясь рядом с ним, мое тело жаждет его.

Я закрываю глаза и первое желание со стыдом уползает прочь. Нежно Би Джей целует мои ладони и закрытые веки, потом он поднимается, и я ложусь. Тихо он накрывает меня одеялом.

— Спасибо, — говорю я.

Он уверенно кивает, задергивает шторы и выходит из комнаты, закрыв за собой дверь. Я слышу, как он мнетя за дверью, затем делает несколько шагов в сторону, потом останавливается, возвращается к двери. Но, не заходит, а спускается вниз по лестнице.

Я лежу в кровати и пялюсь в потолок, в полном недоумении. Мысли крутятся с такой скоростью, как белка в колесе, пытаюсь найти выход. Должен же быть другой путь. Медленно я кладу руки на живот. Слышу, как Би Джей поднимается по лестнице. Я опускаю руки, поворачиваю голову в сторону и закрываю глаза.

Он стоит надо мной, зная, что я не сплю. Садится на кровать.

— Я люблю тебя, Лейла. Что бы ни случилось, я люблю только тебя. Ты вся моя жизнь. Без тебя ничто не имеет смысла, — его голос срывается, но я не открываю глаз, у меня текут слезы.

— Я уезжаю. Вернусь через час, есть кое-что в чем мне стоит разобраться. Просто отдохай, хорошо?

Он целует меня в голову, а затем я слышу, как он сбегает вниз по лестнице. Я знаю, что он принял какие-то решение, и теперь полон сил его осуществить. Теперь он сделает все, что в его силах. Я выжидаю, когда за ним закрывается входная дверь, потом встаю. Я выхожу из нашей спальни и поворачиваю направо в детскую.

Открываю дверь, вижу кроватку, которую купила Лилия и я, и весь ужас происходящей ситуации ударяет по мне. Колени подкашиваются, и я падаю на пол при входе в детскую. Руки сами собой обхватывают тело, которое начинает колотить от холода. У меня такое чувство, будто я сплю, и мне кажется, что даже мое сердцебиение замедляется.

В этот странный момент, я вспоминаю, как мама возила меня к тарологу, я была еще совсем маленькой девочкой. Я отчетливо помню все, словно это случилось вчера, как она сказала матери: «Я не могу прочесть ее карты сейчас, Мара. У нее особенная судьба. Великая жертва будет предложена ей. Если я все еще буду жива тогда, я прочту ей карты».

Даже будучи маленькой девочкой, я до сих пор чувствую беспокойство и невысказанный страх. Мне даже не нужно было объяснять, чтобы почувствовать это.

— Что это значит? — спрашивает мама.

Но она больше не проронила ни слова.

Я спотыкаясь спускаюсь вниз по лестнице и ищу свою сумочку, дрожащими руками роюсь внутри, пытаюсь отыскать свой мобильный. Сделав глубокий вдох, звоню маме.

— Ма, — говорю я в трубку. Мой голос, звучащий отстраненно и спокойно, даже меня

шокирует. Несколько часов назад, я не понимала, как кто-то может казаться равнодушным и таким отстраненным, когда что-то умирает внутри тебя. Теперь я знаю. Хладнокровная, стоическая, даже можно сказать жесткая часть меня, отделилась, чтобы действовать самостоятельно. Появившееся равнодушие — цена, которую платишь за возможность говорить.

— Ах, я как раз собиралась тебе позвонить, — весело говорит мама.

— Зачем?

— Я в магазине и увидела самое симпатичное маленькое пальтишко, купила розовое для нашей Лилианы. Могу я купить такое же только синие для Томми, а?

Это похоже на удар под дых. Единственный способ справиться с этим, встать в оборону.

— Почему ты назвала его Томми, ма?

— Би Джей сказал мне, что вы оба решили его так назвать.

Невольная улыбка расплывается у меня на лице, скрасив жесткие черты.

— Ах, Би Джей! Хитро с его стороны.

— Ты передумала так его называть? — спрашивает мама.

— Нет. Нет, мы не передумали. Мы за Томми. Да, купи для него синее пальто, — говорю я.

— Хорошо. Зачем ты звонишь?

— Я хотела бы номер телефона, той гадалки на картах Таро, к которой ты всегда ходишь. Я забыла, как ее зовут.

— Ты имеешь в виду Куини?

— Да, именно.

— Я пришлю тебе ее номер. Ты хочешь сходить к ней?

— Да.

— Мы можем пойти вместе, если хочешь.

— Нет, ма. Я хотела бы навестить ее сегодня.

— Что случилось?

— Ничего плохого. Просто хотела спросить кое-о-чем.

— Она должна быть свободна сейчас, по понедельникам она не работает. Слишком тихо на пирсе. Я напишу ее номер. Созвонимся тогда позже вечером.

— Спасибо, ма.

Тут же приходит смс-ка от мамы, и я звоню Куини, договорившись приехать к ней через полтора часа. Затем посылаю Би Джейю смс-ку:

Мне нужно кое-что сделать.

Поеду прямоком в Silver Lee

Позвоню тебе, когда прибуду. ХХ

Я отключаю мобильный, ввожу адреса Куини в GPS, и еду на автомобиле к ней, на парковку трейлера. Добираюсь меньше чем за час, выхожу из машины и иду по направлению к ее вагончику.

Ноги сами собой помнят путь, ума не приложу, как им это удастся. Все мое тело словно стремится к ней, зная где она живет. Такое впечатление, будто тело, специально запомнило путь, зная, что однажды я вернусь к этой женщине, способной заглядывать в будущее. Она открывает дверь, одетая в свой цветастый халат, такая маленькая и высохшая. Я совершенно

не помню ее такой.

— Бедная девочка. Так скоро у тебя попросили жертву, — говорит она с грустью.

У меня непроизвольно начинает подрагивать подбородок.

Она отходит в сторону, пропуская меня внутрь, приглашает сесть.

— Что ты хочешь от меня? — спрашивает она.

— Прочитай мои карты.

33.

Лейла

Лягушки в животе пожирают все плохое.

Лягушки в животе показывают злу выход!

Старинное цыганское заклинание

К тому времени, как я приезжаю в Silver Lee, автомобиль Би Джея уже припаркован перед домом. Он выбегает мне навстречу, волосы растрепаны, словно он все время тормозил их, глаза горят.

— Где ты была? — требует он ответа.

Я должна чувствовать себя виноватой, но у меня нет такого чувства. Без эмоциональная и стоическая часть меня все еще главенствует надо мной.

— Я ездила к знакомой моей мамы.

Он смотрит на меня в недоумении.

— Какого хрена, Лейла? Я так волновался, ты отключила телефон. Я не знал, как до тебя добраться.

— Прости. Мне просто нужно было немного времени, чтобы подумать.

— Нам нужно поговорить.

Я останавливаю его рукой.

— Не сегодня.

Он открывает рот, чтобы возразить.

— Пожалуйста, Би Джей. Завтра. Мы поговорим завтра.

Он смотрит на меня с тревогой.

— Нам надо поговорить, это не исчезнет, Лейла.

— Еще один день ничего не изменит, — тихо говорю я.

— Правильно. Хорошо. Завтра. Но завтра, крайний срок.

— Спасибо, Би Джей, — я осматриваю себя. — Я чувствую себя немного грязной,

думаю, мне стоит принять душ.

Он пристально смотрит на меня, но я игнорирую его взгляд, встаю на носочки и нежно целую в губы, прежде чем пойти в дом. Он остается на том же месте, словно врос в землю, и смотрит на меня с замешательством.

— Привет, Лейла, — весело кричит Марсель из кухни.

— Привет, Марсель, — приветствую я его, поднимаясь по лестнице.

Я быстро принимаю душ, переодеваюсь и спускаюсь вниз. Би Джей стоит спиной к двери, глядя в окна. В одной руке у него стакан с янтарной жидкостью, в другой — сигарета. Открытая бутылка виски стоит на столе. Крышка небрежно брошена на стол. Я надела балетки на плоской подошве, и он не слышит меня. Пару секунд я наблюдаю за ним. Он полностью погружен в свои мысли, его мощные плечи сгорблены и напряжены.

— Я никогда раньше не видела, чтобы ты пил виски.

Он поворачивается, прищурившись смотрит на меня, молниеносно обшаривая мое тело.

— Да, мне нужно что-то крепкое для моих нервов, — он затягивается сигаретой и тушит ее в пепельнице, стоящей на подоконнике. Распрямляет плечи и внимательно осматривает.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — медленно спрашивает он.

Я моргаю, у меня в сердце возникает резкая боль. Я не пила алкоголя, как только узнала, что беременна, и он никогда не предлагал до сегодняшнего дня.

Мы пьем друг на друга.

— Бокал белого вина, — тихо говорю я.

Он подходит к бару, достает бутылку из холодильника и наливает мне бокал.

Я беру его, наши руки соприкасаются, искра проходит по всему моему телу.

Наблюдая за ним через край бокал, я делаю глоток. Ощущая холод на своем языке, но на вкус не слишком уж хорошее. Возможно, я не в настроении.

Он поднимает свой стакан, и смотрит на меня ничего не выражающими глазами.

— Не хочешь рассказать, что ты делала сегодня?

Я сажусь на диван.

— Я ездила к тарологу моей матери.

— И, — говорит он осторожно. — Что она сказала?

— Не так много. Ничего, что могло бы помочь, — я опускаю глаза на пол.

— У нас будут еще дети, Лейла. Я обещаю.

Я вскидываю голову и смотрю на него.

— Я не хочу обсуждать это сегодня. Пожалуйста, Би Джей.

— Хорошо, — с неохотой и ноткой разочарования соглашается он.

Я ставлю бокал на журнальный столик и складываю руки.

— Может мы погуляем? — спрашивает Би Джей.

— Да, давай.

Мы не уходим далеко, тут же одновременно поворачиваем назад, как только доходим до конца улицы, которая ведет к лесу. Ужин готов, и мы садимся за стол в большей степени, перемещая еду по тарелке) на террасе на крыше, чувствуется натянутое молчание. Затем мы поднимаемся в спальню и трахаемся, как животные, засыпаем, переплетаясь в объятиях друг друга.

Последние слова, которые я слышу перед тем, как провалиться в сон, шепчущие мне на ухо:

— Боже, если что-нибудь случится с тобой.

Я просыпаюсь ночью. Одно из окон открыто и легкий ветерок врывается в комнату. Кругом очень тихо, я встаю с кровати, натягиваю рубашку через голову, и отправляюсь в детскую. Шторы открыты, и вся комната купается в лунном свете. Я открываю одно из высоких окон и сажусь на широкий выступ, болтая ногами вниз. Подо мной буйно цветут кусты роз. Их головки настолько большие, что похожи на кочаны капусты в темноте. Вдалеке стоит огромная плакучая ива, грустно склонив свои ветви к земле.

Я слышу позади себя шорох, но не оборачиваюсь.

— Не можешь заснуть? — спрашивает он.

Я отрицательно качаю головой. Он подходит и встает позади меня, и я чувствую жар от его тела.

— Не думаю, что мне нравится, когда ты сидишь так на карнизе. Ты можешь упасть.

Я смотрю на него. В лунном свете его лицо, словно выточено из красного дерева.

— Я не собираюсь падать, — спокойной отвечаю я.

Он садится рядом со мной, но ноги его остаются в комнате. Я поворачиваю к нему голову и смотрю в глаза.

— Уже наступило завтра. Нам нужно поговорить, Лейла.

— Хорошо, давай поговорим.

— Нам нужно проконсультироваться еще с кем-то. Я договорился о встрече завтра днем с врачом-онкологом. Он лучший в Англии.

— Хорошо.

— Если он подтвердит диагноз, то мы сразу же прервем беременность и начнем лечение.

Я опускаю голову.

— Лейла?

Я поднимаю на него глаза.

— И у нас никогда не будет детей?

Он даже не задумывается, чтобы ответить.

— Да, — совершенно отчетливо говорит он.

— Я не согласна, — говорю я.

— Мы возьмем приемных, достаточно детей, которые нуждаются в хорошем доме.

Он все рассчитал. Я касаюсь пальцами такого мне дорогого лица.

— Я не убью своего ребенка, Би Джей.

34.

Лейла

Я по-прежнему обнимаю его лицо.

— О чем черт побери ты говоришь?

Я убираю руку от него и крепко обнимаю себя.

— Я не брошу своего ребенка. Он совершенно здоров, и это совершенно не справедливо, что он должен лишаться жизни только лишь потому, что я больна.

Он встает и начинает мерить шагами комнату. Я поднимаю ноги и поворачиваюсь к нему. Он останавливается прямо передо мной. Его лицо побледнело, вокруг губ залегла белая линия. Он явно в ярости, такое чувство, словно хочет сожрать меня.

— У тебя не будет ребенка, если ты родишь его, ты умрешь, Лейла.

— Могу умереть, — поправляю я.

Он всплескивает руками в недоумении.

— Ты была в кабинете врача вместе со мной? Ты не слышала, что он сказал? Злокачественная опухоль, которая прогрессирует. Риск не стоит того. Отслойка плаценты. Плод не выживет.

— Тогда пусть он сам все и завершит. Убийство собственного ребенка против всех моих инстинктов и убеждений, в которых меня воспитывали. Я не могу совершить этого и продолжать жить.

Он так потрясен, что делает шаг назад.

— Господи, Лейла. Это не убийство. Это еще не родившейся плод. Он не имеет понятия о жизни. Он только существует. Ты же совсем другое дело — ты живешь и тебя любят так много людей, и ты прекрасна.

— Ты хочешь мне сказать, что жизнь будет продолжаться, и ты будешь любить меня также после того, когда я убью своего ребенка? Ты можешь пообещать, что я не буду просыпаться в холодном поту посреди ночи, услышав плач своего ребенка? Или остальную часть своей жизни, я не буду задаваться вопросом, каким бы он вырос и каким бы стал?

Он смотрит на меня с ужасом, с открытым ртом.

— Как я остановлю плач моего невинного ребенка, если я единственная, кто виноват в его смерти? Это всю жизнь будет кровавым пятном на моей душе.

— В таком случае, тебе не стоит принимать это решение. Я приму. Пусть это будет кровавым пятном на моей душе.

Я встаю и направляюсь к нему.

— Этот ребенок принадлежит нам, но в данный момент находится в моем теле, и я буду защищать его до последнего вздоха.

— Ты действительно веришь, что этот ребенок вырастит счастливым, зная, что он убил собственную мать?

— Нет, он вырастет с чувством, что его мать любила его так сильно, что отдала свою жизнь, чтобы он смог выжить. Какая прекрасная мысль, с которой стоит идти по жизни. Какое богатство!

— Я не могу поверить, что ты такое говоришь. Ты на самом деле просто сама избалованный ребенок, который делать то, что хочет. Гребанные последствия получают все остальные, — жестко обвиняет он.

Я качаю головой.

— Да, это правда, всю свою жизнь меня баловали и давали все, что я хотела. Мне стоило просто попросить и это появлялось. И я жила как принцесса, не затронутая страданиями, никогда не проходила и не углублялась во все страдания этого мира: в Африке

голодают дети, несчастные палестинцы в секторе Газа, жалкие дети-рабы в Китае, которые делают мне модные кроссовки, и бесчисленное насилие, происходящее в этом большом, несправедливом мире. Но, видишь ли, я никогда не хотела изменить эту ситуацию. Я никогда даже не думала, что смогу. Это впервые, когда я смогу. Я знаю, что это большая просьба, но я смогу.

— Кем ты возомнила себя сейчас? Гребаным Буддой?

— Не думаю. Но я знаю, что этот ребенок пришел ко мне, я не убью его.

— Так ты позволишь ему убить себя? — спрашивает он.

— Не высечено на камне, что я умру, если рожу ребенка. Врачи могут ошибаться. Я собираюсь сделать все от меня зависящее, чтобы все было хорошо.

— И как ты собираешься это сделать? — огрызается он.

— Я собираюсь принять весь комплекс мер, чтобы рак не прогрессировал, пока ребенок не подрастет и не сможет выжить вне моего тела. Пока Лили была беременна, я узнала много от нее о еде, о правильных продуктах и травах, которые могут лечить и держать в страхе многие заболевания. И во время родов Лили, я многое узнала от ее бабушки.

— Это чистое безумие. Ты говоришь о травах, способных побороть рак!

— Не переворачивай мои слова. Мои планы на самом далеко идущие, намного дальше, чем ты предполагаешь.

— Я не позволю тебе этого сделать, Лейла.

— Ты не сможешь остановить меня, Би Джей. Никто не сможет. Я приняла решение.

— А что, если бы это произошло со мной? Как бы ты себя чувствовала?

Я хмурюсь, поскольку не задумывалась над этим.

— Если честно, наверное, реагировала точно также, как ты, но дело в том, что я — не ты. Я — это я. Лейла. Единственный человек, который борется за этого ребенка. Он выбрал меня в качестве мамы. Живет внутри меня, и пока он не способен выжить в этом мире самостоятельно, я его не предаю.

— Я не хочу иметь этого ребенка без тебя, — огрызается он.

Мои руки тут же в защитном жесте прикрывают живот, словно он своими словами может ударить по моему не родившемуся малышу.

Он печально качает головой.

— Я не буду любить его, Лейла, если он убьет тебя. Каждый раз, когда я буду его видеть, я буду вспоминать, что он стал причиной твоей смерти.

Я улыбаюсь.

— Знаешь, я не переживаю, что ты не любишь его. Ты обязательно полюбишь, потому что он часть тебя и меня.

Он прикрывает глаза, потом смотрит на меня и в них светиться такая боль.

— Прости, но я не могу пойти на это, Лейла. Другие мужчины возможно могут, поскольку так не любят своих жен, как я люблю тебя. Я просто не могу. Я не могу молча стоять и смотреть, как ты гробишь свою жизнь ради моего ребенка. Я не могу выбрать его вместо тебя. Не могу, просто не могу. И ты не можешь просить меня об этом.

— Нам всего лишь нужно продержаться еще три месяца. На самом деле, даже не три месяца. А всего лишь 77 дней и будет 25 недель, и можно будет спокойно сделать кесарева сечение.

— У нас нет этих трех месяцев. Ты не поняла, что означает прогрессирующее злокачественное образование? Оно съест тебя изнутри. Тебе необходимо его вырезать сейчас

же или будет слишком поздно.

— Я уверена, что смогу продержаться 77 дней. Мы сделаем календарь и будем вместе зачеркивать дни, хорошо?

Он поднимает глаза к потолку и выдыхает.

— Не пытайся успокоить меня, Лейла, у тебя не получится. Я чувствую себя полностью разорванным на части. Я не смогу заботиться об этом ребенке... без тебя. Ты родишь сироту.

Я кладу палец ему на губы.

— Тсс... ничего не говори. Я хочу назвать нашего малыша Томми.

Он закрывает лицо руками, я запускаю пальцы в его шелковистые черные волосы.

— Надеюсь, у него будут черные волосы, — шепчу я.

Он молчит.

— Надеюсь, он будет похож на тебя.

Би Джей дергается всем телом.

— Я люблю тебя, Би Джей.

Он смотрит на меня с горечью.

— Черта с два, Лейла.

— Я люблю тебя, Би Джей.

— При такой любви, как твоя, мне не нужны даже враги, — срывающимся голосом отвечает он и широким шагом выходит из комнаты.

Я слышу, как он спускается по ступенькам, затем хлопает входная дверь. Я поворачиваюсь к окну, он направляется к своей машине. Открывает дверцу и смотрит на меня в окне. Мы пристально смотрит друг на друга. Он садится в машину и колеса со скрежетом шелестят по гравиию.

Я сажусь на подоконник ожидать его возвращения.

Кажется, словно проходит вечность, прислонившись головой к стеклу, слышу вдалеке мощный рев мотора. Он останавливается и поднимает голову к окну, видит меня и бежит. Я слышу его шаги через три ступеньки, он распахивает дверь, несется ко мне и берет меня на руки.

— Ты замерзла, — говорит он, его голос такой тихий и нежный.

— Я ждала тебя.

— Что сказала эта гадалка на таро?

Я отстранюсь от его груди.

— Она сказала, что я родилась, держа три линии судьбы в своей руке — свою, твою и ребенка.

— Я люблю тебя больше, чем саму жизнь, поэтому четко говорю тебе сейчас — я сделаю все, что в моих силах, чтобы остановить тебя... от рождения этого ребенка.

Лейла

— Лейла, конечно же, все мы целиком и полностью расстроены по поводу ребенка, но мы не можем позволить тебе так поступить. Ты не можешь ждать этого от нас. Мы очень сильно любим тебя. Ты не можешь так с нами поступить, и особенно с Би Джем, — спокойно и нежно говорит Джек.

Я смотрю на каждого в отдельности: мама, Джек, Доминик и Шейн. Вот уже полтора часа они поочередно уговаривают меня, подлизываются, иногда повышают голос и даже угрожают, с одной целью — заставить меня передумать. Все они поочередно бросают на меня взгляды, словно я окончательно и бесповоротно сошла с ума. Возможно, я действительно стала сумасшедшей. Но единственное, и я знаю это совершенно четко — Томми выбрал меня, чтобы я стала его матерью. И я согласилась, поэтому не заберу свои слова назад.

— Я не передумаю. Вы можете либо помогать мне всеми способами, удерживать рак на существующем уровне последующие 76 дней, либо можете стоять в стороне и наблюдать, как я буду бороться с ним в одиночку, — снова повторяю я свою позицию.

И совершенно невозмутимо смотрю на них.

Джек в недоумении качает головой, сердито взмахнув руками, выходит из комнаты. Я знаю, что он вернется. Джек так легко *не сдастся*, но я *выиграю* этот раунд.

Как всегда, мягкосердечный Доминик сдается первым.

— Хорошо. Я помогу тебе. Скажи мне, что я должен делать, и я сделаю.

К огромной радости, я бросаюсь ему на шею и крепко обнимаю.

— Спасибо. Большое спасибо, Дом. Ты даже не представляешь, что это для меня значит, — говорю я, слезы скапливаются в уголках глаз.

Следующим капитулирует Шейн, я кидаюсь в его объятия. Но мама просто сидит, как статуя, и слезы текли у нее по лицу.

— Оставьте меня ненадолго с мамой, — говорю я братьям. Они выходят из комнаты, и молча закрывают дверь.

Я сажусь рядом с ней, беру ее за руки и заглядываю в глаза, и мы начинаем плакать, просто рыдать.

— Как такое могло с тобой произойти? — всхлипывает она. — Ты моя девочка, без тебя нет радости в этой семье.

— Тогда помоги мне справиться с этим, — сдержанно говорю я.

— Как?

Я вытираю глаза.

— Я уже порылась немного в инете, но собираюсь еще больше всего изучить. План

таков — оставаться здоровой, чтобы рак не мог больше прогрессировать. Мне нужно продержаться всего лишь 76 дней, — говорю я, хлюпая носом.

Я вижу еле заметный луч надежды, появившийся в глазах матери.

— 76 дней?

Я киваю.

— Всего лишь 76 дней, ма. Это не так много, чтобы родить ребенка, да?

Моя мать прикрывает рот рукой и качает головой.

Я вздыхаю с облегчением.

Вдруг она говорит:

— Я так горжусь тобой, Лейла. Ты выросла очень хорошим человеком.

Я могу конечно же пойти домой и сесть за свой ноутбук, чтобы еще больше нарыть всего в интернете, но я хочу, чтобы она тоже участвовала в этом, поэтому мы поднимемся в комнату и идем к компьютеру, которым она так никогда и не пользовалась, чтобы провести совместные изыскания. Мы специально не просматриваем лечение аллопатов или сайты, которые не одобряют известные врачи. Спустя два часа у нас имеется кипа распечатанного материала. Мы разделяем их на две части. Ма берет одну, я — вторую.

Уже почти время ланча, когда я поднимаю голову от статьи. Би Джей ждет меня дома. Сколько я себя помню, мама всегда стояла на кухне, постоянно что-то готовила. Сегодня она надела на нос свои очки для чтения и кухонный стол завален разными бумагами.

Я кидаю взгляд на маму и чувствую тоску, но вовремя беру себя в руки. Я не должна позволять себе даже на секунду подвергать сомнению свое решение, потому что за этим скрывается огромный страх и мои силы будут быстро угасать.

— Пока, ма, — говорю я, целуя ее в макушку.

Она крепко обнимает меня, и следует за мной к выходу. Ее одинокая фигура стоит в дверях нашего дома и машет мне.

36.

Лейла

«Пусть пища будет твоим лекарством, а лекарство пищей»

Гиппократ, отец современной медицины

Я приезжаю домой и нахожу Би Джея на террасе на крыше. Он бросает на меня взгляд и отворачивается, рассматривая открывающийся вид.

— Привет, — говорю я и сажусь рядом с ним.

— Привет, — отвечает он, его голос звучит как-то странно, и это заставляет меня повернуться к нему и более внимательно присмотреться.

— Что ты делал? — спрашиваю я.

Он пинает что-то ногой, и пустая бутылка из-под виски выкатывается, прибываясь к ножке стола.

— Понятно.

— Я подтвердил твое назначение на биопсию завтра в девять утра, — говорит он.

— Я не пойду.

— Да? Можно узнать почему? — спрашивает он немного агрессивно.

— Потому что нет смысла, не так ли? Они подтвердят диагноз доктора Фридмана, и увеличат шансы на выкидыш.

— Господи, все становится намного хуже, — яростно бормочет он.

Я дотрагиваюсь до его руки.

— Би Джей? Помнишь, ты как-то сказал, что сделаешь все ради меня?

Он закрывает глаза, гнев немного проходит.

— Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал теперь.

Он моментально открывает глаза. Они такие черные, что кажутся норами зверьков, на его грустном лице.

— Я хочу тебе кое-что рассказать, — говорит он тихо.

— Хорошо.

Он смотрит на меня с тоской и горечью.

— Это не будет радостным.

Я молчу. От его слов у меня возникло такое чувство, словно сам воздух превратился в самое тонкое стекло, настолько хрупкое и холодное. Мне становится страшно, слишком многое на меня навалилось, и я боюсь, что не смогу справиться со всем, особенно с тем, что он скажет. Я наклоняю голову вниз.

— Я никогда никому не рассказывал, я даже не позволял себе предполагать это.

Я смотрю на него, не смея дышать.

— Хочешь узнать, почему я участвую в боях? Почему я становлюсь бешеным на ринге, что однажды даже не убил человека?

Я вспоминаю, как он напал на своего оппонента на самодельном ринге, жестоко и беспощадно. Легкий ветерок ерошит его волосы и бросает прядь на лоб. Глаза такие уязвимые и незащитные. Да, я смогу справиться с этим. Со всем справиться. Я киваю.

— Во время моего рождения у матери неправильно приняли роды, у нее полностью не раскрылась шейка матки. Она порвалась, и она потеряла возможность вынашивать ребенка. Мать потеряла четырех детей: мальчика на 18 неделе, близнецов на 22 неделе, и еще девочку на 21 неделе. Были и другие, но все они выпадали кровяными комочками в туалете. Это разрушило ее жизнь.

Я начинаю дрожать только от одной этой мысли.

— Говорят, что у меня улыбка моего отца. Все так думают. Все также думают, что он был идеальным отцом. Никто не знал, что он всю жизнь винил меня за смерть моих не рожденных братьев и сестер, или что он часто неоправданно поколачивал меня.

Я смотрю на него в шоке.

Он горько улыбается.

— Даааа. И кулаки у него как молоты, сильные и жесткие. Дважды ломал мне челюсть.

Он утверждал, что таким образом, заставляет меня быть жестким, но мне кажется ему просто нравилось меня бить, унижать, он развлекался таким образом. Я понял, когда был еще маленьким, что он хотел увидеть мои слезы, но я никогда не плакал. Я хранил все внутри. Весь гнев. Всю боль. Все обиду.

— Ох, Би Джей, — с трудом произношу я.

— Как только мне исполнилось пятнадцать, я стал искать с кем бы подраться. Я шел в бар или клуб, и весь гнев, который копился во мне, выплескивал, вплоть до того, что какого-то парня отправляли в госпиталь, всего лишь из-за косога взгляда в мою сторону. Любой самой маленькой и незначительной провокации было достаточно, чтобы я впадал в ярость. Я представлял из себя бомбу замедленного действия, готовую взорваться в любой момент.

— Все это отравляло мне кровь. Каждый раз через какое-то время мне необходимо было выпустить пар, как кровопускание больному, чтобы снять стресс. Каждая победа на ринге была победой над моей уязвимостью, за то детство с отцом.

Я хмурюсь от смущения.

— Тогда зачем ты доверяешь мне рассказ о своем отце?

— Доверяю. Я доверял ему, поэтому позволял причинять мне боль. Он показывал мне свое настоящее лицо, которого никто не видел.

— А твоя мать. Она знала?

— Знала, но ничего не могла с этим поделать, или делала вид, что не могла. Мы оба делали вид.

— То что с тобой случилось это просто совершенно ужасно. Но какое отношение это имеет к нашему ребенку?

— Я копия своего отца. Я буду также бить своего сына, Лейла. И даже не буду пытаться, помочь ему этого избежать.

Я замираю.

— Ты не такой, как твой отец, — шепчу я.

— Ты не знаешь этого. Я даже не знаю, что еще сидит внутри меня. Его жестокость создала во мне монстра.

— О, мой великий, большой герой, мое сердце, моя любовь, ты — *не твой* отец. Ты никогда им не станешь. Я даже не секунды не сомневаюсь, что ты сможешь бить нашего Томми. Ни одной секунды. Твой отец был монстром, но я знаю, что ты не такой.

Он опускает взгляд на руки.

— Я не буду его так любить, как стоит, если ты не будешь жить. Если ты умрешь, я пойду за тобой.

Я сажусь на корточки перед ним.

— Послушай меня. Я не планирую умирать. Я на самом деле думаю, что у меня все получится. Получается же у других. Я все утро рылась в интернете вместе с ма. Я вычитала, что люди борются с раковыми опухолями всевозможными методами.

Он внимательно смотрит мне в глаза, да он очень сильно хочет поверить, но боится так рисковать. Он хочет все же пойти по пути наименьшего сопротивления.

— Рак — это не микроб, который можно подцепить в грязной воде или еще где-нибудь. Это разрастающаяся ткань в моем собственном организме. Даже если они вырежут все, и я буду жить точно так же, как жила до этого, мой организм может произвести ее опять.

— Я чувствую себя таким бл*дь беспомощным.

Я мягко улыбаюсь.

— Ну, ты на самом деле не так уж и беспомощен, как тебе кажется.

Он с удивлением смотрит на меня.

— Возможно тебе покажется это смешным, но... помнишь я просила тебя, чтобы ты оставил свой наркобизнес? Кажется, теперь мне необходимо, чтобы ты вернулся к нему. Мне нужно, чтобы ты снабжал меня марихуаной.

Его глаза расширяются и становятся как блюдца.

— Мне нужны свежие листья и почки. И мне нужно их очень много.

Он хмурится.

— Для чего?

— Видишь ли лист марихуаны имеет сильные лекарственные вещества — антиоксидантные, противовоспалительные и нейропротекторные, но он содержит также противораковые питательные вещества, называемых каннабиноиды, которые способны на многие чудеса, но самая захватывающая вещь — они способны нормализовать клеточные связи в организме. Они устраняют разрыв в нейротрансмиссии в центральную нервную систему и головной мозг действует в двух направлениях от передачи информации к положительной обратной связи. Поэтому для людей вроде меня, чьи системы дала сбой из-за раковых клеток, восстановление положительной обратной связи возможно именно таким образом.

— Ты собираешься все время быть под кайфом?

Я отрицательно качаю головой.

— Нет, необходима специальная термическая обработка, чтобы выделить другие вещества и превратить в наркотик. Я собираюсь же делать сок из сырых листьев марихуаны, употреблять почки в салаты и ростки.

— Я очень хочу поверить, что конопля вылечит тебя, но должен признаться, это звучит очень уж надуманно.

— Во-первых, марихуана или конопля — это только один ингредиент в целом ряде мер, которые я собираюсь предпринять. Раковые клетки растут в кислотной среде. Значит, мне нужно будет удерживать щелочную среду. И я не собираюсь больше употреблять ГМО и пестициды, а перейду на вегетарианское питание, исключив стресс и так далее. Вот, взгляни на это, — я открываю сумку, роюсь в бумагах, нахожу нужную статью и отдаю ему. Он с нетерпением просматривает страницу.

— Проверим, — говорю я. — Хотя правительственные органы власти постоянно отрицают, что марихуана имеет какие-либо положительные вещества, на которое правительство выдает патенты с октября 2003 года. 26 методов использования каннабиноидов в качестве антиоксидантного и нейропротекторного средства. — Я показываю пальцем на строку. — Посмотри, патент США за номером 6630507?

Он смотрит на меня, почти поверив, но не до конца.

Я хватаю его за руки.

— Ты должен мне поверить. У меня все получится.

Он тяжело вздыхает.

— Даже люди, страдающие последней стадией рака, смогли победить его, — говорю я.

— Хорошо, Лейла. Согласен. Я достану тебе марихуану, — он не отрывает от меня глаз. — И я присоединюсь к твоей новой диете.

— О, мой дорогой. Тебе не обязательно, поскольку ты возненавидишь ее. Мой рацион, как правило, будет состоять из трав — люцерна, ростки, кефир и много еще ужасных вещей.

— Что, черт возьми, за кефир?

— Живые организмы, который добавляются в молоко или сметану, создавая продукт на пробиотиках.

Он содрогается от одной только мысли.

Я смеюсь.

— Эй. Я не хочу, чтобы ты соблюдал мою диету. Мне необходимо, чтобы ты хорошо питался и был счастлив. Когда ты счастлив, я тоже чувствую себя счастливой. А когда я чувствую себя счастливой, мое тело тоже счастливо.

— Ты будешь отдельно готовить для себя?

— Зачем? Моя еда по любому в основном будет в сыром виде.

— Но тебя будут смущать запахи от моей еды.

— Ну и что?

Он медленно кивает.

— Нет. Я хочу сесть с тобой на диету.

— Это никак мне не поможет, поэтому не имеет никакого значения.

— Зато для меня это будет иметь значение. Мы будем есть одну и ту же пищу, или же я не буду вообще есть.

— Хорошо, — у меня наворачиваются слезы.

37.

Би Джей

Сегодня утром я наблюдаю за ее галочками на нашем календаре, который содержит священную информацию: 60 дней. Она разворачивается ко мне все светящаяся и полная надежд. Я отправляюсь на работу, звоню ей несколько раз. Все хорошо, но когда в семь часов вечера, я возвращаюсь домой, она лежит в постели.

Я спешу к ней.

— Что случилось?

— Ничего страшного. Всего лишь почувствовала боль.

— Где болит?

— Это нормально. Даже Лили испытывала такие приступы. Не волнуйся, с ребенком все в порядке, — успокаивает она.

Она пугает мою слепую ярость со страхом.

— Не беспокойся, дорогой. Вероятно, будет еще много таких дней.

— Что бл*ть с тобой не так? — реву я. — Как ты можешь такое делать с собой?

Опешив от моего гнева, она пытается начать по новой мне объяснять свою безумную позицию.

— Дорогой мой, — говорит она. — Со мной все в порядке. Правда. Я всего лишь

прилегла, чтобы облегчить нагрузку на матку.

— Конечно. Очевидно, что ты не желаешь отправиться в больницу и выслушать настоящее мнение врача.

Она смущается.

— Нет, не хочу.

— Отлично, — бросаю я и в полном отчаянии убираюсь из дома. Я слышу, как она окликает меня, но какой смысл? Она просто будет взрывать мне мозг своим бредом.

Я сажусь в машину, запускаю двигатель и не разбирая пути еду. В конце концов, я очухиваюсь у одного из клубов Доминика. Парковщик прыгает в мою машину и по рации сообщает сотрудникам на ресепшен о моем прибытии, меня встречают с широкими улыбками, и, конечно, для меня вход свободный. Симпатичная девушка приподнимает занавес и вводит в VIP-зону. Метрдеотель подходит ко мне с широченной улыбкой.

— Мы давно вас не видели, — говорит она тихо. — У нас есть очень хорошая девушка блондинка, которая может присоединиться к вам. Анастасия, русская, с красивым телом.

Я киваю, и она ведет меня к диванам. Сейчас еще рано и почти никого нет. Танцует с длинными темными волосами девушка на сцене, чем-то напоминающая мне Лейлу. Я быстро отворачиваюсь.

Я сижу на диване, приходит официантка.

— Все, как обычно? — спрашивает она.

— Нет. Принеси мне бутылку рома.

— Конечно.

Блондинка, очевидно Анастасия, дефелирует ко мне. У нее своеобразная красота, ее можно описать, как стильная девушка кролика Роджера. Она останавливается напротив моего столика, встав в позу, чтобы показать во всей красе свое тело.

— Привет, большой парень, — говорит она с придыханием.

— Привет.

— Желаете танец?

— Конечно, — отвечаю я и кладу двадцать фунтов на стол, подтолкнув к ней.

Она улыбается и засовывает их под подвязку, начинает танцевать. Поначалу держится на расстоянии, но потом приближается все ближе и ближе, пока ее грудь, волосы, дыхание, как бы случайно не касаются меня. Она точно отработывает свои пять минут.

— Не хочешь купить мне выпить?

— Почему бы нет? — я делаю сигнал официантке.

— Бокал шампанского, — говорит она и поворачивается ко мне.

— Итак, у тебя есть свой клуб?

Я киваю.

— Если мне потребуется работа, я могу прийти к тебе?

— Нет. Я не занимаюсь этой частью бизнеса.

— Конечно. Ты слишком занят.

Я понимаю, что у меня нет настроения разговаривать, поэтому прохожусь взглядом по ее телу. Она воспринимает это как приглашение.

— Не хочешь пройти в VIP-комнату?

— Да, — отвечаю я.

Мы идем в VIP-комнату, подруга кролика Роджера и я, но внутри у меня все мертвое.

Лейла

Мне снится, что я истекаю кровью, кровь просто хлещет из меня. Я стараюсь остановить ее прижав руку, но она начинает просачиваться сквозь пальцы. Чувствую, как мое тело становится все светлее и легче, и я парю над ним. Я смотрю на себя вниз, на свой труп. Мне хочется протянуть руку и прикоснуться к нему. Во сне я думаю; «*Это так я буду выглядеть, когда умру*», затем резко просыпаюсь. Смотрю на часы. Почти полночь, Би Джея нет дома. Я звоню ему, но телефон не отвечает. Я оставляю сообщение и звоню его менеджеру, он не видел его этой ночью. Я обзваниваю все места, где он может быть еще. Нет никто его не видел, тогда я звоню Джеку.

— Я тебе не помешала? — тихо спрашиваю я.

— Нет. Что случилось? — с беспокойством спрашивает Джек, в фоновом режиме я слышу звуки музыки.

— Я не могу найти Би Джея. Он не у тебя?

Я слышу облегчение в его голосе.

— Нет, его здесь нет.

— Я беспокоюсь о нем. Мы... мы поспорили, и он уехал.

Воцаряется минута молчания. Затем Джек отвечает спокойно и по-деловому.

— Я так понимаю, ты уже обзвонила все его рестораны и клубы?

— Да, — отвечаю я, держа телефон обеими руками.

— Мне кажется, я знаю, где он. Не волнуйся. Все будет хорошо. Я напишу тебе чуть позже. Отдыхай, хорошо?

Джек Иден

Я отключаюсь и смотрю на телефон.

— Что случилось? — обеспокоенно спрашивает Лили.

Я поворачиваюсь на ее такой любимый голос. Господи, я не представляю, что должен чувствовать Би Джей. Если бы это случилось с Лили, я бы... я подхожу к ней и целую.

— Лейла звонила, она волнуется за Би Джея, но я знаю, где его можно найти. Не могу

сказать, сколько это займет времени, так что не жди меня.

— Я тебя все равно дождусь.

Я улыбаюсь.

— Одень что-нибудь особенное.

— Не сомневайся.

— Ладно, я пошел.

— Поцелуй его за меня, — говорит Лили.

— Он тебе всегда нравился, не так ли?

— Да, я никогда не забуду, что он спас тебе жизнь.

Я молчу, но тут же появляются воспоминания.

Дороги фактически свободны и у меня уходит меньше часа, чтобы доехать до побережья, раньше здесь находилась пещера с контрабандой. Я знаю, что много лет назад Би Джей ходил туда. Однажды я наткнулся на него, когда мы еще были врагами, но он был очень пьян, поэтому предложил мне выпить. Мы распили бутылку, но он был таким пьяным, что мне кажется у него даже не осталось никаких воспоминаний о той ночи. Даже если они у него и есть, он никогда не говорил об этом.

Как только я сворачиваю с трассы на грунтовую дорогу, вижу его машину. Я останавливаюсь и пишу смс-ку Лейле.

Нашел его. Все хорошо. Проверю, как он доберется до дома.

Моя бедная сестра должно быть сидела рядом с телефоном, словно ястреб, потому что мгновенно приходит ответ:

Спасибо от всего сердца. XXXX

Я достаю фонарь из бардачка автомобиля и отправляюсь ко входу в пещеру. Здесь темно и сухо, ботинки проваливаются в мягкий песок. Через некоторое время, мягкий песок сменяется галькой, и я слышу звук капающей воды. Через несколько метров я оказываюсь перед водой, которая затопила когда-то пещеру. Снимаю ботинки, носки, закручиваю штаны, и пробираюсь через воду.

Как только я выхожу на гальку, одеваю носки и ботинки и иду еще десять минут по извилистому туннелю, который выходит на крутой обрыв к морю, где и сидит Би Джей. Он такой огромный в темноте, что похож на глыбу. Рядом с ним стоит светящаяся лампа. Я выключаю свой фонарик. Глаза останавливаются на блестящем, от лунного света, море, которое похоже на черную маслянистую массу, отражающую небо и звезды.

Я вижу, что он босиком. Должно быть, даже не захотел нести свои ботинки. Я сажусь на край рядом с ним, свесив ноги. Он держит в руках бутылку рома.

— Лейла беспокоится о тебе, — говорю я.

Он передает мне бутылку, я делаю глоток и возвращаю ему. Он делает большой глоток и зажимает бутылку между ног.

— Забавно, не так ли? Было время, когда я так желал, хотя бы на мгновение побыть с ней. Теперь, я, бл*дь, осуществил свое желание, так что мне грех жаловаться.

Я беру бутылку рома и делаю огромный глоток.

Он поворачивается ко мне.

— Если продолжишь в том же духе, то не сможешь отвезти меня к ней. Ты же ради

этого и приехал, не так ли?

— Точно, она позвонила и попросила тебя найти.

— А то, что Лейла хочет, Лейла всегда получает, — с горечью говорит он.

Я хмурюсь.

— Поначалу я тоже хотел, чтобы она прервала беременность, но сейчас я понимаю, что она сделала выбор. И это ее право. Я не могу заставить ее. Она хочет сделать все правильно, чем потом сможет гордиться. Я даже не осознавал, что моя маленькая сестра может быть такой героиней.

Он делает еще один глоток и смотрит на меня замутненными глазами.

— Да, знаю. Я хочу поддержать нашу маленькую героиню и все такое, но не могу. Видишь ли, я всю жизнь хотел только ее. Я даже не могу вспомнить, чтобы я чего-то хотел так сильно. Всю свою жизнь, я ждал ее. А теперь она хочет, чтобы я дал ей свое согласие, чтобы она рисковала своей жизнью ради ребенка, который имеет высокую вероятность самопроизвольного выкидыша. Как, черт возьми, я могу согласиться на это?

— А что будет, если ты не поддержишь ее и... кое-что случится?

Он издает звук, рык перемешанный с глубокой болью.

— Кое-что? Понятно, что.

Я молчу, потому что тут невозможно ничего сказать.

— Задам тебе вопрос. А если бы на ее месте была Лили?

Я хватаю бутылку и начинаю производить глотки с такой скоростью, что закашливаюсь. Би Джей хлопает меня по спине.

— Ну, это явно не ответ на вопрос.

Я поднимаю на него глаза.

— Сначала я бы подумал, вытащить этого ребенка чуть ли не собственными руками из нее, чем позволить Лили убить себя. Но ребенок — это чудо, Би Джей. И если бы Лили захотела его выносить, несмотря на то, что это бы меня убивало, я бы поддержал ее. Я сделал бы все, что требовалось, чтобы она получила от меня самую лучшую поддержку, на какую я вообще способен. Я бы имел бы лучших в мире врачей на подхвате за несколько недель до начала родов, чтобы они смогли вытащить этого ребенка из нее.

— Ах да, страдания неизбежны. Муки совести по усмотрению. Улыбаться и молча страдать, да?

— Вы должны разделить ваше дерьмо вместе, мужик. Ты необходим Лейле сейчас, как никогда раньше.

— Никогда в жизни я не мог предположить, что окажусь в такой ситуации. Я чувствую себя мамонтом, умирающим от сотен копий, воткнутых в мою плоть.

— Пошли. Давай возвращаться.

Он встает покачиваясь, прежде чем прислониться к стене пещеры, затем поворачивается, чтобы войти в пещеру.

— Би Джей, — зову я.

Он поворачивается ко мне лицом, выглядя ошарашенным и пьяным. Сейчас он совершенно не похож на великого бойца, я еще ни разу не сталкивался с ним таким. Тогда я думал, что он может спокойно прожить и без Лейлы. Я был неправ насчет него — он искренне любит мою сестру.

— Прости, что заставил тебя пройти обряд обручения, — говорю я.

— Я совершил его не ради тебя.

Он поднимает лампу и заходит в темный проход. Вздохнув, я следую за ним.

38.

Лейла

Мэдди предлагает встретиться за ланчем в итальянском ресторане по середине пути между нашими рабочими офисами. Я приезжаю первой и пью минеральную воду, когда она входит в ресторан. Она не улыбается, как только ее глаза встречаются с моими, даже когда садится в кресло напротив, то улыбка не озаряет ее лицо.

— Как ты? — спрашивает она.

— Все хорошо, — говорю я, удивленная ее недружелюбием.

— Да? — она сжимает губы, и еле сдерживается, чтобы рассерженно не ответить.

Я стараюсь не реагировать на ее поведение.

— Да. У меня все в порядке. Я не испытываю боли или чего-то еще.

— Правда?

— Да, правда, — отвечаю я, понимая, что она просто нарывается на скандал.

— Ну, тогда ты просто счастливчик, потому что мне больно смотреть на Би Джея, как у него сердце обливается кровью.

Я пребываю в полном изумлении.

Она сердито смотрит на меня.

— Я никогда не думала, что скажу тебе это, но ты очень бессердечная, Лейла. Как ты можешь так поступать с нами? — она прерывисто вздыхает, прежде чем продолжить. — Мы так тебя любим, и ты готова бросить все ради... зародыша. Он же не любит тебя так, как мы. Черт побери, он же даже ничего не чувствует.

У меня такое ощущение, будто внутри я распадаюсь на маленькие осколки. Моя броня ослабела, поскольку каждый день я борюсь, пытаюсь сохранить ее, когда единственное, чего мне больше всего хочется — плакать из-за того, что я могу потерять все.

Ничего не видя перед собой, я хватаю пачку хлебных палочек и надрываю ее. Вокруг нас слышатся приглушенные звуки столовых приборов о тарелки, а также разговор и смех, и в фоновом режиме играет музыка.

Не плачь, Лейла. Не делай этого.

Я вытаскиваю палочку и подношу ее ко рту, но все мое тело тут же напрягается и сопротивляется. Одна часть во мне говорит, что она полна консервантов, другая — грустит, даже не собираясь притворяться, чтобы ее съесть. Никто на самом деле не понимает. Не мама, не Джек, не Би Джей, а сейчас даже Мэдди. Слезы жалят глаза. Я не позволяю им

упасть, и откладываю хлебную палочку на девственную скатерть, идеально выровняв ее с ножом.

— Бессердечная, — шепотом, устремив глаза на нож, повторяю я.

— Да, жестокая, — повторяет Мэдди чуть ли не с пеной у рта, громко и возмущено, переисполненная своею правотой.

Я поднимаю глаза.

— Я не бессердечная, Мэдди. Ты знаешь, что такое жестокость? Этот мир жесток. Судьба жестока. Бог, который решил, что я в моем чреве должен появиться прогрессирующий рак, именно в тот момент, когда там растет мой ребенок, тоже жесток. И я скажу тебе, что еще может быть жестоким. Предлагать мне убить своего собственного ребенка, тоже будет жестоким.

Мэдди даже не дрогнула.

— Нам всем стоит когда-то принимать тяжелые решения. Наши политики убивают каждый день сотни ни в чем не повинных людей на Ближнем Востоке, называя это — сопутствующим ущербом. Это же зародыш даже не вполне здорового человека, — страстно кричит она.

— И что? Я должна поступить так, потому что так делают другие?

— Нет, — она замолкает на мгновение, чтобы сменить тактику. — Какова же твоя великая любовь к Би Джею по сравнению с этим не рожденным плодом?

— Любовь — это любовь. Ты не понимаешь. Это маленькие и незначительные вещи отображают саму личность человека и называются тестом официантки. Ты всегда можешь составить свое мнение о человеке, как он или она обращается с официанткой, хотя бы потому что официантка не представляет собой никакую ценность, в виде персоны, с которой ты могла бы что-то планировать в бизнесе. Если я говорю, что люблю этого ребенка, это, в конечном счете показывает, насколько я люблю и как отношусь к Би Джею. Чем я готова пожертвовать ради него и нужна ли я ему?

— Я не хочу, чтобы ты умирала, — вдруг всхлипывая говорит она, и ее глаза наполняются слезами.

— Ах, Мэдди, — вздыхаю я, потянувшись к ее холодной и вялой руке. — Я четко поняла, что это не смертный приговор. Я беру на себя просчитанный риск, которому мы подвергаемся каждый день, даже того не подозревая. Я могу попасть под удар молнии, пока сплю в своей постели, или могу быть сбита машиной, пока перехожу улицу, или меня могут застрелить, как в кино, человек, который накачен по самые уши психотропными препаратами.

Мэдди всхлюпывает, но при этом внимательно меня слушает.

— Можно подумать, что я беспечна, но это не так. Обещаю тебе, я все продумала. И мое решение основывается на выводе лауреата Нобелевской премии сэра Фрэнка Макфарлейн Бёрнета (*Сэр Фрэнк Макфарлейн Бёрнет (англ. Sir Frank Macfarlane Burnet, 3 сентября 1899, Траралгон, Виктория — 31 августа 1985) — австралийский вирусолог. Основные исследования посвящены экологии вирусов, взаимоотношениям вирусов и их «хозяев», механизму размножения вирусов, их изменчивости. Королевская медаль (1947), Премия Альберта Ласкера за фундаментальные медицинские исследования (1952), Медаль Копли (1959), Нобелевская премия по физиологии и медицине (1960), Рыцарь-Командор Ордена Британской империи, Рыцарь Ордена Австралии, Австралиец года (1960)*), который сказал, что раковые клетки не являются инородными телами в нашем организме. Это просто

дефектные, мутировавшие клетки, производимые сотнями в нашем теле. В нормально работающей иммунной системе они быстро разрушаются естественным путем. Проблема возникает, когда наша иммунная система дает сбой, и не сопротивляется этим больным клеткам. Поэтому опухоль — это не сама проблема, а следствие неспособности иммунной системы нормально работать.

Я делаю глубокий вдох, поскольку это объяснение очень важно для меня самой, а также и для нее.

— Поэтому, я обратила свое внимание на источник самой проблемы. Я собираюсь заставить правильно работать свою иммунную систему, чтобы она была способна делать свою работу самостоятельно, собственно для чего она и предназначена. Я искренне верю, что наше тело обладает своими собственными мощными исцеляющими способностями.

Я слегка поглаживаю руку Мэдди и грустно улыбаюсь.

— Я люблю тебя, Мэдди. Всегда.

Слезы начинают течь у нее из глаз, она даже не пытается их вытирать.

— Кроме того Мэдди, ты меня знаешь, я не сдамся и не позволю никому говорить, что мне лучше не пытаться этого сделать, так как ничего не смогу изменить. Статистика говорит сама за себя. Меньше людей умирают от рака, чем от лечения рака.

— Мне так грустно, что я даже не могла заснуть прошлой ночью, Лейла.

Я закусываю губу, пытаюсь придумать, чтобы мне такое сказать, чтобы она почувствовала себя лучше.

— Помнишь, когда мы были детьми и очень симпатичный парень, как его звали? Ах да, Маркус пригласил нас на вечеринку?

Она хмурится.

— Да.

— Помнишь, ты хотела пойти.

— Да.

— А я нет, потому что моя интуиция подсказывала мне, что здесь что-то не так.

— И ты оказалась права, потому что вечеринка поверглась облаве, и все дети попали в большие неприятности, — закончила она медленно.

— Тот же самый инстинкт подсказывает мне сейчас, держаться как можно дальше от врачей.

Мэдди смотрит на меня совершенно другими глазами, постепенно осознавая мои слова.

39.

Лейла

Я с удовольствием смотрю на календарь — уже прошло четыре с половиной месяца, я сделала это, осталось всего лишь 40 дней. Сердцебиение ребенка сильное, моя кожа светится, у меня больше энергии, чем когда-либо.

В такие моменты мне кажется, что все произошедшее случилось не просто так. Я имею в виду то, что случилось со мной, Джек купил ферму, и теперь вся семья круглый год ест только экологически чистые овощи.

Мама и я так много узнали всего, о чем раньше даже никогда и не задумывались. Мы больше не едим пшеницу или обработанные пищевые продукты, а также продукты с консервантами. Сначала было трудно. Но моя мама — гений кулинарии. Теперь она даже делает мороженое с использованием органических ингредиентов.

Я достаю листья марихуаны, которые замачивала в течение пяти минут в воде, и опускаю в соковыжималку. Пятый раз за день я выпиваю эту смесь, приправленную ложкой органического бикарбоната соды, смешанной с кленовым сиропом. Сегодня Нора выходная, поэтому готовлю я. Сейчас скоро должен вернуться Би Джей.

Начиная с той ночи, когда Джек разыскал его в пещере и отвез домой, он стал совершенно другим. Я помню, как вышла в гостиную, чтобы встретить его, когда только услышала шум подъезжающей машины, и увидела его пьяного и спотыкающегося на пороге. Как только он поднял на меня глаза, взял на руки, словно был совершенно трезвым и сказал:

— Я люблю тебя, Лейла. И я как утес, на который ты всегда можешь положиться.

После этого он был непоколебим в своей поддержке мне. Он делал все от него зависящее, чтобы помочь, заботясь и защищая меня. Хотя иногда, я замечала его взгляд, наполненной тоской. Потом он улыбался почти печально и говорил:

— Иногда мне не вериться, насколько ты прекрасна.

Сегодня я хочу приготовить ему сюрприз. Он ест тоже, что и я, но сегодня я купила ему прекрасный стейк, из коровы, свободно пасущейся на лугах. Ранее я позвонила Берти, и она продиктовала мне свой любимый рецепт.

— Пожалуйста, не забудь положить кусочек сливочного масла в самом конце, от этого мясо будет иметь великолепный насыщенный вкус.

Как только я слышу звук мотора, я нагреваю сковороду и кладу немного масла. Сливаю воду у сваренного картофеля и начинаю толочь. Я кладу мясо на раскаленную сковороду, раздается шипение — потрясающе, в пюре добавляю масло и молоко и слегка перемешиваю, Би Джей входит в дверь.

— Вау! Чем-то очень вкусно пахнет, — говорит Би Джей подходя ко мне и утыкаясь носом мне в шею. — И это даже не принимая во внимание стейк.

Я смеюсь.

— А для кого стейк?

— Это для тебя, — спокойно говорю я.

— Я сказал тебе, мы оба едим одну и ту же еду.

— Только один раз. Я вдарилась во все тяжкие, — я высвобождаюсь из его рук, переворачиваю мясо и добавляю в пюре немного толченого чеснока.

Он наблюдает за мной, скрестив руки на груди.

— Давай. Садись, — он садится за стол, где уже стоит салат и его смесь в стакане, делает маленький глоток. Я кладу кусочек масла на мясо и слегка встряхиваю сковороду, чтобы оно растеклось по поверхности. Мой рот наполняется слюной, я так давно не ела мясо. Я отставляю сковороду с огня в сторону и достаю тарелки. Положив пюре, разрезаю

стейк и кладу его рядом, несущу тарелку к столу и ставлю перед Би Джейем.

Сажусь рядом.

— *Bon appetito.*

Он наблюдает за мной, забирает у меня вилку и опускает ее в мой салат из зелени ростков, семян авокадо и помидор, зачерпывая к себе. Затем перекладывает половину мяса на мою тарелку.

Я поднимаю на него глаза, мне очень хочется съесть кусочек и в животе урчит.

— Мне не следует, — говорю я.

— Это всего лишь чуточку, тебе не повредит, кроме того ты получишь дополнительную экстренную помощь витамина С или чего-то другого.

Я улыбаюсь.

— Хорошо, он выращен на подножном натуральном корму, поэтому думаю, что это неплохо.

Мы отрезаем по куску мяса и кладем в рот одновременно, оно просто тает во рту.

— Ум, — говорит Би Джей, — это самый вкусный кусок мяса, который мне когда-либо доводилось пробовать. Без сравнения твоей киски, конечно.

Я заливаюсь смехом, но он прав. Мы медленно смакуем нашу еду, потом идем гулять в лес. В конце лета лес — потрясающий и очень красивый. Сейчас тихо, но в кустах и подлеске можно встретить барсуков, лисиц и оленей. Мы идем по тропинке к поляне, на которой садовник Би Джей сделал беседку из плетистых роз. В это время года розы отдают свой последний цвет. Пространство вокруг них все усыпано опавшими лепестками, и стоит еле уловимый аромат. Мы входим в беседку и садимся.

Здесь так спокойно и тихо, поэтому молчим.

Но существует одна вещь, которую я очень хочу сделать. С тех пор, как мы узнали о раке, Би Джей никогда не касался моего живота. Даже когда мы занимались любовью, он все равно не касался моего живота. Я расстегиваю рубашку снизу и беру его руку, укладывая на свой оголенный живот. Я чувствую его сопротивление, но смотрю на него умоляюще.

— Пожалуйста.

Выражение его лица смягчается, и он расслабившись, позволяет положить свою руку себе на живот. Глядя на меня его глаза темнеют, мы ни на секунду не отводим взгляда друг от друга. «*Толкнись, Томми, толкнись*», — молю я про себя. В этом мире не существует никого, только я и Би Джей, и еще... толчок. Сильный. Мы оба чувствуем его. Кто-то еще только что вошел в наш мир. Мы улыбаемся, с удивлением уставившись друг на друга.

— Он говорит «привет», — говорю я.

— О Господи! — бормочет вдруг Би Джей.

— Это наш Томми, — отвечаю я.

— Это наш Томми, — повторяет он прерывающимся от волнения голосом.

Он тянет за низ моей рубашки, прикрывая живот, и аккуратно продевая пуговицы в петли.

— Пойдем, принцесса, нужно отвезти тебя и малыша домой.

40.

Лейла

«Жизнь следует прожить подальше от печали».

Альбер Камю

Осталось всего лишь 20 дней на моем календаре. Сейчас темно, когда я спускаюсь по лестнице виллы, держась за шершавые деревянные перила. Я прохожу через красиво оформленную комнату, в которой сногшибательный витиеватый обеденный стол, гигантские ракушки, свисают с потолка в определенном элегантном порядке на открытые окна. Беззвучно ступая босыми ногами, я раздвигаю двери, находясь на вилле в Тулуме, куда меня привез Би Джей на эти выходные, принадлежащей наркобарону Пабло Эскобару.

— Почему Мексика? — взволнованно спрашиваю я в самолете.

— Это сюрприз, — отвечает он с улыбкой.

И в полночь я понимаю, что он нанял людей, которые развесили на ниточках синие фонарики по всему пляжу, играет группа «Марьячи», а на циновках прямо на песке стоит кувшин с безалкогольным коктейлем.

— Не узнаешь? — спрашивает он.

И его вопрос заставляет меня вспомнить — конечно же, он оживил мою любимую песню, и дополнил ее без алкогольной «Маргаритой», переливающимися синими огнями под мексиканским небом с «Мариачи» в полночь — «Ты со мной?»

Я заплакала.

Сейчас, когда я иду по белому песку, утопая ногами и стою у кромки воды, обхватив живот, говорю:

— Смотри, где мы находимся, Томми, — прохладный утренний ветерок обдувает лицо, убирая волосы. Мне хочется почувствовать, как морская вода будет накатывать на ноги, которые стали невероятно чувствительными. Я до сих пор стою с закрытыми глазами, когда подходит Би Джей и встает рядом со мной. Я поворачиваю к нему голову — брови представляют собой прямую линию, и его лицо испещрено тенями.

— Из окна ты была похожа на русалку, такую красивую, что я боялся прикоснуться к тебе, мне казалось, что ты призрак, — тихо говорит он.

Я улыбаюсь.

— Давай сядем рядом, здесь настолько спокойно.

Мы идем по кромке воды, садимся на белый песок, и молча наблюдаем за восходом солнца. Все стало по-другому, каждую минуту мы стараемся проводить вместе, поскольку стали осознавать — каким драгоценным подарком обладаем — мы все еще живы.

Красный, оранжевый, желтый. Небо становится удивительным калейдоскопом цвета. Рядом с нами на песке лежит брошенная банка кока-колы. Это тоже жизнь. Я

поворачиваюсь к Би Джею. Его лицо светится золотисто-красными оттенками.

— Я люблю тебя, Би Джей.

Он наклоняется ко мне, как будто хочет заглянуть глубоко в душу, чтобы понять на самом деле ли это так.

— Что? — спрашиваю я его.

— Я вспомнил ту первую ночь, когда обнаружил тебя в своей спальне.

Я ухмыляюсь.

— Когда ты отшлепал меня?

— Когда ты была такой мокрой?

— Ты никогда не говорил мне об этом. Ты был жестким?

— Как камень.

Я смеюсь.

— Зачем ты пришел в свою комнату?

— Я последовал за тобой. Я видел, как Риа повела тебя наверх, и когда ты долго не возвращалась, я решил, что ты решила заглянуть в мою спальню.

— И что ты подумал, когда увидел меня там?

— Когда я застал тебя, крадущей мою булавку для галстука?

— Ммм...

— Я не мог поверить своим глазам. Лейла Иден находится в моей спальне и пытается украсть у меня то, что ей точно не принадлежит. Все мои рождественские мечты осуществились в тот момент.

Я беспечно пожимаю плечами.

— Я не собиралась красть, и даже не думала, что краду, поскольку это принадлежало мне. На булавке для галстука было выгравировано мое имя, но у меня такое чувство, что оно было выгравировано не только там, но и на твоём члене.

Он смеется.

— Твоим именем, бл*дь, заклеено это уж точно.

Я беру горсть песка и с удовольствием пропускаю его через пальцы.

— Иногда я мучаюсь вопросом — а что произошло бы, если бы Риа не повела меня в дамскую комнату наверху? Мы бы так и никогда не были бы вместе?

Он берет мою руку, его прикосновение успокаивает.

— Я всегда мечтал быть с тобой. У нас был секс не случайно. Я всегда пытался найти способ, чтобы ты обратила на меня внимание, прямо с того дня, когда ты подняла юбку и показала мне свои трусики в горошек.

— Я не подняла и не показала, — протестую я возмущенно. — Я упала.

— Все так говорят.

— Ах, ты оказывается такой самодовольный.

— Все так говорят.

— Ой! — я ударяю его по руке, и он в ответ толкает меня на песок. Секс настолько нежный, как море, песок и оранжевое небо во время восхода. Все они стали свидетелем нашей любви. И все это сможет сохранить память о моей любви к этому мужчине, если вдруг я не смогу. Внутри с удовольствием меня пинает Томми.

«Позаботься о папочке, если меня не будет рядом».

Би Джей

Я покупаю ей цветы и наблюдаю, как она поглаживает их, словно они малые дети, а она желает снять с них всю боль, так успокаивая. После той ночи в пещерах с Джеком, я ни разу не сказал, как каждый день у меня болит сердце за нее. Она умирает прямо на моих глазах, и я ничего не могу с этим поделать. Я хочу встать перед ней на колени, хочу завывать. Но это бы напугало ее. Она с радостью смотрит на календарь — становясь еще на один день ближе к своей цели. Я же смотрю на этот календарь просто с ужасом — еще на один день ближе, чтобы выяснить — не сожрал ли ее рак.

Сколько осталось?

Она кое-что скрывает от меня, так как знаю, что она писала письмо Томми на восемнадцатилетие, которое следует отдать ему в день рождения. Она отдала его своей матери, я случайно подслушал их разговор. Невыносимую боль от этого я даже не в состоянии описать. Мне хотелось выйти на ринг и подраться с десятью противниками. Я хотел кого-нибудь избить, настолько мне было больно, но в итоге направился в ванную комнату и пробил там дыру в стене. Было чертовски больно, но по крайней мере, физическая боль притупила душевную.

Когда она находится со своими родными, я чувствую себя обделенным. У меня почему-то возникает чувство, словно они воруют у меня время, проводимое с ней, которого остается все меньше и меньше.

Не знаю, сколько еще я в состоянии пережить таких эмоций.

Каждый день она заставляет касаться своего живота. Не могу сказать точно, как я отношусь к Томми. Я понимаю, что он моя плоть и кровь, что он мой и у нас родственная связь, но в моем сердце нет к нему любви. В моем сердце нет для него места. Для меня существует только Лейла.

Я не могу полюбить кого-то еще.

Не сейчас.

Еще нет.

Возможно из-за того, что на данный момент мое сердце разорвано и истекает кровью. Возможно.

После той ночи в VIP-комнате я больше не ходил в клуб или стриптиз-клуб.

Мы вошли в VIP-комнату. С нее соскользнуло платье, она развела ноги, показывая мне свою киску, и спросила, не хотел бы я ее потрогать, я ничего не почувствовал. Единственное — отвращение к самому себе. Член никак не отреагировал, просто обмяк. Я заплатил ей и ушел. Осознав, что как только вышел за дверь, пришел явно не туда. То, что я хотел обрести или найти невозможно найти в баре или стрип клубе. Я направился туда, где давно находил утешение, где меня точно никто никогда не найдет — в темные пещеры

давних контрабандистов.

Боб Марли поет *No Woman No Cry*. Календарь показывает оставшиеся десять дней. И да, в конце, на последнем дне, нарисован счастливый улыбающийся смайлик.

42.

Лейла

Завтра наступает день X. Поскольку я отказалась от биопсии, которая может способствовать и стать причиной выкидыша, завтрашний день будет подобно открытию ящика Пандоры. Они будут делать биопсию матки, чтобы оценить, насколько плоха ситуация. Сразу же после этого, врачи сделают кесарево, чтобы извлечь ребенка и произведут гистерэктомию.

Врачи не могут точно сказать, сколько я буду находиться в больнице. Операция кесарева сечения займет от 45 до 60 минут, которую просто необходимо будет сделать, даже не зная результатов биопсии. Мне кажется, что мои чувства слишком притупились, поэтому я даже не испытываю страха.

Я упаковала свою сумку, оптимистическую сумку — жевательная резинка, которая поможет ускорить процесс функционирования кишечника, после кесарева сечения, компрессионные чулки, прокладки и даже пару бокалов шампанского.

Как странно, что у меня возникает такое чувство, складывая свою сумку, будто я никогда не вернусь.

* * *

Мы рано садимся ужинать, так как сегодня мне нельзя есть после 8 вечера. Я ем совсем немного, Би Джей вообще ничего не ест, немного разговариваем, в большей степени пьем друг на друга, словно видимся в последний раз. Потом направляемся в спальню. Я приняла ванну с ароматическими маслами, поставила ароматические свечи и положила на кровать шелковые простыни, которые заранее заказала в Интернете, так же рядом с кроватью поставила поднос с фруктами и большую красивую коробку конфет.

— Ты знаешь? — шепчет он мне. — Сексуальные рукописи династии Минг рассматривают половые органы женщины в качестве горна или печи, из которого мужчина может черпать свою жизнеспособность.

— Да? — спрашиваю я, прикусывая нижнюю губу.

— Да. Хочешь попробовать что советует династия Минг? — на какое-то мгновение тот прежний Би Джей появляется в свете свечей. Сегодня он выглядит сильным и

могущественным, и я явно растаю в его руках.

— Хорошо.

— Разденься догола, начинай раскачиваться всем телом, ногами, головой, и своей сладкой попкой. Затем сядь, скрестив ноги на кровати и пригласи меня войти в тебя.

Я начинаю раскачиваться всем телом, сажусь как он сказал и прошу его войти в меня. Он раздевается, мышцы перекачиваются от каждого его движения по всему телу, его член стоит навтыжку, как хороший солдат. Он подходит и садится передо мной.

— Когда я выдыхаю, ты вдыхаешь и наоборот. Представь, что ты дышишь моим дыханием, которое струится прямиком в твои половые органы.

Пока он дышит, я представляю, как его дыхание входит в мое тело и устремляется вниз. Я начинаю чуть ли не парить, как только осознаю, что он забирает полностью мною выдыхаемый воздух. Он так великолепен.

У меня быстро проносится мысль, что я делюсь с ним всем, и он со мной делится тем же. Понимание столь важного момента, делает мою кожу супер-чувствительной, как будто через тело пропустили электрический ток.

Он не отрывает взгляда от моих глаз.

— Теперь поцелуй и разделим свои дыхания.

Мы целуемся и еще целуемся, и во время этого поцелуя происходит что-то странное. Я не верила, что могли существовать такие «вау вещи», но среди аромата свечей и арома масел, шелковых простыней, мы вдруг становимся единым целым. Я не говорю сейчас про себя и Би Джея, я говорю, про Томми, себя и Би Джея, словно мы оказались в каком-то магическом круге, которым все трое связаны навеки. Совершенно неважно, что произойдет после этой ночи, мы всегда будем вместе.

Потом я возвращаюсь в свое физическое тело, стоя на коленях, и упиваясь от ощущения, лаская его член. Он такой, каким и был раньше, до моего диагноза. Невероятно страстный и желающий. Я чувствую, как его большие руки проходятся по моему телу. Трогательно дотрагиваясь и клеймя, также было и в нашу первую ночь.

Оргазм, настолько потрясающий, настолько невероятный, настолько сумасшедший, что я даже не могу кричать.

— Вау! Это было так... неповторимо, — с трудом выговариваю я шепотом.

Он переводит свои черные, как у ворона, глаза на меня.

— Ты сногшибательна.

— Ты говоришь, дорогой, об этом мне сейчас? — поддразниваю я его с улыбкой

— А почему нет? Ты все, о чем я мог мечтать. Ты самая крутая и классная девушка, Лейла.

Я смотрю в его выразительные глаза. Боже, как я люблю этого мужчину. Я накрываю его руки своими.

— Чтобы ни случилось завтра, тебе стоит знать — я вечно буду любить тебя.

Грустное и что-то темное набегают на его лицо, но моментально пропадают, словно мне это показалось.

— Ты готова для поцелуя, пожелания спокойной ночи? — нежно спрашивает он.

Он проделывает этот ритуал с того дня, как мы поженились, раздвигает мои ноги и долго целует меня в самую середину киски.

— Спокойной ночи, дорогая, — мягко шепчет он в мои половые губы.

«Прыгни в яростную бездну с улыбкой на своем лице.

Поскольку, всегда есть место волшебству.»

Шаманы

43.

Би Джей

Ее глаза выглядят так, будто они светятся изнутри, а ее кожа действительно светится. Я вспоминаю мысль, которая меня действительно пугает. Моя бабушка однажды сказала мне, что за несколько часов до смерти человек всегда светится. Всем кажется, что ему становится лучше, но на самом деле он просто готовится завершить свое путешествие на земле.

Мы находимся в больнице. Ее семья ждет на улице, они пожелали ей скорейшего выхода вместе с ребенком и теперь настала моя очередь. Я ничего не могу произнести, поскольку слишком боюсь сломаться. Я чувствую, словно внутри меня полыхает огонь, я никогда не испытывал такого страха за всю свою жизнь.

— Ты передашь Томми, что я люблю его и всегда буду любить, — говорит она, ее голос слегка дрожит и виден страх в ее глазах. Похоже, ей также страшно, как и мне.

— Черт, я не смогу этого сделать. Бл*ть скажи ему все сама, — говорю я.

— Скажи мне что-нибудь хорошее, — тихо просит она.

Я не могу. Если я перестану быть сукиным сыном, то закричу и завою во весь голос.

— Когда ты выберешься отсюда, я хочу тебя оттрахать с такой силой, что тебя придется зашивать.

— Я сказала, скажи мне что-нибудь хорошее.

— Трудно произнести что-то хорошее, когда у тебя внутри все истекает кровью.

— Ах, дорогой.

Приходит медсестра.

— Пора, — говорит она.

Я хватаю Лейлу за руку.

— Не бойся, — шепчет она мне. — Я не боюсь.

Я хочу заплакать. Я хочу схватить ее в свои объятия и не позволить им забрать ее у меня, но я опускаю ее руку и наблюдаю, как они увозят ее на каталке через двойные двери. Я стою полностью потерянный и испуганный в пустой комнате. Я чертовски напуган, даже

вздыхает мне с трудом, словно тело совершает невероятное усилие. Я чувствую, как кто-то обнимает меня за плечо, оборачиваюсь.

— Пойдем со мной, — говорит Джек, твердо и бесприкословно. И словно потерянный ребенок я выхожу с ним на улицу, чувствуя себя полностью опустошенным. Я отпустил ее, она может умереть на операционном столе.

Мне следовало сказать ей, что она одна такая на целый миллиард.

Эпилог

Би Джей

«Не смелость мечтать может оказаться легкомысленностью».

Джордж Леонард

На могиле уже лежат свежие цветы. Мать, должно быть, приходила сюда раньше. Я стою у надгробья и испытываю потрясающее чувство полного спокойствия. Впервые в жизни я чувствую себя в мире с самим собой. Нет ненависти, злости, боли, ничего нет.

Все забытые кусочки головоломки моей жизни собрались в блестящую красивую мозаику. Только теперь я понимаю, почему присутствовало красное, что привлекало мое внимание больше всего, и почему черное, находилось именно там, где я даже не мог себе его представить.

Теперь я четко вижу, как это все происходило.

Маленькая божья коровка ползет по черному мраморному надгробью отца. Я наклоняюсь, чтобы разглядеть ее получше. Налетевший порыв ветра, отправляет ее в полет. Я касаюсь камня, он теплый от утреннего солнца.

Никогда не думал, что настанет такой день, когда я прощу своего отца. Я вспоминаю одного наркомана, который однажды сказал мне:

— Я не собираюсь его ругать, и не собираюсь жалеть. Прежде чем судить его, ты должен все же стать мужчиной и получить определенный опыт.

Тогда я до конца не понял, что он имел в виду, но теперь точно знаю. При определенных обстоятельствах, я мог бы стать похожим на своего отца. Даже несмотря на то, что у меня бы остался Томми, я бы не смог полюбить его... без Лейлы, поскольку был бы также мертв изнутри, как и мой отец.

Он много не злословил, просто злился и горевал, молча про себя.

Я отворачиваюсь от могилы и направляюсь к машине. Мне необходимо по дороге домой заехать в местный супермаркет и купить упаковку органического молока для Лейлы. Разве я вам так и не сказал, что тогда произошло? Ее привезли в операционную на биопсию, но сделав УЗИ опухоли не обнаружили. Ее не было, и они не могли в это поверить. Наверное,

до сих пор не могут, им даже не пришлось делать кесарево. Лейла оказалась права — она никогда не переставала верить, поэтому, наверное, и совершила свое чудо.

Лейла вынашивала нашего ребенка полный срок.

Томми родился здоровым, крепким, весом 8 фунтов и 2 унции. *Любимчик.*

Сегодня стоит прекрасная погода, поэтому я паркую машину и иду к магазину на углу.

— Пришли за молоком, мистер Пилкингтон? — спрашивает мистер Сингх.

— Да, — отвечаю я, взяв упаковку.

— Передайте вашей жене, органический йогурт поступит на следующей неделе.

Я улыбаюсь.

— Она будет рада.

— Да, ваша жена очень заинтересована в органических продуктах. Она всегда смотрит на семена для рассады, и я специально заказываю их ей из Индии.

— Спасибо, мистер Сингх.

— Мне не трудно.

Колокольчик начинает звонить, как только я закрываю дверь магазина. Закуриваю сигарету по дороге домой. Я тушу и выбрасываю окурок подальше от крыльца в кусты. Вставляю ключ в замок, открываю дверь и делаю шаг внутрь.

Лейла спускается по лестнице мне навстречу, расплываясь в улыбке.

— Привет, — весело говорит она, останавливаясь передо мной.

Я наблюдаю за ней, и сердце наполняется солнцем и теплом.

— Ты выглядишь такой, что тебя хочется съесть.

— Это не столь важно, поскольку у меня есть один сюрприз, который я хочу тебе сообщить, — шепчет она.

— Какой? — спрашиваю я.

Она хихикает.

— Мы опять внесем свой вклад в мировую проблему перенаселения.

У меня расширяются глаза, мне даже кажется, что я сразу же вырос до десяти футов. Я опускаю пакет с молоком на пол и подхожу ближе. Лейла пахнет молоком и детской присыпкой. Она начинает смеяться, как только я подхватываю ее за талию и подымаю высоко в воздух, начиная кружить. Мы кружимся и кружимся, пока у нас обеих не начинает кружиться голова, и мы вот-вот готовы потерять равновесие.

— У меня уже кружиться голова от тебя, — смеясь говорит она.

Любовь остается всего лишь словом, пока не появляется кто-то и не наполняет его смыслом.

Лейла. Именно она и есть этот смысл для меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net